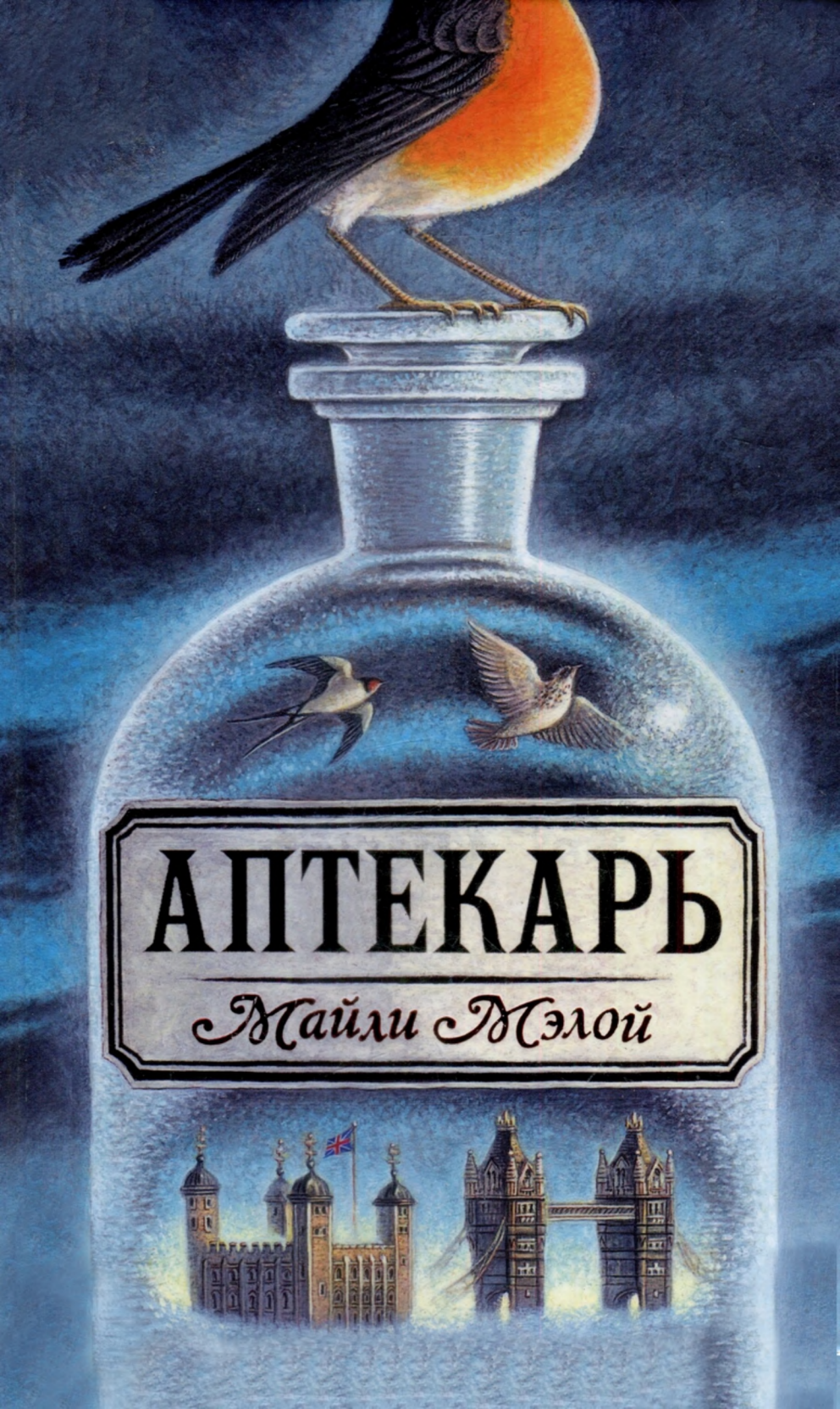

АПТЕКАРЬ
Майли Мэлой

1952 год. Юная Джейни и ее родители переезжают из Лос-Анджелеса в Лондон. Джейни совсем не нравится их новый дом и мрачный город, где она никого не знает. Поэтому когда она знакомится с Бенджамином, сыном местного аптекаря, она с радостью соглашается отправиться с ним на прогулку и в шутку повыслеживать в парке кого-нибудь, похожего на шпиона. Но неожиданно выясняется, что шпион настоящий, а после внезапно исчезает отец Бенджамина, оставив им книгу под названием «Фармакопея». В ней обнаруживаются рецепты микстур, которые могут сделать человека невидимым, заставить говорить правду или превратить в птицу. За книгой охотятся русские шпионы, и теперь Бенджамину и Джейни предстоит не дать врагу завладеть «Фармакопеей» и найти исчезнувшего аптекаря.

«Мэлой на удивление удачно сочетает исторический рассказ о послевоенных событиях и древнюю историю фармацевтического искусства».
Los Angeles Times

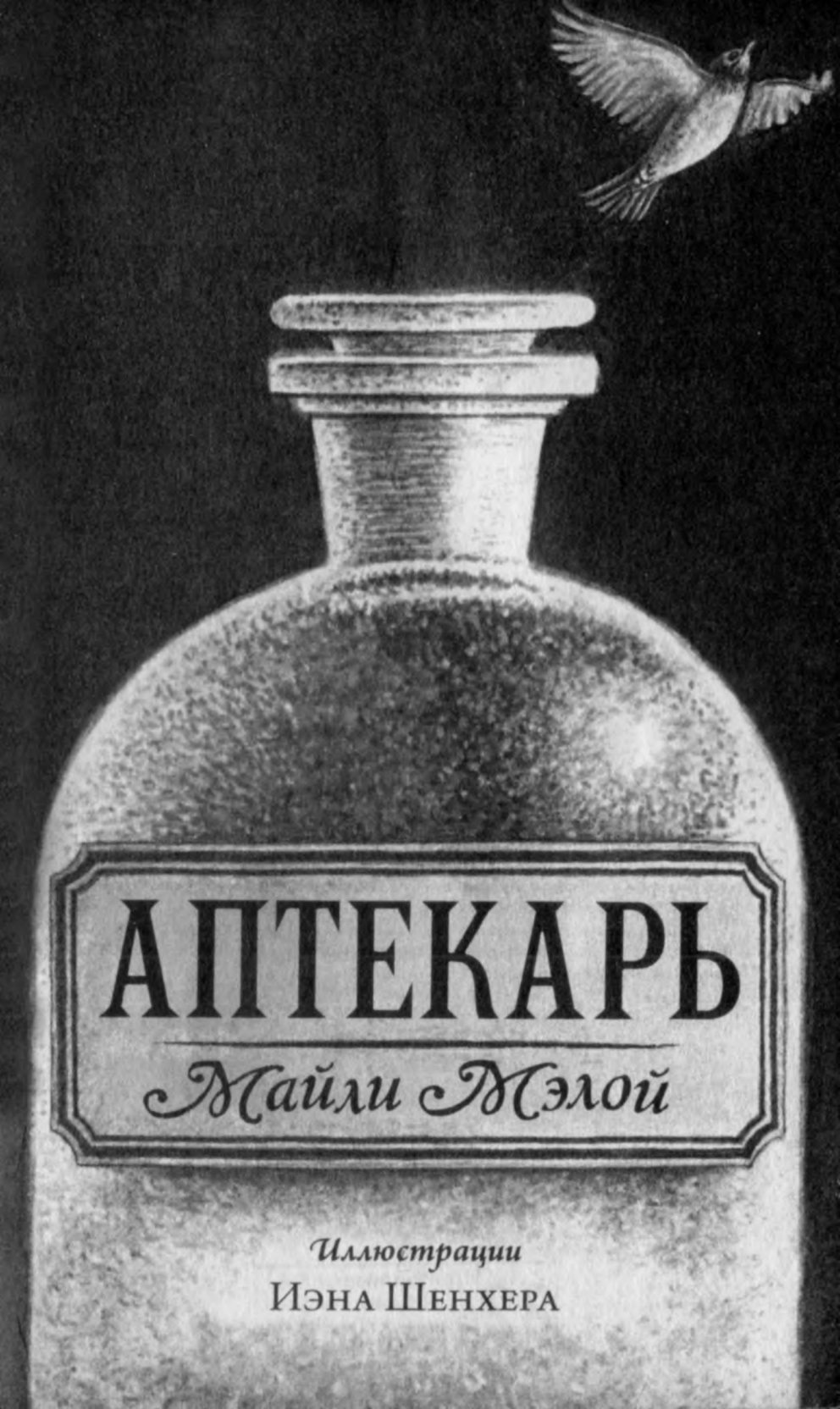
«Представьте себе нечто среднее между Гарри Поттером и Нэнси Дрю... Это волшебная книга поражает воображение».
New York Journal of Books

«Интригующее сочетание истории и тайны».
Booklist

ISBN 978-5-271-42663-6
9 785271 426636

АПТЕКАРЬ

Майли Мэлой


АПТЕКАРЬ
Майли Мэлой
Иллюстрации
Иэна Шенхера

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)
М97
5-9

Мэлой, М.
М97 Аптекарь: роман / Майли Мэлой; иллюстрации Иэна Шенхера; пер. с англ. В. Максимовой. – М.: Астрель, 2012. – 448 с.

ISBN 978-5-271-42663-6 (ООО «Издательство Астрель»)

1952 год, Лондон. Юные Джейни и Бенджамин во время прогулки в парке случайно вычисляют и обнаруживают шпиона. В попытках проследить за ним они выясняют, что шпион каким-то образом связан с отцом Бенджамина, местным аптекарем. В тот же день он внезапно исчезает, оставив им книгу под названием «Фармакопея». В ней обнаруживаются рецепты микстур, которые могут сделать человека невидимым, заставить говорить правду или превратить в птицу. Именно за этой книгой охотятся русские шпионы.

«Аптекарь» – это захватывающий роман, на страницах которого в едином сюжете сплелись исторические события, мистические знания древних фармацевтов и головокружительные приключения юных сыщиков.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

127243 -5

ISBN 978-5-271-42663-6 (ООО «Издательство Астрель»)

© Coryright 2011 by Maile Meloy and Fathouse Incorporated. All rights reserved.
"Bert The Turtle" Words and Music by Leo Corday and Leon Carr
1951, Reproduced by permission of 1951, London W8 5SW
© В. Максимова, перевод на русский язык, 2012
© ООО «Издательство Астрель», 2012

Посвящается Фрэнни

Моему читателю:

Мои воспоминания о событиях, случившихся в 1952 году, когда я вместе с родителями переехала из Лос-Анджелеса в Лондон и познакомилась с Бенджамином Барроузом, нельзя назвать точными по причинам, о которых я расскажу в этой книге дальше. Нет, я не забыла те месяцы, как сейчас порой забываю, где оставила свои очки, что случилось в романе, дочитанном на прошлой неделе, или как зовут хозяйку, продающую апельсины на фермерском рынке. Происшествия весны 1952 года исчезли из моей памяти гораздо прочнее и основательнее.

К счастью, в тот год, когда мне было четырнадцать и моя жизнь столь непредвиденным образом изменилась, я вела дневник. Этот дневник у меня забрали, но потом он снова вернулся ко мне. Когда я перечитала записи, сделанные моей рукой, то не узнала ни слова, словно писала во сне и описывала сон, растаявший без следа после пробуждения.

Люди часто называют свое детство волшебным, но мое было таким на самом деле, в прямом смысле слова. В то время, когда я дулась на родителей за то, что из-за них нам приходится уезжать из Лос-Анджелеса, за китайским химиком охотилась полиция, а венгерский физик совершенствовал способ останавливать время. Так случилось, что через Бенджамина и его отца я оказалась втянута в заваренную ими кашу.

Но если я расскажу тебе об этом сейчас, ты мне не поверишь. Поэтому мне придется изложить все по порядку, восстановив цепь событий, начиная от встречи с Бенджамином. Долгое время эти воспоминания, при всей их фантастичности, казались мне важными только для меня одной. Но в последнее время я чувствую насущную необходимость как можно скорее поделиться этой историей со всеми.

Джейн Скотт

Лос-Анджелес, 2011

ГЛАВА 1

Слежка

Мне было семь лет, и я жила в Лос-Анджелесе, когда капитуляция Японии положила конец Второй мировой войне, поэтому я живо помню всеобщую радость и воодушевление. Родители взяли меня на парад, проходивший на Фэйрфакс-авеню, я сидела у папы на плечах, а кругом моряки целовали девушек. В школе нас научили делать бумажные флажки, чтобы размахивать ими на парадах, и рассказали, что сила зла – то есть две силы зла – повержены навсегда. И больше в мире никогда не будет войн.

Но среди друзей моих родителей были те, кто не верил в то, что больше никогда не будет войны.

–Люди всегда так говорят о последней войне, – рассуждали они у нас на заднем дворике за высокой живой изгородью, потягивая вино или лимонад, – именно такими я запомнила родительских друзей того времени: женщины с высоко зачесанными волосами,

уложенными во французские пучки на затылках, мужчины в развязанных галстуках, все сидят у нас на заднем дворе с бокалами в руках. – И посмотрите, к чему мы пришли?

Другие говорили, что после пережитых ужасов мир уже никогда не будет прежним. Но мои родители всегда грозно смотрели на таких друзей, если замечали, что я прислушиваюсь к разговору.

Папа сказал, что нормы потребления бензина отменены, поэтому скоро мы сможем поехать в Королевский каньон (я искренне верила, что там живут настоящие короли) полюбоваться огромными деревьями. А наша учительница второго класса начальной школы сказала, что скоро у нас снова будет настоящее сливочное масло, а не белый олеомаргарин и желтые капсулы с красителем, которые можно было добавить в него для придания цвета. Я не помнила настоящего масла и любила бутерброды с белым маргарином и сахарным песком (моя мама никогда не добавляла в олеомаргарин краситель, потому что ненавидела всякое притворство), но меня радовало, что жизнь станет еще лучше. У нас будет настоящее масло, чем бы оно ни оказалось и с чем бы его ни ели, а у меня, может быть, появится младшая сестренка. Я назову ее Лулу. Война закончилась, плохие парни проиграли. Началась счастливая жизнь.

И какое-то время как будто все складывалось именно так. Младшей сестренки я, правда, не дожда-

лась, зато у меня были самые умные и самые веселые родители на свете, и друзья у них были почти такими же умными и веселыми. Моих родителей звали Марджери и Дэвис Скотт, они были сценаристами, начинали на радио, потом работали в телешоу, сначала в «Театре у камина», а затем в «Я люблю Люси». Сценаристы выезжали писать в Санта-Барбару, где я вместе с другими писательскими детьми носилась по авокадовым рощам и играла в другие подвижные игры с детально продуманными правилами, вроде салочек или пятнашек.

Мы собирали упавшие авокадо, и прямо из кожуры поедали жирные зеленые ломтики, щедро посыпая их солью. Мы плавали в океане и плескались в волнах, а потом лежали на песке, поджариваясь на солнце.

В палисаднике перед домом моих родителей росло апельсиновое дерево, усыпанное цветами, и прохожие часто останавливались перед нашей изгородью и крутили головами, не понимая, откуда доносится этот сладостный аромат. Приходя домой из школы, я срывала апельсин и съедала его прямо над раковиной, чтобы не облиться соком. В школе мы читали стихотворение, в котором были строчки: «Благословен заставший ту зарю, но молодым заставший — всех счастливей»*. Это было написано о Вели-

* У. Вордсворт. Французская революция, как она видится энтузиастам.

кой французской революции, но мне казалось, что о моей жизни.

Но это было до того, как за мной начали следить.

Вначале изменился большой мир. В Корее началась новая война с Китаем, который был нашим союзником в последней войне. Русские, которые тоже были нашими союзниками, создали атомную бомбу и, похоже, собирались использовать ее против нас. Коммунистическая угроза притаилась повсюду, хотя мои родители считали, что опасность ее сильно преувеличена.

В нашей голливудской средней школе показывали обучающий фильм, в котором жизнерадостная мультяшная черепаха по имени Берт объясняла детям, что при ядерном взрыве нужно забраться под парты и спрятать голову в колени. Черепашка пела песенку, в которой были такие слова:

Знакомьтесь, это Берт, черепаха,
Берт начеку и не знает страха.
Если встречался с опасностью Берт,
Он не боялся, он знал секрет.
Он не терялся и не метался,
Он пригибался и накрывался!
Пригнись и накройся!
Ты, ты и ты, дружок,
Твердо запомни этот урок.
Пригнись и накройся!

Наша учительница, мисс Стивенс, родившаяся еще в дебрях прошлого века и носившая на макушке седенький пучок, похожий на пирожное-безе, учила нас правилам поведения при атомном взрыве.

—Ядерная вспышка! — объявляла она. — Все под парты!

И мы пригибались, как будто наши деревянные школьные парты, забитые тетрадками и карандашами, могли защитить нас от настоящей атомной бомбы.

Самое главное, подчеркивали создатели фильма, не поддаваться панике. Вместо этого все поддерживали в себе постоянный средний уровень тревожности. Я училась только в девятом классе и, наверное, могла бы остаться в стороне от всеобщего помешательства, но тут мне стало казаться, будто за мной следят.

Вначале это было всего лишь ощущение. Оно появлялось по дороге домой: странное чувство, которое возникает, когда на вас кто-то смотрит. В феврале в Лос-Анджелесе бывает прохладно и ветрено, но не холодно. И высокие пальмы, окружавшие школу, зеленели, как обычно.

По дороге домой я отрабатывала походку Кэтрин Хепберн, стараясь ступать плавно, откинув плечи назад.

В то время я отдавала предпочтение брюкам, а самыми любимыми у меня были ярко-зеленые мор-

ские клеши с широченными штанинами и четырьмя большими пуговицами на животе. Эти брюки очень подходили к образу Хепберн, их расклешенные отвороты приятно шелестели и колыхались при каждом шаге. Кэтрин Хепберн была моей любимой актрисой, и я втайне мечтала, что если научусь ходить, как она, то смогу чувствовать себя и быть, как она — стану такой же сильной и уверенной, буду так же встряхивать головой и отпускать остроумные колкости. Но мне совсем не хотелось, чтобы кто-то видел, как я отрабатываю походку Хепберн, поэтому вначале ощущение, что за мной подглядывают, вызвало у меня только смущение. Оглянувшись через плечо и не увидев за спиной ничего, кроме обычного оживленного движения на Хайлэнд-авеню, я крепче прижала к себе учебники, ссутулила плечи и поплелась домой, как самая обычная четырнадцатилетняя девочка.

Но затем настал день, когда, снова почувствовав на себе чей-то взгляд, я обернулась и заметила черный седан, ехавший медленнее остальных машин в потоке. Более того, он двигался с той же скоростью, что и я. Кэтрин Хепберн на моем месте ни за что не испугалась бы, поэтому я прибавила шаг, но и машина тут же прибавила скорость. И тогда я запаниковала. Я свернула в переулок, убедилась, что машина не поехала за мной, и во весь дух припустила вдоль торцов домов, мимо мусорных баков. Когда я выскочила на тихую и тенистую

Сельма-авеню, там был только мужчина, подрезавший розы перед своим домом, и никаких машин.

Сердце у меня колотилось так сильно, что пришлось сделать несколько медленных вдохов. Я кивнула мужчине с розами и пошла вниз по Сельма-авеню. По дороге я твердила себе, что перепугалась напрасно: никто за мной не следил. Да и у кого могла быть причина это делать? Я встряхнула головой, воображая, что от этого движения мои волосы всколыхнуться пышной вьющейся массой — и тут черный седан выехал из-за угла передо мной и медленно пополз мне навстречу.

Меня обдало холодом, словно вся моя кровь разом превратилась в ледяную воду.

Я повернулась к мужчине с розами, но тот уже скрылся в своем доме. Тогда я судорожно вцепилась в учебники, чтобы руки перестали дрожать, и зашагала вперед, а черная машина с вызывающей неспешностью поползла в мою сторону. Когда она поравнялась со мной, я как можно выше вздернула подбородок и бросила косой взгляд вбок. В машине сидели двое мужчин в темных костюмах. Тот, что расположился на пассажирском кресле, ближе ко мне, был так коротко подстрижен, что казался похожим на солдата, и, не скрываясь, разглядывал меня. На заднем сиденье лежали две темные шляпы с полями. До сих пор я ни разу в жизни не видела мужчин, которые носили бы шляпы.

Я пошла дальше своей дорогой, а черная машина, не выключая двигателя, остановилась у тротуара. Свернув на улицу Виста, где стоял наш дом, я обернулась, убедилась, что за мной никто не смотрит, и бегом бросилась к дому, на ходу нашаривая в кармане ключ. Мои родители работали и вернуться должны были только вечером. От волнения я выронила ключ на тротуар, а когда подобрала его, черный седан выехал на улицу Виста, но я уже влетела в дом, с грохотом захлопнула за собой дверь и набросила цепочку.

—Эй! — на всякий случай крикнула я в пустоту дома. Никто не отозвался.

Отшвырнув учебники, я бросилась к задней двери, ведущей во внутренний дворик, чтобы проверить, заперта ли она. Порой мы забывали об этой двери, поскольку она выходила не на улицу, а в окруженный живой изгородью сад, но сейчас щеколда была задвинута, а значит, наш дом целый день простоял закрытым. Я выглянула в окно фасада и увидела, что седан припарковался у тротуара в конце нашего квартала и чего-то ждет.

Я задернула занавески и зажгла свет на кухне. Руки у меня все еще дрожали. Кухня казалась мне самым безопасным местом во всем доме, потому что здесь мы каждый вечер собирались вместе: родители готовили ужин, а я делала уроки, краем уха слушая их разговоры.

Конечно, я сказала себе, что все в порядке и, возможно, я слишком много выдумываю. У меня просто разыгралось воображение. Я сделала себе бутерброд с медом и арахисовым маслом и уселась за алгебру. На счастье, задачки оказались одна головоломнее другой, поэтому вскоре я забыла о мужчинах в темных костюмах, возможно, все еще сидевших в своей черной машине на углу нашей улицы, за занавесками, которые я не решалась отдернуть.

В шесть часов вечера, когда я с головой ушла в поиски значения *x*, входная дверь вдруг рывком приоткрылась, задребезжав натянутой цепочкой. Сердце у меня ушло в пятки. Я почти сумела убедить себя в том, что загадочные мужчины охотились вовсе не за мной, но сейчас они снова были здесь, они рвались в наш дом!

—Это что еще за фокусы? — рявкнул сердитый голос.

В следующую секунду я поняла, что голос был скорее раздраженным, чем сердитым, а потом до меня дошло, что это кричит мой папа.

—Джейни? — снова крикнул он, и теперь в его голосе звучала уже не досада, а тревога. — Ты здесь? Что происходит?

Тем вечером мы отправились в «Муссо и Франк», мой любимый ресторан Лос-Анджелеса, но этот по-

ход совсем не был похож на праздник. Родители делали вид, что у нас все замечательно, но в ресторан мы шли переулками, а мама с папой оглядывались по сторонам на каждом углу. Папа шел так быстро, что нам с мамой приходилось чуть ли не бежать, чтобы поспевать за ним.

Мы сели в кабинку, и я заказала на ужин тонкие оладьи, которые здесь назывались «фланелевыми лепешками». Мне хотелось, чтобы родители возразили и заставили меня заказать цыпленка или овощи – я хотела, чтобы все опять стало, как всегда! – но они даже не обратили внимания на мой заказ.

–И кто эти люди в машине? – спросила я.

Мама вздохнула.

–Федеральные маршалы, – ответила она. – Из Вашингтона. Правительство.

Я ничего не поняла.

–А что им нужно?

–Мы давно хотели сказать тебе, Джейни, – уклончиво начала мама. Обычно она всегда говорила сразу по делу, но сейчас почему-то ходила вокруг да около. – У нас есть новости, и нам кажется, что это хорошие новости. Мы... короче, мы переезжаем в Лондон.

Я молча уставилась на нее.

–Это будет приключение! – выдавила мама.

Я перевела взгляд на отца.

–Что ты сделал? – спросила я.

—Ничего! — выпалил он немного громче, чем следовало. Женщина за соседним столиком обернулась на нас.

—Дэвис, — укоризненно шепнула мама.

—Но я действительно ничего не сделал! Это все просто смешно!

Официант принес стаканы с водой, и мама улыбнулась ему. Когда он отошел, она сказала мне:

—Не знаю, помнишь ли ты Кейти Ларднер.

—Видела на днях рождения, — буркнула я, ссутулившись в углу кабинки. Да, сейчас я была, как выражалась моя мама, «настоящей отравой» и прекрасно это понимала, но мне страшно не хотелось переезжать ни в какой Лондон.

Мне нравились мои друзья и моя школа. Мне нравилось юношеское общество спасения на воде, поездки в Санта-Барбару и то, что у нас в палисаднике растут апельсины. Мне нравилось все, кроме слежки людей из Вашингтона, прицепившихся ко мне из-за чего-то, что натворили мои родители.

—Ларднеры переехали в Мексику, — сказала моя мама, — потому что отец Кейти оказался под наблюдением. Он больше не смог работать здесь.

—А вот и нет, — сварливо перебила я. — Они переехали, потому что отец Кейти был коммунистом. — И тут мне показалось, будто пол «Муссо и Франка» ушел у меня из-под ног. — О, нет! Вы коммунисты?

Мои родители одновременно обернулись, чтобы убедиться, что нас никто не слышал. Потом отец перегнулся через стол и тихо заговорил:

–Мы верим в Конституцию США, Джейни. За это нас внесли в список лиц, за которыми установлено наблюдение. Вот почему они следили за тобой, хотя ты не имеешь к этому никакого отношения. И я не позволю им преследовать моего ребенка! – Он снова повысил голос и даже стукнул кулаком по столу.

–Дэвис, – сказала мама.

–Я не буду, Марджери, – смешался отец.

–Я даже не знаю, что такое коммунизм, – буркнула я.

Отец вздохнул.

–Идея коммунизма, – объяснил он очень тихим голосом, – заключается в том, что люди должны совместно пользоваться всеми природными и иными богатствами, чтобы не было ни баснословных богачей, которым принадлежит все на свете, ни нищих, без цента за душой. Но это только идея. Воплотить ее в жизнь очень сложно.

Проблема в том, что американское правительство – по крайней мере, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности – охвачено настоящей паранойей по отношению к коммунистической идее, словно это какая-то заразная болезнь, поэтому у нас преследуют невинных людей, которые либо придерживаются этих взглядов, либо разделяли их в про-

шлом. Это несправедливо, неразумно и неконституционно!

Я твердо решила не плакать, поэтому вытерла нос салфеткой.

—Но я смогу хотя бы закончить семестр здесь?

Отец вздохнул.

—Эти люди хотят заставить нас с мамой явиться в суд и дать показания под присягой, — сказал он. — Мы должны отвечать на вопросы о себе, но нас могут попросить дать показания о наших друзьях, а этого мы не можем допустить. Мы слышали, что правительство собирается конфисковать у неблагонадежных лиц паспорта, чтобы они не могли покинуть страну. Поэтому уезжать нужно немедленно.

—Когда?

—На этой неделе.

—На этой неделе?

В разговор вмешалась мама.

—В Англии у нас есть знакомая, с которой мы работали раньше, — сказала она. — Ее зовут Оливия Вольф. Она уже переехала в Лондон, чтобы работать над телесериалом о Робин Гуде. Оливия приглашает нас присоединиться к этому проекту, и это... Ах, Джейни, это потрясающая возможность, неужели ты не понимаешь? Это все равно что переселиться в роман Джейн Остин!

—Хочешь сказать, что в конце романа я выйду замуж? — хмыкнула я. — Вообще-то мне всего четырнадцать.

—Джейни!

—Кроме того, Джейн Остин родилась в Англии, она не была американкой! А я буду там совершенно чужой!

—Джейни, успокойся, — попросила мама. — Нам неслыханно повезло, что Оливия предлагает нам такую великолепную возможность! Ведь у нас нет выбора.

—Это у меня нет выбора, — огрызнулась я. — У вас он был, и вы угодили в этот свой дурацкий список!

—Мы не хотели попасть туда, — возразил папа.

—Почему же вы в нем очутились?

—Потому что верили в свободу слова. Верили в Первую поправку.

Подошел официант и ловко расставил перед нами тарелки.

—Фланелевые лепешки для юной леди, — объявил он.

Я кисло улыбнулась ему.

Отец уставился на груду оладий с тающим сверху кусочком настоящего сливочного масла.

—Ты заказала это на ужин?

—Пусть ест все, что хочет, — сказала мама.

Я с вызовом посмотрела на отца, но когда подцепила вилкой тоненький, золотистый, восхитительный оладушек от «Муссо и Франка» — кто знает, когда мне доведется попробовать его снова, возможно, никогда! — он показался мне безвкуснее опилок, и я невольно скорчила мину. Отец не удержался от шутки.

—У тебя такой вид, будто лепешки сделаны из настоящей фланели, — с улыбкой заметил он. — Пижамка с сиропом.

—Очень смешно, — прошипела я.

—Брось, детка, — покачал головой отец. — Если мы разучимся смеяться, то не сможем пережить все это.

Я с усилием проглотила ком опилок.

—Не называй меня деткой, — попросила я.

ГЛАВА 2

Аптека

Можно без преувеличения сказать, что я не слишком-то достойно перенесла переезд в Лондон. Нет, я не была остроумной, терпеливой и легко адаптирующейся Джейн Остин. И если в эти дни я и была чем-то похожа на Кэтрин Хепберн, то только в самых стервозных ее ролях. Я рыдала в такси всю дорогу до аэропорта, когда мы проезжали мимо нефтяных вышек по бульвару Ла-Синега. Я обливалась слезами во время первого в своей жизни полета на самолете, который должен был привести меня в восторг и, конечно, привел — до чего же маленькими казались домики внизу! — но разве я могла показать родителям, что хоть чем-то довольна?

В лондонском аэропорту Хитроу на стене висел обрамленный портрет свежеиспеченной королевы Елизаветы II.

—Она ненамного старше тебя, — сказала мне мама. — Но ей на долю выпала война, смерть отца, а теперь она стала королевой, бедняжка.

—Видишь? — не удержался отец. — Твоя жизнь могла сложиться гораздо хуже.

Я посмотрела на портрет молодой королевы. Мы улизнули от федеральных маршалов, заперли дом и взяли с собой только те вещи, которые смогли унести в руках. Моим родителям предстояло писать для Би-би-си под псевдонимами — под фальшивыми именами! — и это при том, что моя честная мама никогда не добавляла желтый пищевой краситель в маргарин. Мы будем жить, как преступники или шпионы. Моя злость никуда не делась, но, стоя под портретом решительной молодой королевы, мне впервые захотелось надеяться, что мама, может быть, права и нас ждет приключение.

Но февральский Лондон растоптал эти надежды. Сев в такси, мы поехали через лабиринт пустынных и разрушенных бомбежками улиц – это через семь лет после окончания войны! – в свою крошечную квартирку на третьем этаже Сент-Джордж-стрит на Примроуз-Хилл. На другой стороне улицы галантерейщик – отец объяснил мне, что это все равно что торговец мужским платьем, – заложив руки за спину, стоял перед витриной своего магазина, и по его лицу было видно, что к нему никто никогда не заглядывает.

Наша новая квартирная хозяйка, миссис Пэрриш, сняла фартук, пригладила взлохмаченное облако волос и повела нас в квартиру. Первым делом она сообщила, что газовый нагреватель над кухонной плитой сломан, поэтому нам придется греть воду в кастрюльке на плите.

Кухня, примыкавшая к гостиной, оказалась не просторнее кладовой и закрывалась дверью, как кладовка. В комнатах стоял холод, стены отсырели. Под потолком на коричневых обоях расплылись пятна от протечек.

Должно быть, мы не сумели скрыть своего разочарования, поскольку до сих пор рассеянная миссис Пэрриш вдруг насторожилась и впилась взглядом в наши лица. Нет, она не собиралась позволить каким-то избалованным американцам воротить нос от своего счастья!

—Вам очень повезло получить такое жилье, вот что я вам скажу, — заявила она.

—Конечно! — поспешно воскликнула мама. — Мы очень благодарны.

—Люди в очереди стоят за такой квартиркой, с собственной ванной, с отдельными спальнями, да еще с работающим телефоном! Но в Би-би-си специально попросили попридержать ее для вас, так-то вот.

Нам ясно дали понять, что мы не заслуживаем жить в такой роскоши, в то время как соотечественники миссис Пэрриш, претерпевшие столько лишений в годы войны, до сих пор обходятся без собственной ванной.

—Мы очень благодарны, — повторила мама.

—У вас есть карточки на продукты?

—Еще нет, — пролепетала мама.

—А без них никак, — отрезала хозяйка. — Только учтите, что есть у вас карточки или нет, а мясник распродает все с самого утра. — Она понизила голос. — Если хотите, могу продать вам немного яиц. Их сейчас днем с огнем не достанешь, но я знаю кое-кого, кто держит кур.

—Это было бы просто замечательно!

Миссис Пэрриш показала нам, куда бросать монетки по одному пенни, чтобы заработал газовый обогреватель на стене. У нас не было с собой английских денег, но мы пообещали, что непременно разживемся ими.

—Имейте в виду, — сообщила хозяйка, отряхивая ладони от пыли, которой была покрыта колонка, — тепла-то от нее все одно никакого. Только пенни лопает, вот и весь прок. Постели все равно лучше согревать бутылками с горячей водой.

—У нас нет бутылок для горячей воды, — сказала мама.

—А вы у аптекаря спросите, — посоветовала миссис Пэрриш. — Это за углом, напротив Риджентс-парка. Он вам и пенни наменяет.

На этом она удалилась.

Мама осталась исследовать кухню, а мы с отцом надели на себя всю теплую одежду, которой оказалось совсем немного, и отправились на поиски аптекаря — папа объяснил, что так здесь называется фармацевт. Небо над Сент-Джордж-стрит было серое, дома кругом серые, и люди сплошь одеты в серое. Понимаю, это звучит, как расхожее мнение, но что поделать, если так оно и было? В 1952 году переехать из Лос-Анджелеса в Лондон было все равно что из цветного фильма, снятого в технологии «Техниколор», угодить прямиком в черно-белую картину.

За углом Риджентс-парк роуд, как и говорила хозяйка, оказался магазинчик с двумя эркерными окнами, заставленными рядами стеклянных пузырьков и бутылочек. На рисованной вывеске, висевшей над

первым окном, было написано: «**АПТЕКА**», а над вторым значилось: «**РАБОТАЕТ С 1871 ГОДА**». Папа толкнул застекленную дверь и придержал ее, пропуская меня внутрь. В магазинчике пахло пылью, травами и металлом. За стойкой высилась целая стена флаконов. Лысеющий мужчина, стоя на странной лесенке с колесиками где-то на высоте середины стены, снимал с полки какую-то склянку. Мне показалось, что аптекарь нас даже не заметил, однако он сказал:

—Одну секундочку, я сейчас.

Он осторожно спустился по лестнице со склянкой в руке, поставил свою ношу на стойку и поднял глаза, приготовившись выслушать нашу просьбу. На носу у аптекаря сидели очки в проволочной оправе, и он выглядел как человек, который никогда ничего не делает наспех и переходит к следующему делу только после того, как педантично выполнит предыдущее.

—Нам нужны три бутылки для горячей воды, — сказал папа.

—Разумеется.

—А как насчет шоколада?

Аптекарь покачал головой.

—Иногда бывает. Но с начала войны не часто.

—С начала войны? — недоверчиво переспросил папа, и я поняла, что он подсчитывает в уме: двенадцать лет без регулярных поставок шоколада. Мне показалось, что ему стало плохо. Может быть, он как-нибудь

сумеет выписать себе рецепт на шоколад? Тогда и мне что-нибудь перепадет.

—Заходите еще, — посоветовал аптекарь, увидев, как огорчился мой папа. — Возможно, вскоре появится.

—Хорошо, — ответил папа. — А пока мы возьмем еще аспирин. — Я видела, что он смущен тем, что выставил себя лакомкой, а когда мой папа смущался, он всегда шутил. И я чувствовала, что шутка уже на подходе. Так оно и оказалось. — А у вас есть какое-нибудь лекарство от тоски по дому для моей дочки?

—Па-па, — прошипела я.

Аптекарь перевел глаза на меня.

—Вы американка?

Я кивнула.

—И вы переехали в холодную квартиру с холодной спальней, где нельзя лечь в постель без бутылок с горячей водой?

Я снова кивнула, и тогда аптекарь подвинул свою лесенку на железных колесиках вдоль стеллажа.

—Я пошутил, — сказал папа.

—Но вы тоскуете по дому? — спросил меня аптекарь, обернувшись через плечо.

—Ну... да, — ответила я.

Аптекарь взобрался на стремянку, выбрал две склянки, сунул одну из них под мышку и спустился на пол. Поставив свою ношу на стойку, он открутил крышечки, отмерил немножко порошка из каждой бан-

ки – из одной желтого, из другой коричневого – и ссыпал все вместе в маленький стеклянный флакончик.

–Коричневый порошок – это осина, желтый – жимолость, – сказал аптекарь. Моему отцу он пояснил: – Ни одно из этих средств не повредит девочке. – А мне сказал: – По одной аптекарской драхме...Ты знаешь, чему равна драхма? Нет? Значит, около чайной ложки каждого порошка на стакан воды. Сразу не подействует, но со временем ты, возможно, почувствуешь себя лучше. А может быть, и нет. Организмы у всех разные.

–Мы все-таки не... – начал мой папа.

–Это бесплатно, – сказал аптекарь. – Для юной леди. – Затем он пробил нам бутылки для горячей воды и пузырек аспирина.

–Спасибо, – сказала я.

–Полагаю, вам нужны еще пенни для настенного обогревателя, – добавил аптекарь, вручая мне на сдачу целую пригоршню крупных коричневых монеток, которые глухо брякнули, а не зазвенели у меня в кулаке.

ГЛАВА 3

Школа Сент-Беден

На следующее утро, наперекор вялым возражениям мамы, я проглотила раствор осины и жимолости, чтобы подготовиться к своему первому дню в школе Сент-Беден.

Переходить в новую школу всегда непросто, особенно в середине года, когда все уже передружились, и сложилась четкая иерархия. Но в Англии все эти сложности возрастали до пугающих размеров. Заведение святого Бедена было классической школой, в нее попадали после успешной сдачи экзамена.

Большая часть учеников на этом экзамене срезалась, отправившись прямиком в то, что называлось «современной средней школой», которая была намного хуже и где ребята просто валяли дурака перед тем, как отправиться на работу. Так что ученики классической школы считали себя, и вполне справедливо, лучшими из лучших.

Школа Сент-Беден занимала огромное каменное здание с арками и башенками, которое показалось мне очень старым, но, разумеется, вовсе не считалось таковым в Англии. Оно было построено в 1880 году — новодел, да и только! Школа каким-то чудом совершенно не пострадала от бомбежек, и внутри меня встретили обитые темными панелями стены и портреты каких-то стариков в причудливых галстуках. По коридору прошли два преподавателя в черных академических мантиях, вид у них был зловещий и грозный, ни дать ни взять огромные летучие мыши! Ученики все были в темно-синей форме с белыми рубашками — пиджаки и галстуки у мальчиков, плиссированные юбки у девочек. У меня еще не было формы, а мои ярко-зеленые клеши а-ля Хепберн и желтый свитер, которые совершенно не бросались в глаза в Лос-Анджелесе, здесь смотрелись по-клоунски нелепо. С тем же успехом можно было повесить себе на шею огромную табличку с надписью «Не нашего прихода».

Школьная секретарша с тугозавитыми седыми бульками, делавшими ее похожей на овцу, вручила мне

расписание занятий. Как девятиклассница, я должна была учиться в здешнем третьем классе, но это оказалось совершенно не одно и то же. Первым уроком в моем расписании стояла латынь.

—Но я не проходила латынь, — пролепетала я. — Как же я смогу посещать занятия с середины семестра?

—В третьем классе все учат латынь, — отвечала секретарша. — Все будет замечательно.

Она подозвала ослепительно красивую девочку, как раз проходившую мимо нас по коридору.

—Мисс Пеннингтон, — сказала секретарша. — Будьте любезны, проводите мисс Скотт в кабинет латыни. Она у нас новенькая, из Калифорнии.

Красивая девочка остановилась в дверях кабинета, внимательно осмотрела мои зеленые брюки и задержалась взглядом на потрепанных парусиновых туфлях. Затем она подняла глаза и одарила меня солнечной улыбкой, в которой я увидела насмешку, а секретарша, разумеется, нет.

Конечно, в Америке тоже есть свои Сары Пеннингтон, и вы, без сомнения, знакомы, по меньшей мере, с одной такой. Я уверена, что они есть и во Франции, и в Таиланде, и в Венесуэле. Но моя Сара Пеннингтон из школы Сент-Беден была практически идеальной представительницей своего типа. В ней не было и следа подростковой неуклюжести или застенчивости. У нее была фарфоровая нежно-розовая кожа, большие голубые глаза и длинная светлая коса до по-

яса. Она так и лучилась идеальным здоровьем, за которым так часто стоят большие деньги. Кто-кто, а Сара Пеннингтон нисколько не пострадала от карточной системы военных лет! То, что она богата и что ее деньги благополучно пережили войну, было видно даже по школьной форме. Ткань юбки плавно колыхалась вслед каждому движению Сары, тогда как юбки других девочек сидели колом, плотно прилипая к ногам. Вероятно, Сара Пеннингтон никогда в жизни ни в чем не знала отказа: ее богатство и прелесть служили порукой тому, что ей не приходилось просить, добиваться или даже мечтать о чем-либо прежде, чем желаемое оказывалось перед ней на блюдечке с золотой каемочкой. В ее лице светилась безмятежная уверенность в том, что мир устроен именно так и останется таким навсегда.

Я поплелась по коридору рядом с Сарой, чувствуя себя полностью подавленной ее совершенством.

—Латынь у нас преподает мистер Дэнби, — прощебетала Сара. — Он ужасно требовательный, но такой чудный! Он герой войны.

—Чем же он прославился?

—Он был пилотом Королевских ВВС, сбил множество вражеских самолетов, а потом попал в плен к немцам. Два года он был узником войны. А после войны наш мистер Дэнби стал учителем и учит нас так, словно продолжает выполнять боевые вылеты. Если кто-то из его учеников не знает латыни, он возмущается так,

будто бедняга не выполнил боевую задачу. Некоторых это бесит, но мне кажется, это так мило!

Я украдкой покосилась на Сару. У нее была какая-то странная, искусственная и взрослая манера речи, словно она подражала какой-то английской актрисе. В любом случае четырнадцатилетние девочки так не разговаривают.

Когда мы вошли, урок мистера Дэнби уже начался. Я приготовилась сразу невзлюбить его, поскольку он нравился Саре, но учитель латыни и в самом деле оказался очень милым. Он был молодой, с зелеными глазами, длинными ресницами и мягкими каштановыми волосами, слегка вьющимися на висках. Его академическая черная мантия выглядела подкупающе мятой, словно мистер Дэнби сначала швырнул ее на стул, а потом рассеянно уселся сверху. Он разговаривал с классом и, кажется, очень сердился.

—Город, в котором мы живем, некогда назывался Лондиниум, — говорил мистер Дэнби. — Это была столица римской провинции Британия. В те времена на латыни разговаривали на улицах и бранились на рыбном рынке. Латынь — это язык Вергилия, Сенеки и Горация. И мне не кажется, что я предъявляю к вам непомерные требования, пытаясь научить хоть немного читать вслух!

Ученики — кто-то был напуган, кто-то откровенно веселился — дружно обернулись в сторону двери, предвкушая возможность отвлечься от урока. Мистер Дэнби тоже повернулся к нам.

—А, это вы, мисс Пеннингтон! — воскликнул он. — Вы как раз успели к моей проповеди!

—У нас новая ученица, — объявила Сара. — Это Джейн Скотт. Из Калифорнии.

Я даже вздрогнула, услышав свое полное имя, так официально произнесенное перед всем классом. До сих пор меня никто никогда не называл Джейн. К тому же Сара ухитрилась так выговорить название штата, что оно прозвучало вызывающе нелепо, как будто я его выдумала.

—Джейни, — пролепетала я, чувствуя, как у меня горят щеки.

—Благодарю вас, мисс Пеннингтон, — сказал мистер Дэнби.

Сара одарила его ослепительной улыбкой и села на свое место.

В классе ученики сидели в алфавитном порядке, следовательно, мое место находилось сразу за Сарой Пеннингтон. Крупному мальчику по имени Сергей Шишкин, с длинной черной челкой до самых глаз, пришлось отодвинуть одну парту, чтобы дать мне возможность сесть.

—Прости за беспокойство, — прошептала я.

—Пустяки, — шепнул он в ответ. — Тут, сзади, меня не так скоро вызовут!

Он говорил с сильным русским акцентом, и я подумала, что мальчику из России в этой школе должно приходиться еще тяжелее, чем девочке из Америки.

Мистер Дэнби по очереди вызывал учеников читать длинные отрывки на латыни, и мне казалось, будто я стою на берегу во время сильного прибоя: декламация каждого ученика обрушивала на меня волну непонятных слов, а затем откатывала, не оставляя ни следа в моей голове.

Наконец прозвенел звонок, урок подошел к концу, и ученики повскакивали со своих мест.

—И не забудьте про перевод фраз из Горация, — напомнил мистер Дэнби, перекрикивая шелест учебников, тетрадей и громкую болтовню. — К завтрашнему дню!

Я посмотрела на два латинских предложения, написанных на классной доске — одно короткое, второе длинное, оба непонятные. Вздохнув, я стала медленно собирать свои вещи, оттягивая начало следующего испытания.

—Мисс Скотт, — окликнул меня мистер Дэнби, когда последние ученики скрылись за дверью. — Мне показалось, вы не слишком сильны в латыни?

—Я никогда не изучала ее, — выдавила я, прижимая книги к груди, как щит.

Мистер Дэнби посмотрел на классную доску и прочитал:

—*Vivendi recte qui prorogat horam, Rusticus exspectat, dum defluat amnis.* «Тот, кто откладывает момент начать жить правильно, подобен простаку, ждущему, когда река перестанет течь».

Нахмурившись, я попыталась соотнести латинские слова с этой фразой. Я страшно нервничала, но мистер Дэвис чем-то напоминал некоторых друзей моих родителей, которые разговаривали со мной не как с ребенком, а как со взрослой. Набравшись храбрости, я спросила:

—Что означает «rustic»?

—В данном случае — глупец. Тот, кто медлит перебраться через реку, ожидая, пока она пронесет свои воды.

—А второе изречение?

—*Decipimur specie recti,* – прочитал мистер Дэнби. — «Мы обманываемся видимостью правильного». Вы же понимаете, почему я поместил эти цитаты вместе?

Польщенная тем, что он не сомневается в моей сообразительности, я рискнула высказать догадку:

—Потому что мы не всегда понимаем, что значит жить правильно?

—Совершенно верно, — улыбнулся мистер Дэнби. — Я вижу, вас кое-чему научили в калифорнийской глуши! Как вам наш Сент-Беден?

Я честно попыталась придумать какой-нибудь любезный или хотя бы нейтральный ответ.

—Моя мама говорила, что переезд сюда будет похож на жизнь в романе Джейн Остин, но это оказалось не так.

—Но ваша история не может быть похожа на роман Остин, ведь вы американская героиня! — возразил преподаватель латыни.

Я невольно улыбнулась ему.

—Именно это я и сказала маме.

—Ваша жизнь — это, скорее, роман Генри Джеймса, — продолжал мистер Дэнби. — Американская девушка за границей. Кто же вы, Дэзи Миллер или Изабелла Арчер?

Я покраснела до ушей, но все-таки сказала правду:

—Не знаю. Я не читала романы Генри Джеймса.

—Очень скоро прочитаете, — ответил мистер Дэнби. — Но, уверен, вы не захотите стать ни Дэзи, ни Изабеллой. Они обе плохо кончили. *Cjnfide tibi,* мисс Скотт. Верьте в себя. Мой вам совет — гораздо лучше быть самой собой.

Разговор с мистером Дэнби был лучшим событием этого утра. Я безнадежно плавала на истории — там проходили средневековые сражения и королей, имена которых я слышала впервые в жизни — и на математике, оказавшейся какой-то непонятной разновидностью геометрии. В обеденный перерыв я стояла посреди столовой со своим подносом, полном неаппетитной еды, и тоскливо оглядывалась по сторонам. Не так-то просто быть самой собой, если ты всего лишь неуклюжая новенькая в незнакомой школе! В углу одного из длинных старомодных столов одиноко сидел Сергей Шишкин. Он был единственным мальчиком, которого я знала по имени и ко-

торый проявил ко мне хоть какое-то дружелюбие, поэтому я села на другом конце пустого стола, и мы молча кивнули друг другу, как изгой изгою. Странно, что мне не пришло в голову сесть напротив Сергея, но теперь было уже поздно пересаживаться.

Когда Сара Пеннингтон продефилировала мимо меня, я заискивающе поймала ее взгляд и улыбнулась.

—О, да мы уже за большевистским столом? — не останавливаясь, бросила она. Ее свита — разумеется, ни одна из этих девочек не могла соперничать красотой с Сарой — с хихиканьем засеменила следом.

Я знала, что большевики — это русские коммунисты, и опустила глаза на свой поднос, пытаясь сохранить выдержку, да где там! Мясо выглядело так, словно его долго кипятили. К нему прилагался кусочек пайкового серого хлеба, без масла и даже без олеомаргарина. Я рассеянно катала вилкой картофель, и тут вдруг включился оглушительный вой сигнализации.

—Учебная воздушная тревога! — закричала одна из женщин, следящих за порядком в столовой, проходя мимо столов. — Все под столы, пожалуйста.

Это была все та же старая добрая игра «пригнись и накройся», только по-английски. Мы с Сергеем одновременно нырнули под длинный стол, и все в столовой, с грохотом отодвинув стулья, сделали то же самое.

То есть не совсем все. За исключением одного мальчика. Он обедал за соседним столом и остался сидеть на месте, не отрываясь от своей тарелки. Сидя

под столом, я увидела, как к нему приближается служительница в белой форме.

—Мистер Барроуз, — сказала она. — Спрячьтесь под стол, пожалуйста.

—Нет, — ответил мальчик. — Не буду.

Глаза у него были серьезные и решительные, а волосы не падали сосульками на глаза, как у большинства мальчиков, а были песочной волной отброшены назад, придавая лицу мальчика открытое и в то же время дерзкое выражение. Узел его галстука был небрежно сдвинут вбок, чтобы не мешал.

—Вам требуется особое приглашение? — подбоченившись, спросила служительница.

—Это идиотизм, — ответил мальчик. — И я не стану этого делать.

—Я уверена, что во время битвы за Англию вы безмятежно пачкали пеленки в деревне, — сказала женщина. — Но некоторые из нас в это время оставались в Лондоне, и они могут заверить вас, что учебная воздушная тревога не повод для детских капризов.

Мальчик с волосами цвета песка доверительно наклонился к служительнице через свой стол.

—Я не был в деревне, — сказал он. — Я был в Лондоне. И мы с вами прекрасно знаем, что эти столы ничем не защитят нас от бомб — ни от Фау-1, ни от Фау-2, ни даже от более мелких бомб, которые сбрасывают с самолетов.

Служительница нахмурила брови.

—Бенджамин Барроуз, я буду вынуждена наложить на вас дисциплинарное взыскание.

—Но мы говорим даже не о Фау-2, — как ни в чем не бывало продолжал мальчик. — Речь об атомной бомбе! Когда она грохнется, нас не спасут даже подвальные бомбоубежища. Мы мгновенно сгорим дотла и превратимся в пепел.

Женщина побледнела, но в ее голосе по-прежнему звенел металл:

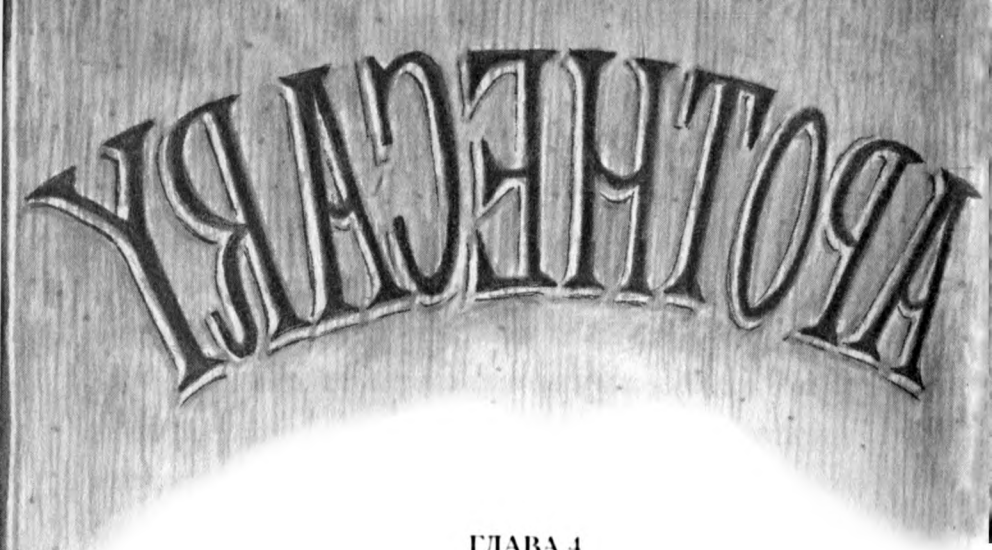
—Два дисциплинарных взыскания!

А этот странный мальчик, Бенджамин Барроуз, уже обращался ко всей столовой. Голос у него был взволнованный и дерзкий, под стать взволнованному и дерзкому лицу.

—Если нам, конечно, — напомнил он, — посчастливится оказаться вблизи эпицентра взрыва. Для детей в окрестностях Лондона все закончится гораздо медленнее. И гораздо болезненнее.

—Довольно! — рявкнула женщина.

Когда короткий сигнал возвестил об окончании учебной тревоги, все начали вылезать из-под столов, но я осталась на месте. Мне хотелось подольше незаметно понаблюдать за Бенджамином Барроузом. Я была в ужасе от его слов, но меня тронула его смелость. И я не могла понять, ужас или восхищение заставляют мое сердце так странно замирать в груди.



ГЛАВА 4

Шпионы

После школы я собиралась доехать на метро до студии «Ривертон» в Хаммерсмите, чтобы посмотреть, где работают мои родители. «Робин Гуда» еще не запустили в эфир, но в огромном и гулком звукозаписывающем павильоне, похожем на склад, обещали выстроить целый Шервудский лес, и мама с папой непременно хотели, чтобы я на него взглянула. Под мелкой моросью, сыпавшейся с неба, я уныло тащилась домой, чтобы оставить там учебники, и как раз мечтала об авокадо и апельсиновых деревьях, когда вдруг остановилась, как вкопанная, возле аптеки на Риджентс-парк. В окне витрины я заметила знакомую голову с волосами цвета песка! Я замерла, вглядываясь внутрь через

отсвечивавшее стекло. Бенджамин Барроуз, возмущенно тряся головой, что-то горячо доказывал кроткому аптекарю.

Слегка приоткрыв дверь, я юркнула за ряд стеллажей, сделав вид, будто выбираю зубную пасту.

Колокольчика на двери не было, а Бенджамин и аптекарь были слишком поглощены спором, чтобы заметить меня. На груди у Бенджамина висела кожаная торба на длинном ремне, вроде тех, с которыми ходят разносчики. Я отметила, что он, в отличие от большинства мальчиков в Сент-Бедене, не носит шерстяную кепку.

–Я просто не понимаю, какой в этом смысл, – возмущенно говорил он. – Миссис Пратт просто психованная, и ей нравится болеть!

–Ты задерживаешь доставку, – сказал аптекарь.

–У меня есть свои дела!

–У тебя есть дела в магазине.

–Паршивые дела! – процедил Бенджамин.

–Мы сохранили этот магазин в войну и в трудные времена только потому, что всегда заботились о своих покупателях, – тихо ответил аптекарь. – Так делал твой прадед, так поступал твой дед, и наши покупатели ждут того же и от нас с тобой.

–Но ты-то хотел быть аптекарем, как и они! – возразил Бенджамин. – А я не хочу!

Аптекарь ответил не сразу:

—Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я тоже не хотел быть аптекарем.

—Значит, надо было кончать с этим делом, пока была возможность! — грубо бросил Бенджамин. Его гнев, казавшийся мне таким праведным в разговоре со служительницей в столовой, выглядел вздорным и наглым в споре с отцом. Если бы в столовой мне предложили угадать, кто отец Бенджамина, я бы ни за что не подумала об этом тихом и педантичном аптекаре. Бенджамин грубо схватил со стойки бумажный пакет и выскочил за дверь, не заметив меня.

Я тоже хотела незаметно выскользнуть из-за стеллажа, но аптекарь заметил меня:

—Добрый день. Вы — та самая девочка, страдающая от тоски по дому, я не ошибся? Как вы себя чувствуете? Помог вам мой порошок?

—Пока не знаю, — вздохнула я. — По дороге сюда я снова думала о доме. Об апельсиновых деревьях. И о синем небе.

Аптекарь взглянул на моросивший за окном дождь.

—Было бы странно не думать о синем небе и рыжих апельсинах в такой день, как сегодня, — сказал он. — Какие порошки ни принимай!

—А моя новая школа оказалась кошмарной, — призналась я.

Аптекарь рассмеялся.

—Человек, который изобретет микстуру от кошмаров новой школы, получит Нобелевскую премию. Это средство будет намного полезнее лекарства от простуды!

Я улыбнулась.

—Когда вы получите такую микстуру, то дадите мне немножко?

—Вам — первой.

Повисла неловкая пауза.

—Боюсь, вы слышали нашу ссору с сыном, — сказал аптекарь.

—Совсем немножко.

—Мой сын очень умный и очень талантливый молодой человек, он мог бы стать замечательным аптекарем, но, к сожалению, не проявляет никакого интереса к нашему делу.

—Может быть, со временем он передумает.

Аптекарь кивнул. Я видела, что он витает мыслями где-то далеко, поэтому попрощалась и вышла на улицу.

Оставив учебники в нашей квартире, я отправилась в «Ривертон». Папа оставил мне подробные указания, как добраться до студии. Но стоило мне выйти на

улицу, как меня снова посетило ощущение, будто за мной следят. Я знала, что это не могли быть федеральные маршалы, поскольку их юрисдикция не распространялась на Великобританию. Я обернулась, но не увидела ничего, кроме машин, такси и людей, возвращающихся домой с работы.

Тогда я сбежала по ступеням пострадавшего от бомбежек метро, быстренько обогнала неторопливых пожилых людей с сумками и спряталась за колонной, чтобы посмотреть, кто спустится в подземку следом за мной. Сначала бесконечным потоком шли домохозяйки, ученики и мужчины, пораньше ушедшие с работы, а потом появился Бенджамин Барроуз собственной персоной, со своими замечательными волосами и блестящими, любопытными глазами. Я отошла подальше за колонну.

Бенджамин огляделся по сторонам. Он стоял на платформе и смотрел в противоположную от меня сторону с таким растерянным видом, словно не понимал, что ему делать дальше, поэтому я вышла из своего укрытия и похлопала его по плечу.

Бенджамин обернулся, и у него вытянулось лицо. А потом он улыбнулся так, словно мы играли в какую-то игру, и я выиграла.

—Очень хорошо, — сказал Бенджамин.

—Почему ты за мной следишь?

—Потому что ты меня интересуешь.

Это был не тот ответ, который я ожидала услышать. До сих пор я не интересовала никаких мальчиков, по крайней мере, мне об этом не было известно. В Лос-Анджелесе все знакомые мальчики были либо моими друзьями, либо детьми родительских друзей, но еще ни разу я не ступала на территорию интереса.

—Я видел тебя в школе, — сказал Бенджамин. — Почему ты приехала в Лондон в середине семестра?

—Не твое дело.

—Твои родители работают на ЦРУ?

—Что?

—Я задал простой вопрос, — хмыкнул Бенджамин. — Они шпионы?

—Нет! Они писатели! Работают на Би-би-си.

—Отличное прикрытие для шпионажа. Они журналисты?

—Они телесценаристы.

Вид у него сделался озадаченный.

—Зачем же они тогда приехали в Англию? Американское телевидение не сравнишь с нашим!

—Затем, — ответила я, — что они... они верят в Первую поправку, вот зачем!

Бенджамин скорчил мину.

—А это еще что такое?

—Свобода слова! — Мне было приятно, что я знаю ответ на этот вопрос. — И печати. И еще... кажется, вероисповедания.

—Но ведь они не журналисты, — удивился Бенджамин. — О чем же они хотят свободно рассказывать?

Я поняла, что не знаю ответа.

Бенджамин лукаво сощурил глаза.

—Разумеется, они не коммунисты, правда? — насмешливо спросил он.

—Нет!

—Тогда кто?

—Понятия не имею, — отрезала я, пытаясь подражать воображаемой Кэтрин Хепберн, которая не удостаивает своим вниманием такие смехотворные пустяки.

—Да мне все равно, даже если они коммунисты, — сказал Бенджамин. — Но хочу тебе сказать, что коммунизм не пройдет в случае телевидения. Люди могут слушать по радио «Арчеров» и одновременно болтать с домашними, а как только у них появится телевизор, разговорам придет конец.

Я не знала, о каких «Арчерах» он говорит, но уверенный тон Бенджамина заставил меня чувствовать себя косноязычной простушкой. Поэтому я пустила в ход единственное доступное мне оружие:

—Почему ты не хочешь быть аптекарем?

Бенджамина словно подменили, он сразу насторожился и разозлился.

—А ты откуда об этом знаешь?

—Может быть, я лучше тебя умею шпионить?

Поезд подъехал к платформе, и люди хлынули из вагона.

Я сверилась с маршрутом.

—Это мой поезд, — сказала я Бенджамину, заходя в открытые двери.

Как ни странно, он вошел следом за мной. Мы нашли два места друг напротив друга. У меня заколотилось сердце.

—Только не говори мне, что ты тоже едешь в Ривертон, — холодно бросила я, чтобы скрыть свое смущение.

—Тебе не стоит ездить в этом поезде одной.

—Это почему же? Потому что меня могут преследовать странные мальчики?

—Как ты узнала, что я не хочу быть аптекарем?

—Я зашла в магазин твоего отца, когда вы ссорились, — призналась я. — Только я не понимаю, почему ты должен становиться кем-то только потому, что этим занимается твой отец. Это выглядит как-то... ну, не знаю... Какой-то девятнадцатый век.

Бенджамин сгорбился в своем кресле.

—Это не девятнадцатый век, это Англия, — буркнул он. — Возложенные ожидания.

—На то, что ты продолжишь дело отца?

—В некоторых случаях. В моем случае. Общество аптекарей платит за мое обучение в школе, без них я не

смог бы учиться в Сент-Бедене. Я торчал бы в какой-нибудь жуткой средней школе, где меня бы молотили каждый день.

—Молотили?

—Лупили. Но аптекари рассчитывают, что если они платят за мою школу, то я стану одним из них.

—А почему ты этого не хочешь?

—Потому что это тоска зеленая! Кто такой мой отец? Обычный таблеточник!

—Он дал мне порошок от ностальгии по дому.

Это, кажется, заинтересовало Бенджамина.

—И помогает?

—Не знаю, — призналась я. — Может быть. Вот бутылки для горячей воды точно помогают.

Интерес Бенджамина мгновенно улетучился, сменившись презрением.

—Вот видишь? Он продает бутылки для горячей воды! Присыпки от детской потницы! Сплошная тоска. Что может быть скучнее?

—Кем же ты хочешь быть?

Он помолчал.

—Я хочу прожить жизнь, полную приключений и путешествий, и служить своей стране!

—Хочешь стать военным?

Мне показалось, что Бенджамин немного пожалел о своей откровенности.

—Нет.

И тут я все поняла. Он незаметно следил за мной и думал, что мои родители шпионы. Просто, как дважды два!

—Ты хочешь быть шпионом!

Бенджамин насупился.

—Если бы это была правда, так бы я тебе и сказал!

—Именно это ты только что и сказал.

—Ну... Да, мне бы хотелось работать на Секретную службу разведки, — признался Бенджамин. — В некотором роде. Только никому не рассказывай.

Я кивнула. Наверное, в этой Секретной службе разведки работали английские шпионы. Быстро бросив взгляд через проход, я прошептала:

—Мне кажется, что вон тот мужчина в котелке все слышал.

Бенджамин быстро обернулся, но мужчина был настолько увлечен своей книгой, что вряд ли заметил бы, даже если бы поезд сошел с рельсов. Бенджамин с облегчением улыбнулся.

—Просто я еще никому об этом не рассказывал, — сказал он.

Искаженный помехами механический голос в динамике объявил станцию «Хаммерсмит», и поезд стал замедлять ход.

—Это моя остановка, — объявила я, вставая. Я сделала это через силу. Впервые со дня переезда в Англию я чувствовала себя счастливой и до-

вольной, и мне страшно не хотелось выходить из вагона.

Бенджамин вышел со мной, мы остановились друг перед другом на платформе, а толпа обтекала нас со всех сторон. Темные глаза Бенджамина на самом деле оказались теплого карего оттенка, а в глубине их сверкали яркие медные искорки, того же цвета, что и россыпь веснушек у него на носу.

Я смущенно отвела глаза, лихорадочно соображая, что бы сказать. Мне было неудобно приглашать его в студию, к тому же я боялась, что родители задразнят меня, если я приду с мальчиком. К противоположной платформе подъехал поезд, шедший в обратную сторону.

—Мне надо идти, — сказал Бенджамин. — Я должен доставить заказ.

—Спасибо, что составил мне компанию.

—Слушай, — спросил он, — а что ты делаешь в субботу?

—Пока не знаю.

—Давай встретимся на школьной лестнице в два, я покажу тебе Гайд-парк.

—Мне надо спросить у родителей.

—Знаешь, если твои родители разрешают тебе ездить сюда одной на метро, то они точно позволяет тебе сходить в Гайд-парк.

Обратный поезд вот-вот должен был отойти.

—Ладно, — кивнула я.

—Здорово! — Он повернулся и зашагал через платформу.

Я пошла в другую сторону, с замиранием сердца думая о том, что мне только что назначили настоящее свидание, и тут меня догнал голос Бенджамина:

—Джейни, постой!

Я обернулась, гадая, что буду делать, если он попытается меня поцеловать.

—Совсем забыл спросить, — сказал Бенджамин. — Ты играешь в шахматы?

ГЛАВА 5

Шервудский лес

На студии «Ривертон», в густом сером тумане, я распахнула две створки тяжелых дверей, ведущих в звукозаписывающий павильон, и очутилась под зеленым пологом деревьев, согретых светом софитов. С одного дерева свисала веревка, на которой держался деревянный балочный мост. Деревья были сделаны из ткани, папье-маше и клееной фанеры, но все равно смотрелись очень красиво. Здесь даже была хижина – очевидно, тайный приют героев сериала.

Я бы с удовольствием поиграла в ней, будь я чуточку помладше — а если совсем честно, то и сейчас не отказалась бы. Актеров не было видно, похоже, съемки еще не начались. Никто меня не замечал, поэтому я еще немного постояла, разглядывая сцену.

Мои родители о чем-то беседовали в дальнем конце павильона с незнакомой мне высокой женщиной с пышной копной рыжих волос, и я даже издалека догадалась, что папа разыгрывает сцену. Он всегда так делал — мой папа не мог просто предложить идею сценария, он должен был разыграть ее. Мама стояла, скрестив руки на груди, и внимательно слушала отца, а на лице ее было написано то особенное выражение, которое в одну секунду могло измениться от восторга к скепсису, в зависимости от папиной задумки. В таких случаях я всегда чувствовала, что моя мама знает папу как облупленного и очень его любит, но ни за что не даст себя провести.

Вскоре папа заметил меня и всплеснул руками.

—О, да это же дева Марион! — закричал он голосом Робин Гуда. — Она пришла сказать нам, что мы должны напасть на сэра рыцаря!

По многолетнему опыту сцен, разыгранных на нашей кухне в Лос-Анджелесе, я знала, что лучший выход — это включиться в сюжет и попытаться продвинуть сцену дальше.

—Он приехал драться? — спросила я.

Папа посмотрел на своих зрителей.

—Нет, ну и что? — пробормотал он. — У него нет ни лошади, ни вооруженной свиты.

—В таком случае, можете к нему приблизиться, — решила я. — Но нападать совсем не обязательно.

—О, сколь великой мудростью одарена эта юная дева! — вскричал мой папа. После этого он вышел из образа Робин Гуда и обнял меня. — Умница, ты нас все-таки отыскала! А теперь познакомься с Оливией!

Рыжеволосая женщина, оказавшаяся новой начальницей моих родителей, не стала пожимать мне руку, а притянула к себе и тоже крепко обняла.

—Спасибо, что одолжила мне своих родителей, Джейни, — сказала она. — Они буквально спасли мне жизнь!

—Как школа? — спросил папа. — Как учителя?

—Меня заставляют ходить на латынь, — пожаловалась я. — А я не знаю ни слова по латыни!

—Я не ослышалась? — с притворным ужасом ахнула мама. — Неужели моя дочь хоть чему-то научится?

—Ма-ма, — попросила я, закатывая глаза.

Оливия Вольф пригласила нас в свой кабинет, сбросила со стула пальто, расчищая мне место, а сама устроилась на краешке своего заваленного стола.

—Садись, — пригласила она. — И все-таки, как все прошло?

Я скорчила гримасу. Просто не смогла удержаться.

—Ну, не все так уж плохо.

—Ты уже подружилась с кем-нибудь?

—Может быть... кое с кем.

—И как ее зовут?

Я почувствовала, как щекам стало жарко.

—Его.

Оливия всплеснула руками.

—Его! Нет, вы послушайте! Что ж, прекрасное начало!

—Он пригласил меня сыграть в шахматы в Гайд-парке.

—Раз в шахматы, значит, он умный, — заключил папа. — Он же умный, правда?

—Он хороший? — спросила мама.

—Он симпатичный? — спросила Оливия.

—Это допрос? — огрызнулась я. — Мне казалось, мы переехали сюда, чтобы избежать всех этих прелестей.

—Туше, — сказал папа.

—Без сомнения, это твоя дочь! — рассмеялась Оливия.

—Так как же все-таки зовут твоего молодого человека? — спросила мама.

—Он не мой молодой человек, — буркнула я.

—Вот и моя дочка так всегда говорит, — вздохнула Оливия. — Каждый раз, когда я думаю, что моя дочь завела молодого человека, она заявляет, что это лишь бред моего разыгравшегося воображения.

—А, так его зовут Бред? — воскликнул папа с пародийным английским акцентом. — Молодой мастер Бред, из семьи лондонских Бредов!

—Четырнадцатиюродных кузенов нашей королевы! — радостно подхватила Оливия.

—Никогда не могла запомнить, — пожаловалась мама, — как звать старшего сынка этих Бредов — Эндрю или Алистер?

Обычно я восторгалась родительским остроумием, да и лучшей начальницы, чем Оливия, практически не уступавшей моим маме с папой быстротой реакции, нельзя было пожелать, но порой все это могло очень здорово раздражать.

—Его зовут Бенджамин, — сказала я. — И он не мой молодой человек.

—Бенджамин Бред, — воскликнул папа. — Кажется, он мне уже по нраву. Давай-ка сегодня же вечером расчехлим наши старые шахматы. Я не могу допустить, чтобы моя дочь опозорилась перед каким-то мальцом по имени Бенджамин Бред!

—Мне уроки нужно делать.

—Но я предлагаю тебе выгодную возможность!

—Па-па, — попросила я. — Хватит.

—Так что же все-таки плохого в школе? — спросила Оливия. — Мне кажется, все просто роскошно — латынь, шахматные свидания и прочее.

—Там просто страшно, — призналась я. — Я никого не знаю. За обедом я села рядом с русским мальчиком, и одна девочка назвала меня большевичкой.

—Вот как, — посерьезнела Оливия. — Что ж, попробуй представить, каково там русскому мальчику.

—И еда там кошмарная.

—Добро пожаловать в Англию.

Тут в дверях кабинета Оливии показалась голова молоденькой девушки лет двадцати с небольшим, с огромными глазами и широкой, напомаженной улыбкой. Я знала, что эта девушка будет играть деву Марион, потому что родители показывали мне ее фотографии, но все равно была потрясена, увидев актрису вблизи. Казалось бы, за свою долгую — целых четырнадцать лет! — жизнь в Лос-Анджелесе я должна была привыкнуть к тому, что красота актрис не похожа на обычную красоту и всегда производит впечатление чуда. Волосы у девушки вились мягкими локонами, а ресницы были такие, что ими запросто можно было подметать пол. На ней было черное платье с немыслимо узкой талией и пышной юбкой колоколом.

—С меня сняли мерки, и я ухожу, — объявила дева Марион. — У меня свидание!

—Шахматное? — спросила Оливия.

Девушка смутилась.

—Нет... мы идем на танцы.

—Ну, конечно, дорогая, — улыбнулась Оливия. — Познакомься, это Джейни, она только что переехала к нам из Голливуда.

—О, как это трагично! — воскликнула дева Марион. — Наверное, ты ужасно тоскуешь?

—Да, — ответила я. — Но Голливуд — это всего лишь пригород.

—Всего лишь пригород! Ах, Джейни, попроси своих родителей написать для меня замечательные сцены, чтобы я тоже смогла отправиться туда и стать знаменитой!

Я посмотрела на маму с папой.

—Эээ... Конечно.

—Спасибо, ты прелесть, — прощебетала дева Марион. — А теперь мне пора бежать.

—Сразу его наповал, — напутствовала Оливия.

Дева Марион просияла, плеснула юбкой и выпорхнула за дверь. Мои родители и Оливия переглянулись.

—Она красивая, — сказала я.

—Этого у нее не отнять, но она немыслимо меня раздражает! — пожаловалась Оливия. — По-моему, она вообразила, будто мы снимаем сериал не о Робин Гуде, а о деве Марион и ее веселых стрелках!

—А что если мы напишем эпизод, в котором она будет флиртовать с шерифом Ноттингемским, чтобы — ну, не знаю, скажем, чтобы выкрасть у него ключи от тюрьмы или как-нибудь иначе освободить Робина? А шериф при этом будет думать, будто она в самом деле в него влюблена!

—Допустим, и что из этого? — пожала плечами Оливия.

Они все втроем принялись вслух развивать и обдумывать эту идею. Им было легко и хорошо вместе, они отлично знали свое дело и не обращались со мной, как с ребенком. Они относились ко мне, как к члену ко-

манды. Я вспомнила о порошке аптекаря и поняла, что больше не испытываю никакой тоски по дому.

Все время, пока взрослые обсуждали сюжет, я думала о Бенджамине, который сел в ненужный ему поезд до Хаммерсмита только потому, что я его интересовала, и глупо улыбалась. Он назначил мне свидание, это было ясно, как день! И пусть это будут не танцы, и у меня нет чудесных вьющихся локонов и черной юбки колоколом, зато я пойду на свидание играть в шахматы!

ГЛАВА 6

Его сиятельство

Всю пятницу я проходила по школе, не поднимая головы, а во время обеда осталась в классе для самостоятельных занятий, чтобы не показываться в столовой. Я бы с удовольствием села рядом с Бенджамином, но вдруг бы он не захотел со мной садиться? Нет, я не могла так рисковать.

Накануне вечером мама приготовила нам на ужин яичницу-болтунью из яиц с «черного рынка», которые принесла наша квартирная хозяйка. Оливия через маму передала для меня теплую ночную рубашку, из которой выросла ее дочка – теплую, байковую, длиной до пола. Рубашка оказалась старомодной и бесформенной, но я была очень довольна – если аптекарская жимолость с осиной, возможно, и оказы-

вала какое-то целебное действие, то бутылки с горячей водой слишком быстро остывали в ледяной постели.

Днем в субботу Бенджамин ждал меня на лестнице школы Сент-Беден со своей неизменной кожаной торбой, надетой через плечо. Я надеялась, что сумела не показать облегчения, охватившего меня при виде его. По дороге к Гайд-парку мы болтали о школе. Бенджамин от души смеялся, когда я сказала, что секретарша напоминает мне овцу, и я страшно пожалела, что не набралась храбрости сесть рядом с ним за обедом. Разговаривать с ним было очень легко, тем более что мы шли по лондонским улицам и глазели по сторонам и мне не приходилось смотреть на него через поднос с обедом.

В парке Бенджамин выбрал столик, быстро сел за доску, предоставил мне право играть белыми и молниеносно расставил фигуры по местам. Я всегда долго вспоминала, как они ходят. Теперь я пожалела, что накануне отказалась от папиной помощи.

—Вообще-то я не очень хорошо играю, — призналась я.

—Отлично, — ответил Бенджамин. — Значит, будем играть на деньги.

—Нет, серьезно, я тебе не соперница.

—Пустяки, — отрезал Бенджамин. — Я хочу, чтобы ты следила за скамейкой, вон той, за моим левым плечом. Видишь, там сидит человек с деревянной ногой?

Я подняла глаза. Широкоплечий мужчина в сером пальто сидел к нам спиной и читал газету. Под скамей-

кой видны были две ступни в черных ботинках. На вид, ноги как ноги. Разве что одна чуточку меньше другой.

—Откуда ты знаешь про его ногу?

—Я за ним слежу, — сообщил Бенджамин. — Ты знаешь русского мальчика из нашей школы? Сергея Шишкина?

—Он сидит за мной на латыни, — ответила я. — Нормальный мальчик.

—А это его отец, Леонид Шишкин, он работает в советском посольстве. Он приходит сюда каждые выходные. Скажи мне, когда кто-нибудь сядет рядом с ним, поняла?

Шахматное свидание вдруг стало гораздо меньше походить на свидание, и я почувствовала укол разочарования.

—Мы поэтому здесь сидим? Ты позвал меня, чтобы я помогала тебе шпионить?

—Мы просто играем в шахматы. Твой ход.

Я двинула пешку к его королю, а Бенджамин защитил черной пешкой слона.

Тогда я выдвинула вперед своего слона, и Бенджамин нахмурился.

—Ты уверена?

—Какая разница, если это не настоящая игра, а просто прикрытие?

—Любое прикрытие должно выглядеть убедительно, — со вздохом сказал Бенджамин, выставляя коня. — Ты должна сама в него поверить. Вот, скажем, Леонид Шишкин — бухгалтер в посольстве. И он ведет себя как бухгалтер и живет как бухгалтер.

—Может быть, потому, что он и есть бухгалтер?

—Такой бухгалтер, который передает секретные послания своим связным в этом парке! Он оставляет им листы своей газеты на этой скамейке. Твой ход.

Я увидела, что его король остался без защиты, и двинула свою королеву сразу на две клетки.

Бенджамин покачал головой.

—Джейни!

—Шах и мат!

—Нет, не в этот раз. — Он передвинул коня, одним ходом защитившись от шаха и поставив под удар мою королеву и ладью.

—Ой, — только и осталось сказать мне. — Я же тебе говорила, что плохо играю!

—Когда англичане так говорят, они никогда не имеют этого в виду, — ответил Бенджамин.

—Зато американцы имеют!

—Что делает Шишкин?

Я подняла глаза.

—Только что к нему на скамейку подсел какой-то мужчина, — буркнула я, а потом вытаращила глаза. — Ой, Бенджамин, он взял у Шишкина газету!

—Как выглядит мужчина?

—Упитанный. Красивое пальто. Черная прогулочная трость. Как ты думаешь, что сейчас будет?

Бенджамин украдкой оглянулся на мужчину, который как ни в чем не бывало пошел прочь, с неторопли-

вой небрежностью человека, совершающего субботнюю прогулку по парку.

—Я его никогда раньше не видел, — шепнул Бенджамин.

—Проследим за ним?

Мне показалось, что Бенджамин заколебался.

—Что сейчас делает Шишкин?

—Ничего, дочитывает остатки своей газеты.

Бенджамин решительно ссыпал шахматные фигурки в свою сумку.

—Тогда идем!

Мы направились в ту же сторону, что и мужчина с тростью, и, проходя мимо скамейки, я быстро покосилась на мистера Шишкина, который поднял на меня глаза от своей газеты. Я поспешно отвернулась. Бенджамин шагал впереди меня, а еще дальше маячил наш объект, терпеливо дожидавшийся на тротуаре возможности перейти через улицу.

Держась на расстоянии, мы по боковым улочкам добрались до красивого кирпичного дома с белой отделкой, в котором скрылся наш объект. Вывеска на двери дома гласила: «**ГОСТИНИЦА КОННОТ**». Мне показалось, что швейцар подозрительно посмотрел на нас, когда мы в нерешительности остановились перед входом.

—Притворись богачкой, — прошипел Бенджамин. — Сделай вид, будто мы здесь свои.

С этими словами он с напускной непринужденностью юного богача, уверенного в своем праве, направился к дверям отеля.

Чуть замешкавшись, я бросилась следом, и мне пришлось сделать несколько чересчур поспешных и не столь уверенных шажков, чтобы догнать Бенджамина. Он коротко кивнул швейцару, который распахнул перед нами дверь. На ходу я пыталась представить, что сделала бы на моем месте Сара Пеннингтон. Улыбнулась бы швейцару? Сказала бы какую-нибудь любезность? Задрала бы нос? В результате меня охватила страшная робость, и я уставилась прямо перед собой, как будто швейцара не существовало вовсе, что, разумеется, было наихудшим вариантом из всех возможных.

В фойе царила тишина. Толстые ковры поглощали звуки, голоса раздавались вежливо и негромко, из расположенного где-то поблизости бара доносился звон бокалов. Устланная ковром лестница уходила наверх мимо темной полированной стойки регистрации, а человека из парка нигде не было видно. Бенджамин подошел к стойке.

—Я должен встретиться здесь со своим дядей, — сказал он. — Он у меня довольно толстый, я всегда ему об этом говорю, и ходит с прогулочной тростью. Вы его не видели?

Длинноносый клерк за стойкой бесстрастно воззрился на Бенджамина.

—Многие люди ходят с тростью, — сухо заметил он. — Могу я поинтересоваться именем вашего дяди?

—Я зову его просто дядей!

Повисла пауза.

—Нисколько в этом не сомневаюсь, сэр. Но вы же понимаете, что мы не можем звать его так?

—Полагаю, что нет.

Клерк сдержанно улыбнулся.

—Также не в моей компетенции определять, кто из наших постояльцев крупнее других.

—Послушайте, я вовсе не имел в виду... — начал Бенджамин.

—Всего наилучшего, молодой человек.

—Ах! — раздался голос у меня за спиной. — Да это же Джейн из Калифорнии!

Обернувшись, я увидела Сару Пеннингтон. Такое впечатление, что, взяв ее за образец самоуверенной богатой девочки, я ненароком вызвала в гостиницу саму Сару во плоти. Этим утром Сара была одета в голубой плащ под цвет глаз, а рядом с ней стояла ее зрелая копия — красивая блондинка в серой шляпке, косо пришпиленной к ее элегантно причесанной голове.

—Это моя мама, — представила женщину Сара. — А это Джейн, новая ученица в Сент-Бедене.

—Как поживаете? — спросила мама Сары.

—Вообще-то меня зовут просто Джейни, — пролепетала я. — Спасибо, замечательно. А это... это Бенджамин.

—Я знакома с Бенджамином, — пропела Сара, ослепительно улыбаясь ему и многозначительно — мне. — Ты времени зря не теряешь, Джейни.

—Сара, — укоризненно сказала ее мама.

Я тоже смутилась. И почувствовала, что краснею до ушей. А Бенджамин, очутившись в обществе действительно богатых людей, сразу перестал вести себя как богач. Напротив, он вдруг страшно заинтересовался пряжкой на своей кожаной торбе.

—Вы здесь остановились? — с трудом выдавила я.

—О нет, мы просто ходим по магазинам, — ответила Сара. — А сюда зашли выпить чаю.

—Благодарю вас, ваше сиятельство, — сказал клерк у нас за спиной.

Мы все четверо обернулись, чтобы посмотреть, кого так величают. Я отметила про себя, что Сара и ее мать повернулись гораздо деликатнее, чем мы с Бенджамином, а затем у меня екнуло сердце.

Человек, стоявший у стойки и только что названный «сиятельством», оказался тем самым толстяком, за которым мы следили! Он кивнул нам и все с той же плавной небрежностью проплыл к выходу, помахивая черной прогулочной тростью.

—Вы знаете, кто это такой? — спросил Бенджамин у матери Сары, когда дверь за «сиятельством» закрылась.

—Нет, — ответила миссис Пеннингтон.

—А почему клерк назвал его «ваше сиятельство»? — спросила я.

—Полагаю, он граф или виконт.

В тот момент я впервые в жизни услышала это слово, и оно показалось мне похожим на «вай-конт». Те-

перь я знаю, что это дворянский титул, выше барона, но ниже графа.

—Возможно, мы сможем женить его на тете Сесилии? — заметила Сара.

Миссис Пеннингтон поджала губы и густо покраснела под слоем пудры.

—Нам пора домой, — сказала она. — Надеюсь, в следующий раз вы выпьете чаю вместе с нами.

—Тетя Сесилия — старая дева, — сообщила Сара, доверительно понизив голос ровно настолько, чтобы превратить свои слова в пытку для матери. — И мы просто отчаялись подыскать ей одинокого виконта!

—Сара! — одернула ее мать.

—Пока! — пропела Сара и, помахав нам ладошкой через плечо, заторопилась к выходу.

Бенджамин повернулся к клерку за конторкой.

—Скажите, мужчина, который только что вышел, он граф или виконт?

—Я полагаю, это ваш дядя, — бесстрастно заметил клерк.

—Он им станет, если женится на тете Сесилии, — сказал Бенджамин. — А она просто лакомый кусочек. Вылитая Лана Тернер.

Клерк ухмыльнулся и сделал вид, будто с головой ушел в бумаги.

—Готов спорить, что он русский князь в изгнании, — сообщил Бенджамин.

—Мы охраняем тайну личной жизни наших гостей, как титулованных, так и нет. И боюсь, что должен попросить вас покинуть нашу гостиницу.

Когда я вернулась домой, папа поднял голову от сценария.

—И кто же выиграл шахматный матч века?

—Бенджамин.

—Ну что ж, надеюсь, в следующий раз победа будет за тобой.

—Надеюсь. Завтра я снова иду играть.

Мои родители переглянулись.

—Уже завтра?

—Надо же отыграться, — ответила я. — У меня тоже есть гордость.

Но правда была в том, что Леонид Шишкин из советского посольства по воскресеньям тоже приходил в Гайд-парк и Бенджамин хотел продолжить слежку.

—Хм. — Папа отложил сценарий и внимательно посмотрел на меня.

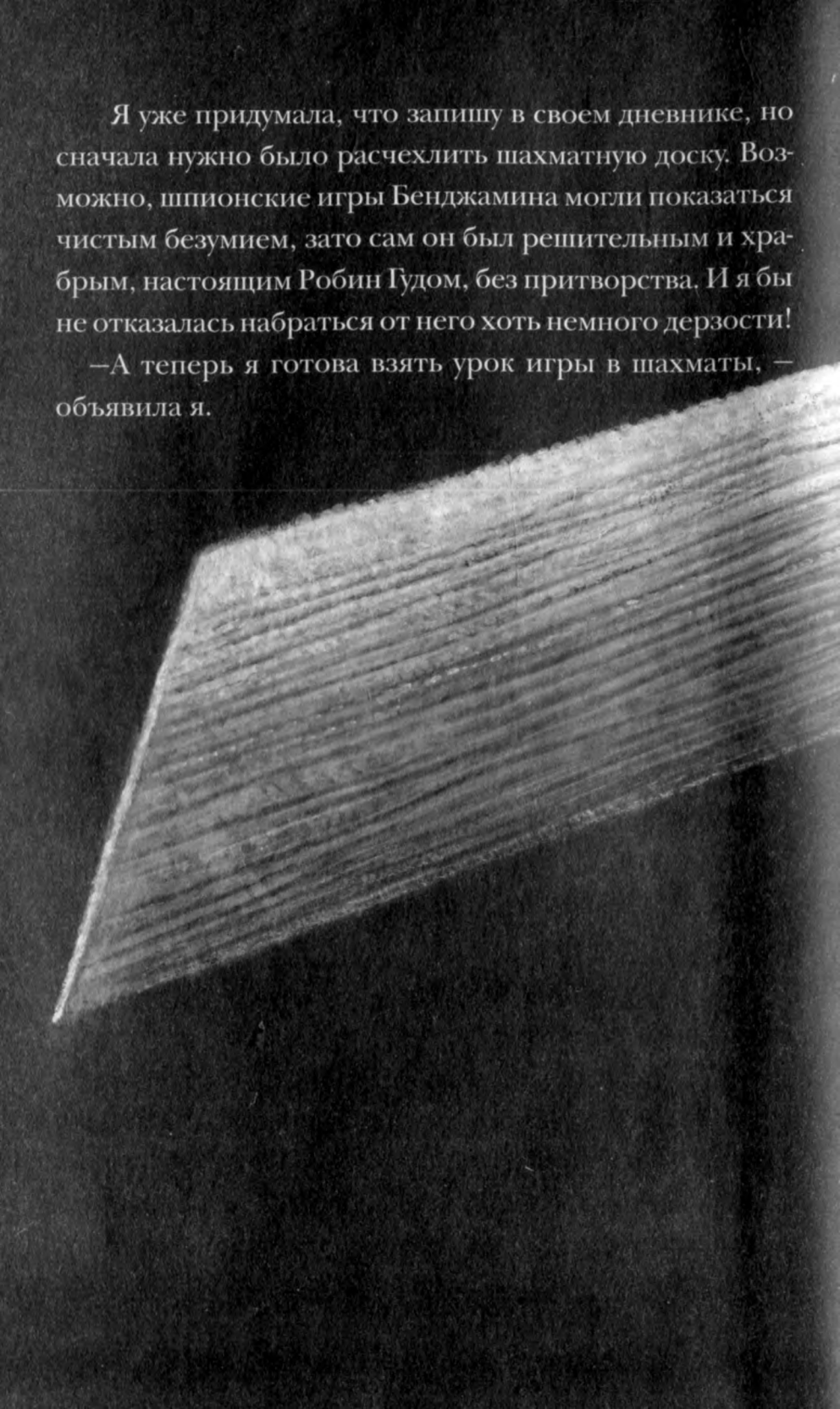
—Хм, — повторила мама.

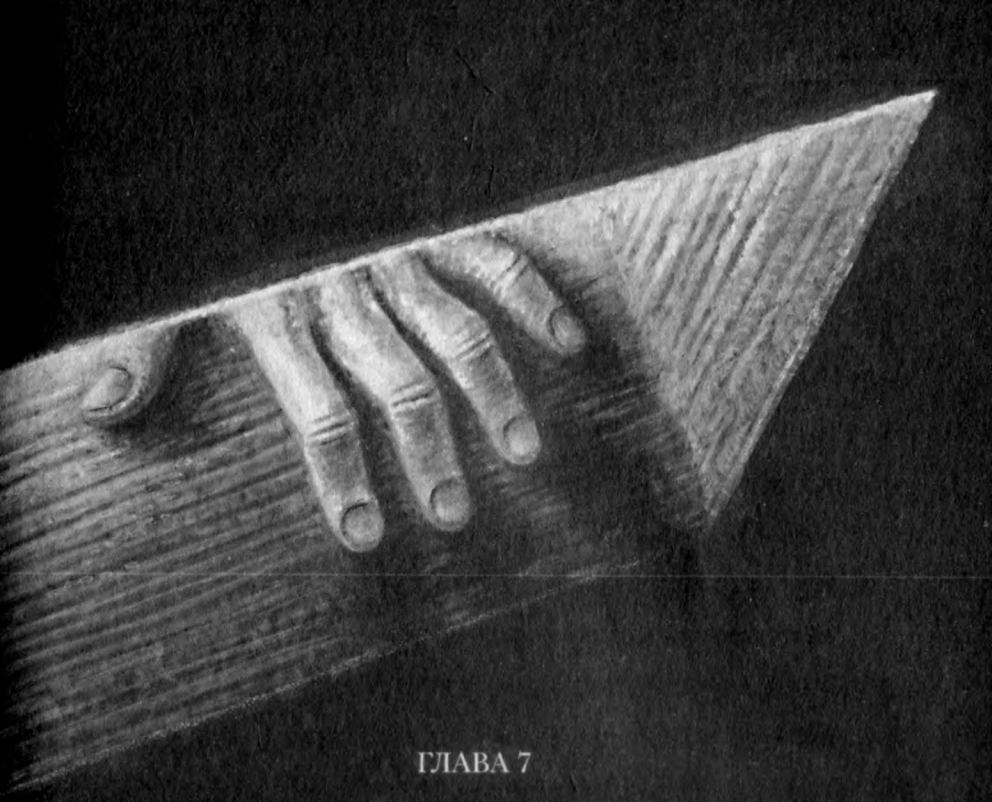
—А мы можем познакомиться с молодым мастером Бредом? — поинтересовался папа.

—Только если прекратите называть его так, — отрезала я. — И не завтра. Мы встречаемся в парке.

Я уже придумала, что запишу в своем дневнике, но сначала нужно было расчехлить шахматную доску. Возможно, шпионские игры Бенджамина могли показаться чистым безумием, зато сам он был решительным и храбрым, настоящим Робин Гудом, без притворства. И я бы не отказалась набраться от него хоть немного дерзости!

—А теперь я готова взять урок игры в шахматы, — объявила я.





ГЛАВА 7

Послание

Когда в воскресенье мы пришли в Гайд-парк, мистер Шишкин в своем сером пальто уже сидел на скамейке спиной к нам. Бенджамин расставил шахматные фигуры и снова предложил мне играть белыми, а я стала следить за Шишкиным поверх его плеча.

Я двинула королевскую пешку вперед, и Бенджамин, как я и предполагала, закрыл пешкой слона. Тогда я, как учил меня папа, бросила в бой коня и получила в награду одобрительную улыбку Бенджамина.

—Отлично! — сказал он и двинул вперед пешку, стоявшую перед королевой.

Я пошла своей пешкой, прикрывавшей королеву, Бенджамин взял ее, а я в ответ съела конем его пешку. После этого я посмотрела, как там наш мистер Шишкин. Рядом с ним сидел какой-то мужчина. Я даже не заметила, когда он появился.

—Кто-то пришел, — сказала я. — Мужчина.

—Какой мужчина?

—Мне виден только его затылок. Он в шляпе.

Бенджамин посмотрел мне в лицо, словно хотел прочесть на нем, что я вижу.

—Что он делает?

—Ничего. Просто сидит.

Я не стала говорить, что незнакомец даже со спины показался мне странно знакомым.

Бенджамин обернулся, чтобы посмотреть на новоприбывшего, и вдруг уронил голову на руки.

—О, нет, — прошептал он.

И тут до меня дошло. Я просто не узнала его в непривычной обстановке.

—Это же аптекарь! — пролепетала я. — Это твой отец!

Бенджамин сделал вид, будто разглядывает шахматную доску.

—Теперь он все испортит, — простонал он. — Ну почему он выбрал именно эту скамейку? Пока он тут

сидит, Шишкин не сможет передать сообщение агенту!

—Может быть, твой отец и есть его агент?

—Да какой он агент!

На моих глазах отец Бенджамина, не глядя на Шишкина, взял со скамейки страницу газеты. Мои руки покрылись гусиной кожей.

—Твой папа только что взял газету, — сказала я.

Бенджамин уставился на меня.

—Не может быть!

—Нет, взял! И теперь уходит. Вот, сам посмотри.

Бенджамин обернулся, и мы увидели, как его отец остановился, развернул газету и впился глазами в какие-то строки. После этого он повел себя очень странно. Оторвав маленький клочок газеты, он бросил его в урну вместе с газетным разворотом, а сам со всех ног помчался по улице. Шишкин уже удалялся в противоположную сторону, неловко припадая на деревянную ногу.

—Идем! — решил Бенджамин. — Нужно заполучить послание!

Мы бросились к урне для мусора, которой только что воспользовался аптекарь.

—Следи, куда он пойдет, — приказал Бенджамин, а сам сунул руку в урну и вытащил оттуда сложенную газету и узкий клочок бумаги. Присев на корточки, он сложил обрывки на земле, а я заглянула ему через пле-

чо. Послание было написано небрежными большими буквами:

У меня голова пошла кругом и мелькнула мысль, что нас с Бенджамином кто-то разыгрывает – или же Бенджамин с отцом разыгрывают меня.

–Это что, по-настоящему? – резко спросила я. – Или ты все это подстроил?

Но испуганное лицо Бенджамина яснее всяких слов подсказало мне, что он тут ни при чем.

–Куда он пошел? – спросил он.

–Перешел улицу. А кто такой Дзинь Ло?

–Понятия не имею.

Мы бросились за отцом Бенджамина, и я по ошибке посмотрела налево, а не направо, откуда ехали машины, и чуть не оглохла от рева клаксона. Бенджамин оттащил меня назад и не дал угодить под колеса такси.

Водитель высунулся из окна и обругал меня. Тем временем отец Бенджамина вбежал в красную телефонную будку на другой стороне улицы.

—Ты знал, что твой отец знаком с Шишкиным? — спросила я.

—Нет! — ответил Бенджамин.

Мы по диагонали перебежали перекресток и, чтобы не привлекать к себе внимания, пристроились в очередь людей, ожидающих автобуса. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой приметной. Но аптекарь вышел из будки, не заметив нас.

—Пусть отойдет шагов на пятьдесят, — сказал Бенджамин.

—Он работает на русских?

—Не знаю.

—Как ты думаешь, он знаком с виконтом? Или с графом?

—Перестань задавать мне дурацкие вопросы!

Мы молча пошли по улицам за отцом Бенджамина. Аптекарь шагал на удивление быстро и, судя по всему, направлялся в свой магазин. Возле Риджентс-парк роуд мы потеряли его из виду. Некоторое время мы стояли в глубокой арке двери какого-то дома, наблюдая за аптекой, но дверь оставалась закрытой, в нее никто не входил и не выходил наружу.

—Давай войдем, — предложила я. — Просто спроси у него, в чем дело.

—Не могу, — отозвался Бенджамин. Он был бледен, и от его храбрости не осталось и следа.

—Но ты должен.

—А если он советский шпион?

—По крайней мере, ты будешь это знать. — Я шагнула на проезжую часть, на этот раз не забыв посмотреть направо.

Бенджамин сдался, и мы робко направились в сторону магазина. Перед входом он обернулся, чтобы убедиться, что за нами не следят. Дверь была заперта, и Бенджамин открыл ее своим ключом.

В магазине царила тишина, но странно пахло дымом. Бенджамин запер дверь, и мы направились по пустым проходам между стеллажами на свет, горевший в подсобке. Я попробовала идти на цыпочках, но у меня так тряслись коленки, что пришлось снова опуститься на пятки.

В задней комнате аптекарь жег какие-то документы в металлической корзине для бумаг.

—Бенджамин! — воскликнул он. — Тебе нельзя здесь быть! Они идут!

—Кто идет?

—Я точно не знаю. Но тебя тут быть не должно!

—Ты шпионишь для русских?

Отец изумленно воззрился на него сквозь очки.

—Нет, конечно!

—Но я видел тебя в парке! Шишкин передал тебе какое-то послание. А он работает в советском посольстве.

Аптекарь устало покачал головой.

—У меня нет времени на объяснения, Бенджамин. Я должен спрятать книгу.

—Какую книгу?

Вместо ответа аптекарь вытащил из буфета здоровенный фолиант в тяжелом кожаном переплете. И тут мы услышали, как задребезжала запертая входная дверь в аптеку.

—Они уже здесь! — воскликнул аптекарь. — Я вас спрячу. — Он отложил книгу и поднял железную решетку в полу, под которой оказалась лестница, ведущая в подвал.

—Я не полезу туда! — заупрямился Бенджамин.

—Полезешь и немедленно, — сказал его отец с резкостью, которую я до сих пор не подозревала в этом тихом человеке. Потом, словно внезапно решившись, аптекарь сунул книгу в руки Бенджамину.

—Мы можем остаться и помочь тебе против них! — крикнул Бенджамин.

—Идите! — рявкнул его отец.

—Нужно вызвать полицию, — сказала я.

—Никакой полиции! Я хочу, чтобы вы спасли «Фармакопею» и сохранили ее! Пожалуйста, сделайте это для меня.

—Спасти от кого? — спросил Бенджамин.

—От всех, кто будет ее искать.

—А как же ты?

—Со мной все будет в порядке. Сберегите книгу! Она хранилась в нашей семье больше семисот лет!

—Папа, постой!

—У меня есть план. Все будет хорошо. Уходите, прошу вас. — Аптекарь опустил за нами решетку. Было слышно, как кто-то колотит во входную дверь.

В подвале пахло сырой землей и, спустившись по лестнице, мы оказались в маленькой комнатке с цементным полом. В тусклом свете, проникавшем через железную решетку, мы осмотрели скудную обстановку вокруг. Всюду теснились полки, заставленные пыльными склянками, а в одной стене виднелась тяжелая железная дверь. Бенджамин подергал за ручку, но дверь была заперта.

Затем наверху громыхнул оглушительный взрыв, и мы с Бенджамином спрятались за полками. Послышались шаги и голоса, мне показалось, что говорили по-немецки.

—Ты знаешь немецкий? — спросила я.

Бенджамин отрицательно покачал головой.

Мы молча слушали, как люди наверху обыскивают подсобку. Я слышала дыхание Бенджамина в темноте и свое собственное прерывистое пыхтение. Бенджамин опустил глаза на книгу, лежавшую у него на коленях, словно спрашивал себя, может ли она стоить дороже жизни его отца. Я видела, что он хочет броситься наверх и вступить в бой.

—Их там слишком много, — прошептала я. — Твой папа велел сберечь книгу.

Мне казалось, что мы сидели так целую вечность, а потом наверху заскрежетал металл, и Бенджамин торопливо отпихнул меня поглубже в тень за стеллажами. Решетку убрали, и какой-то мужчина свесил голову в подвал. У него был длинный шрам через всю щеку и жуткое лицо человека, висящего вниз головой. Казалось, будто он улыбается или скалится. Мужчина огляделся по сторонам, его ощеренные зубы блеснули в темноте. И тут со стороны улицы раздался пронзительный звук полицейской сирены, и в глубине магазина кто-то закричал по-немецки. Судя по голосу, кричавший призывал поскорее уносить ноги. Жуткое перевернутое лицо исчезло, и решетка снова опустилась.

Мы с Бенджамином съежились в темноте, боясь дышать. Когда первый приступ страха прошел, я поняла, что Бенджамин обнимает меня рукой за плечи, а я прижимаюсь к его боку. Похоже, он тоже это заметил, потому что слегка разжал пальцы, стискивавшие мою руку.

Мы отстранились друг от друга, но по моей руке забегали мурашки в том месте, где только что были пальцы Бенджамина. Звук сирены растаял вдали: должно быть, полицейские преследовали кого-то другого.

Когда наверху воцарилась тишина, мы с Бенджамином с опаской выбрались из подвала и отодвинули тяжелую решетку. Аптека была разгромлена. Разбитые склянки с травами наполняли воздух странными и резкими запахами. Все содержимое стеллажей было сброшено на пол, всюду валялись бутылочки с таблетками, коробки с бинтами, пакеты ваты...

Но аптекарь исчез.

ГЛАВА 8

Фармакопея

Бенджамин и его отец жили в квартирке над магазином, и нам хватило ума сообразить, что за ней могут следить. Поэтому мы пошли ко мне домой, где застали моих родителей сидевшими за журнальным столиком, который мы с трудом втиснули в тесную кухоньку. Я сразу поняла, что наше появление прервало какой-то важный разговор, однако мне было не до этого. Мы с Бенджамином решили ничего не рассказывать моим родителям о случившемся, потому что они бы непременно захотели обратиться в полицию, а аптекарь просил нас этого не делать.

Моя мама с улыбкой обернулась к нам.

—Ну как прошла переигровка? — спросила она.

—А... замечательно, — промямлила я. Шахматы совершенно вылетели у меня из головы.

—Кто выиграл?

Мы с Бенджамином переглянулись.

—Нам пришлось прервать партию, — соврала я. — Отец Бенджамина должен был срочно уехать в Шотландию, чтобы проведать свою захворавшую тетушку.

—Какая жалость, — с искренним сочувствием сказала мама. — Надеюсь, она поправится.

Я почувствовала себя внезапно и безрадостно повзрослевшей — и не потому, что впервые пригласила мальчика познакомиться с моими родителями, а потому, что впервые солгала им.

—Я хотела спросить, нельзя ли Бенджамину переночевать сегодня у нас, — сказала я. — То есть его отец просил спросить, можно ли ему остаться у нас.

Мои родители переглянулись.

—Не вижу причин отказать, — ответил отец после некоторого молчания, позволившего предположить, что он все-таки видел такие причины.

На ужин мама снова приготовила яичницу-болтунью, и мы с трудом разместились за тесным журнальным столиком. Бенджамин держался любезно и официально, и я кожей чувствовала общую неловкость.

—Мы пока не до конца решили вопрос с покупкой еды, — сказала мама. — Поэтому всецело зависим от яиц, которыми нас снабжает хозяйка.

—Они великолепны, — отозвался Бенджамин. — В наше время яйца нелегко достать.

Снова повисло тяжелое молчание.

—Чем занимаются твои родители, Бенджамин? — задал вопрос мой папа.

—Мой отец владеет аптекой на соседней улице.

Папа с громким скрипом отодвинул свой стул.

—Вот это да! — воскликнул он. — Значит, это ему мы обязаны теплом в нашем доме! А что делает твоя мама?

Поскольку моя мама работала, родители считали своим долгом спрашивать всех моих друзей о том, чем занимаются их матери. Сегодня в таком вопросе нет ничего странного, но в 1952 году большинство матерей сидели дома, и расспросы моих родителей выглядели довольно бестактно.

—Она умерла, когда я был маленьким, — ответил Бенджамин.

Я вытаращила глаза. Мне до сих пор не приходило в голову поинтересоваться, где его мама, но Бенджамин никогда не упоминал о ее смерти!

—Соболезную, — сказала мама. — Как это случилось?

—Она погибла во время бомбежки, — ответил Бенджамин. — В войну.

—Ох, Бенджамин, какой ужас.

—Я был тогда совсем маленьким, — сказал он. — Я ее даже не помню.

Снова воцарилось долгое молчание. Мои родители, обычно такие открытые и дружелюбные, просто не знали, как относиться к этому трагическому событию и этому замкнутому, вежливому мальчику. Жаль, что они не видели, как дерзко и уверенно Бенджамин держался в школьной столовой, тогда бы они тоже пришли от него в восторг! Теперь я понимала, почему Бенджамин не мог серьезно отнестись к учебной тревоге — вернее, почему он относился к ней настолько серьезно, что отказался участвовать в этой заведомо бессмысленной затее.

Кожаная сумка Бенджамина стояла возле нашего маленького диванчика, и «Фармакопея» торчала из нее, поскольку была настолько велика, что сумка не закрывалась. Чтобы сменить тему, отец кивнул в сторону книги.

—Что это за гигантский фолиант? — спросил он. — Это химия?

—Нечто вроде, — ответил Бенджамин.

—Можно мне взглянуть? Любопытно посмотреть, чему учат в Англии.

—Я очень устал, сэр, — с излишней поспешностью выпалил Бенджамин. — И мне нужно закончить работу на завтра. Можно я немного поработаю?

—Разумеется, — ответил папа, одарив Бенджамина широкой улыбкой, которую всегда пускал в ход во вре-

мя дружеских размолвок или когда видел, что ему врут в глаза. — Если перестанешь величать меня «сэром».

Когда родители уснули, я прокралась в гостиную, где мама постелила Бенджамину на диване. Он сидел, держа на коленях открытую «Фармакопею».

—Ты мне не говорил, что твоя мама умерла, — прошипела я.

—А ты думала, где она? — буркнул он. — В Тимбукту?

—У меня не было времени об этом задуматься.

—Ну, а у меня нет времени об этом говорить, — огрызнулся Бенджамин. — Я просмотрел книгу. Она в основном на латыни.

Он подвинулся, освободив для меня место на диване. Я была потрясена исчезновением его отца, и меня страшно интересовала книга, но даже все это не могло заставить меня перестать нервничать из-за того, что я сижу среди ночи на родительском диване рядом с Бенджамином. Невозможно было представить, чтобы какой-нибудь мальчик из голливудской средней школы остался ночевать у нас в гостиной в Лос-Анджелесе, не говоря уже о том, что никто из этих мальчиков не пробуждал у меня такого волнения и беспокойства. Я посмотрела на книгу — из-за всех этих переживаний я до сих пор даже не успела ее рассмотреть. Между прошитыми страницами то тут, то там были вложены листоч-

ки, исписанные от руки старомодным каллиграфическим почерком. Страницы цвета слоновой кости побурели по краям, а в некоторых местах хранили следы ожогов. В целом книга была похожа на очень старое и ценное издание маминой пухлой поваренной книги под названием «Радость готовки».

—Кажется, страницы, заполненные по-латыни, очень старые, – сказал Бенджамин. – По крайней мере, некоторые из них. Вообще-то я должен знать латынь, чтобы стать аптекарем, но не слишком преуспел в этом.

—А это что за язык? – спросила я, указывая на слова, написанные совершенно незнакомыми мне буквами.

—Кажется, греческий.

Бенджамин перевернул еще одну страницу. Там строки текста перемежались какими-то символами и картинками. Одна из картинок изображала змею в круге.

—Может, это какое-то лекарство от змеиных укусов? – предположила я.

—Ну и зачем отцу понадобилось прятать эту чепуху от немцев?

—Наверное, это очень ценная книга?

—Но они не были обычными ворами.

—Думаю, нет, – пробормотала я и поежилась, вспомнив лицо человека со шрамом. – Как ты думаешь, куда они его увезли?

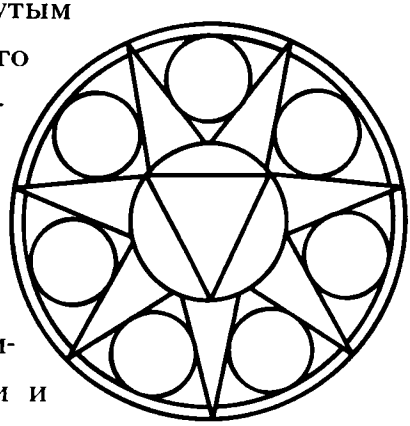
—Не знаю. Жаль, что я не знаю немецкого.

—И латыни.

—И латыни.

—И греческого.

Бенджамин закрыл книгу, и некоторое время мы молча разглядывали знак, вытесненный на переплете. В самом центре красовался круг с вписанным в него перевернутым треугольником, вокруг этого круга помещалась семиконечная звезда, заключенная в круг побольше, а между ее лучей были вытеснены маленькие кружочки.



Я провела рукой по символу, ощупывая выпуклости и вмятины на мягкой потертой коже.

—Этот знак кажется мне знакомым, — задумчиво сказал Бенджамин. — Только я не знаю почему.

—Можно попросить мистера Дэнби перевести какие-нибудь фрагменты с латыни.

—Нельзя никому показывать эту книгу!

—Мистер Дэнби герой войны.

—Я что-то не припомню, чтобы папа разрешил показывать «Фармакопею» героям войны. Он сказал, что мы должны сберечь ее ото всех, кто захочет ее увидеть.

—Вот видишь? А мистер Дэнби совсем не хочет ее видеть, — пробормотала я. Глаза щипало от усталости, веки слипались. — Просто ужасно, что твоего отца

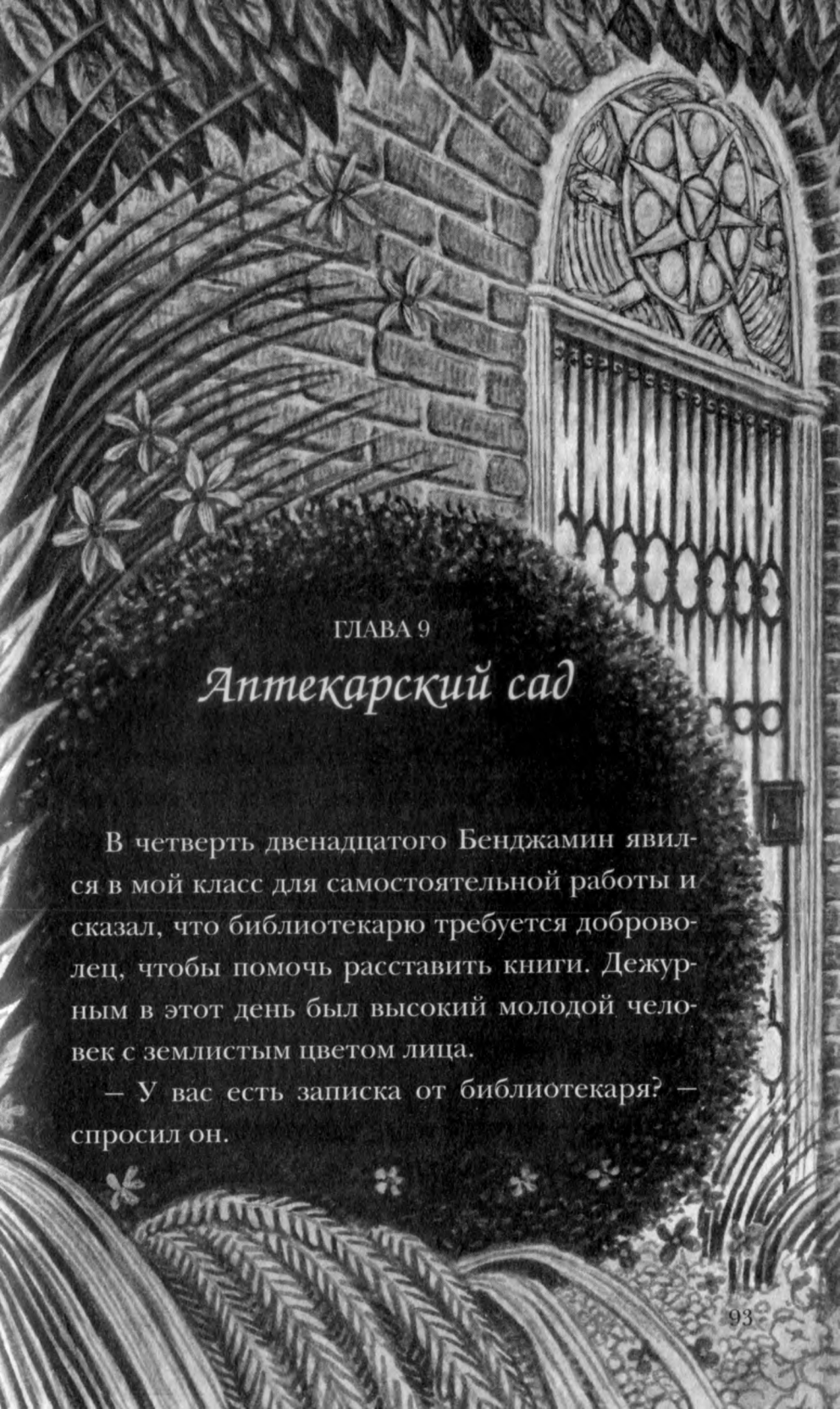
должны были похитить для того, чтобы ты стал его слушаться!

—Ты не понимаешь всей серьезности случившегося, Джейни.

—Понимаю, честное слово, — пробормотала я. — Просто я ужасно устала.

Я уронила голову на ручку дивана, чтобы минуточку передохнуть, а очнулась от того, что Бенджамин тряс меня за плечи. В комнате по-прежнему было темно, и я не сразу поняла, где нахожусь. Стряхнуть с себя сон оказалось не так-то просто.

—Символ на обложке! — горячо прошептал Бенджамин. — Я знаю, где видел его раньше!



ГЛАВА 9

Аптекарский сад

В четверть двенадцатого Бенджамин явился в мой класс для самостоятельной работы и сказал, что библиотекарю требуется доброволец, чтобы помочь расставить книги. Дежурным в этот день был высокий молодой человек с землистым цветом лица.

— У вас есть записка от библиотекаря? — спросил он.

—Наша библиотекарь погребена под грудами книг, — с сожалением сообщил Бенджамин. — Она попросила разрешения не посылать записку, хотя бы на этот раз.

Я тут же подняла руку.

—Можно мне пойти? Я хочу стать библиотекарем, когда вырасту!

Мои слова вызвали хохоток у остальных учеников, за что они были удостоены сурового взгляда дежурного.

Я знала, что он жалеет меня — забитую тихоню-новенькую, отсиживающуюся в классе во время обеда.

—Хорошо, — сказал дежурный. — Но попроси библиотекаря в следующий раз прислать мне записку.

Я поспешно собрала свои вещи, мы с Бенджамином подождали, пока коридор опустеет, и вышли из школьных дверей на лестницу. Бенджамин не знал точно, где расположен Аптекарский сад Челси, но помнил, что это где-то неподалеку от Темзы, поэтому мы пошли вдоль реки.

Теперь я знаю, что Аптекарский сад был заложен в семнадцатом веке как своего рода музей и одновременно питомник лекарственных растений. По мере расширения Британской империи ботаники и судовые врачи привозили в Челси образцы растений со всего мира. Кстати, сад до сих пор существует, так что можете туда заглянуть. Пусть Британской империи больше нет, но в самом центре Лондона живет ее зеленый призрак — Аптекарский сад, в ко-

тором по сей день цветут кусочки Индии, Китая, Африки, Австралии, Новой Зеландии и островов Тихого океана.

—В детстве я часто ходил туда с отцом, — рассказал Бенджамин. — Он собирал разные черенки, а я швырял камни в маленький прудик, который, по правде говоря, был слишком мал для этого занятия, но я не унимался до тех пор, пока садовник не делал мне замечание или я не вышибал камнем какое-нибудь стекло в оранжерее.

—А почему ты перестал туда ходить?

—Мне исполнилось десять, и я решил, что стал слишком стар для таких забав. За мной больше не нужно было присматривать, и я подумал, что хватит мне таскаться в этот дурацкий садик.

Мы отыскали высокие чугунные ворота на набережной и открыли их.

За ними пряталась маленькая каменная сторожка, но она пустовала. Сад оказался такой густой и роскошный, что липовый Шервудский лес в Ривертоне по сравнению с ним выглядел грубой балаганной подделкой из папье-маше — то есть именно тем, чем он был на самом деле. Здесь же приютилось настоящее сказочное царство зелени и тишины, как будто растения поглощали все городские звуки. Вдоль дорожек выстроились осыпанные листвой стволы высотой мне до макушки, кругом шелестели незнакомые деревья со склоненными желтыми цветами и растения, похожие на здоровенный ревень с гигантскими плоскими листьями.

—Если бы мой папа здесь работал, я бы всегда ходила с ним! — сказала я Бенджамину.

Мы шагали по тропинке, где деревья с обеих сторон переплелись кронами наверху, так что мы с Бенджамином оказались в сумерках в разгар дня. Через каждые несколько шагов сверху свисал побег, увенчанный тяжелым розовым цветком. В гуще зарослей под деревьями что-то шуршало — то ли птицы, то ли мелкие животные. В конце дорожки оказались еще одни ворота.

—Вот он! — объявил Бенджамин, и я следом за ним посмотрела на верхушку кованых чугунных створок. Там был тот же символ, что и на обложке «Фармакопеи» — точь-в-точь, со звездой и всеми кругами. Мы заглянули внутрь и увидели обнесенный стенами садик. За тропинками и клумбами виднелся маленький кирпичный домик с белым карнизом. Бенджамин подергал чугунные ворота, но они были заперты.

—Может, перелезем? — предложила я.

Но не успела я договорить, как кто-то вышел из кирпичного домика. Это оказался мужчина, судя по всему, когда-то высокий и представительный, но теперь сгорбленный годами. У него была седая борода и доброе морщинистое лицо.

Мужчина был одет в клеенчатый плащ и высокие резиновые сапоги, а в руках держал корзинку и садовые ножницы.

—Эй! — окликнул его Бенджамин. — Сэр?

Человек поднял голову, удивленный тем, что кто-то нарушил его уединение.

—Простите за беспокойство, — заговорил Бенджамин. — Мой отец — член Общества аптекарей. Я сам стипендиат этого общества и...

Пожилой человек в клеенчатом плаще внимательно посмотрел ему в лицо.

—Ваше имя Бенджамин Барроуз?

Теперь настала очередь Бенджамина удивляться.

—Да!

Старик поспешно подошел к воротам и отпер их старинным ключом.

—Входите, входите же, — заторопился он, бросив быстрый взгляд в глубину зеленого туннеля за нашими спинами. Затем он запер ворота.

Войдя в свой чистенький кирпичный домик, садовник снял клеенчатый плащ, аккуратно повесил его на крючок, а потом указал нам на стулья, стоящие вокруг стола.

—Кто эта юная леди? — с подозрением поинтересовался он.

—Это моя подруга Джейни, — представил меня Бенджамин. — Она американка.

Он сказал это так, словно заморское происхождение гарантировало мою безвредность.

—Понятно, — кивнул садовник. Затем он снова повернулся к Бенджамину. — Я помню вас маленьким мальчиком, когда вы бегали по нашему саду. Я знал близко вашего покойного дедушку. А ваш отец всегда

интересовался самыми редкими растениями. Как он поживает?

—Не знаю, — выпалил Бенджамин и посмотрел на меня, ища поддержки. Я кивнула — садовник выглядел вполне заслуживающим доверия, — и тогда Бенджамин сел за стол, а я присела рядом. Бенджамин рассказал садовнику о людях, пришедших за его отцом, и о послании, переданном через газету, оставленную на парковой скамейке.

Мне показалось, что садовник не на шутку встревожился.

—Значит, Дзинь Ло они тоже забрали?

—Кто такой Дзинь Ло?

—Китайский химик, — ответил садовник. — Твой отец переписывался с ним. Ты видел людей, которые пришли в магазин твоего отца?

—Только одного, — признался Бенджамин. — У него был шрам на лице. Но я слышал, что они говорили по-немецки.

—А твой отец... он сказал тебе что-нибудь? Или, может быть, показал что-то?

Я увидела, что Бенджамину страшно не хочется говорить о книге.

—Вообще-то... — пробормотал он.

Садовник вздохнул.

—Я знал, что мой вопрос вызовет у тебя подозрения, но, боюсь, у нас совсем мало времени. Скажи мне, ты знаешь, где «Фармакопея»?

Бенджамин снова вопросительно покосился на меня, потом вытащил книгу из своей сумки и подтолкнул ее через стол к садовнику.

Старик вытаращил глаза.

—О! — только и сказал он. Казалось, он был потрясен до глубины души, словно это была не книга, а какая-то священная реликвия. Садовник робко, с благоговением, коснулся пальцами переплета. — Я так давно не видел ее...

—Мы пришли сюда, потому что на обложке книги тот же знак, что и на воротах вашего сада, — сказал Бенджамин.

—Да, — кивнул садовник, гладя скрюченными пальцами потрепанный переплет. — Символ философской ртути. Треугольник в центре — это вода, источник жизни.

Семь малых кругов суть семь действий алхимии: прокаливание, растворение, разделение... Ты почему гримасничаешь?

—Потому что алхимики были сумасшедшими, — буркнул Бенджамин. — Глупцами, пытавшимися получить золото.

—Некоторые из них действительно пытались получить золото, — спокойно отозвался садовник. — В любом деле всегда найдутся те, кто движим жаждой обогащения. Они бросают тень на остальных. Но сэр Исаак Ньютон был алхимиком, мой мальчик. Разве ты не изучал прокаливание, растворение и разделение?

—Нет, — немного пристыженно ответил Бенджамин.

—Чему только тебя учат в школе?

—Математике, — ответил Бенджамин. — Английскому.

Садовник насупился.

—Чтобы читать романы? — с нескрываемым презрением спросил он. — И вот теперь тебе, совершенно необразованному молодому человеку, доверили «Фармакопею»!

—Я просто хочу узнать что-нибудь об этой книге, — сказал Бенджамин. — Но я не читаю ни по-гречески, ни по-латыни.

Садовник сокрушенно покачал головой.

—В ней заключены столетия секретов, которые были открыты ценой долгих жизней, посвященных исследованиям и опытам... А у нас так мало времени!

—А вы не могли бы рассказать нам хоть что-нибудь? — спросила я.

Секунду-другую садовник молча смотрел на нас, словно оценивая, потом с глубоким почтением открыл книгу, стараясь не сломать хрупкие от старости страницы.

—Ну что ж... Даже не знаю, с чего начать. Возьмем хотя бы простые растворы, скажем, «Запах правды». Он не позволяет человеку сказать неправду. Вот, видите этот символ, где солнце в зените? Это означает, что для получения раствора следует собрать растение под названием *Артемисия веритас* точно в астрономический или в истинный полдень, а это, молодые люди, совсем не одно и то же, что двенадцать дня на часах! — Садовник перевернул страницу. — А это рецепты маскирующих настоев, которые изменяют внешний вид

объектов, не меняя их сути. Вот, к примеру, «Айдос Кинек», он дает невидимость. *Айдос* означает «стыд», следовательно, настой позволяет укрыть объект покровом исключительной стыдливости, что следует понимать иронически, ибо...

—А тут что написано? — спросила я, указывая на приписку в скобках, сделанную другим почерком на полях страницы.

Садовник склонил голову и беззвучно прочитал запись на латыни.

—Здесь говорится... что если маскирующим настоем собираются воспользоваться несколько человек одновременно, то им следует оставить какую-нибудь часть тела не сокрытой, чтобы избежать... хм, полагаю, в противном случае невидимки будут сталкиваться друг с другом. Должно быть, это совет человека, лично испробовавшего действие настоя. Видите ли, эта книга — живой и развивающийся документ. Она постоянно обогащается новыми познаниями.

—А как насчет познания о том, что это все чушь собачья? — пробурчал Бенджамин. — Можно нам вписать это на полях? Люди не могут стать невидимками!

Садовник пропустил его слова мимо ушей и перевернул следующую страницу. Глаза его заблестели, когда он прочел инструкцию на латыни.

—Ага, вот и они, — пробормотал он. — Самые трудные из всех эликсиров — настои, изменяющие саму

сущность вещества. Вот это птичий эликсир, превращающий человека в птицу.

—Ну, конечно, так я и поверил, — прошипел Бенджамин.

На этот раз садовник приподнял кустистые седые брови и внимательно посмотрел на него.

—Тебе придется допустить такую возможность, Бенджамин. Лично я никогда не видел этого превращения, но слыхал, что это очень красиво.

—А когда человек превращается в птицу, он и летать может? — спросила я.

—Разумеется.

—Зачем моему отцу понадобилась книга с какими-то шарлатанскими заклинаниями? — спросил Бенджамин.

—Это не заклинания, — терпеливо сказал садовник. — Это «Фармакопея», книга лекарственных средств, по крайней мере, изначально она была таковой. Многие рецепты, записанные в этой книге, родились из древних методов лечения, открытых много столетий тому назад. Как заставить рану затянуться? Как победить болезнь, поселившуюся в теле человека? Таковы были изначальные вопросы, но в умах некоторых людей они приняли неожиданное направление, позволив вплотную приблизиться к самой сути явлений. Как пещерные рисунки первых людей привели к фрескам Сикстинской капеллы, так и ранняя медицина привела к созданию «Фармакопеи». Наш мир состоит из атомов, которые человек, обладающий необхо-

димыми познаниями, может скрыть, привести в движение или даже перегруппировать по своему усмотрению. Я удивляюсь, почему твой отец до сих пор не начал обучать тебя всему этому.

Бенджамин потупил взгляд.

—Он иногда просил меня помочь, — пробормотал он, — но у меня всегда находились другие дела. Я думал, он просто хочет заставить меня заниматься его аптекой. Ну, вы понимаете — продавать соли для ванны и бутылки для горячей воды.

Садовник с досадой махнул рукой.

—Стало бы Общество аптекарей платить тебе стипендию ради того, чтобы ты стоял за прилавком! Они рассчитывают, что ты продолжишь настоящее дело своего отца.

—Да что это за дело? — воскликнул Бенджамин. — И почему эти люди преследовали моего отца?

—Не знаю, — вздохнул садовник. — Это тебе предстоит выяснить. И как можно скорее.

—Можно расспросить мистера Шишкина, — нерешительно сказала я. — Это же он передал послание.

—Мы не знаем, можно ли ему доверять, — пробурчал Бенджамин. — И потом, с какой стати он будет что-то рассказывать незнакомым детям?

—А мы используем «Запах правды», — выпалила я. — Эликсир из этой книги!

Бенджамин и садовник уставились на меня. Я замолчала, ожидая, что они поднимут меня на смех.

—Знаете, а это не такая уж плохая идея, — после долгого молчания сказал садовник. — Вы сумеете, не вызывая подозрений, подобраться к нему поближе?

—У нас в школе учится его сын, — ответила я.

—В таком случае, стоит попробовать. — Садовник сощурил глаза и посмотрел на солнце за окном. — Дайте-ка я сверюсь с таблицей. В саду секстан нам не поможет, там все равно горизонта не видно.

Он снял с полки какую-то книгу, открыл и пробежал пальцем вниз по строчкам.

—Так-так, астрономический полдень будет... в двенадцать часов, четырнадцать минут и девять секунд, — объявил садовник. — Что ж, мы как раз успеем. — Он вывел нас наружу и подошел к солнечным часам, представлявшим собой треугольный указатель из позеленевшей от времени меди, закрепленный на невысоком каменном постаменте. Солнце светило неярко, но тень от указателя была довольно четкой и указывала примерно на полдень.

—Какая разница, когда именно собирать эту траву? — спросила я.

—В книге сказано, что лишь самый яркий дневной свет прогоняет все тени и обманы, — ответил садовник. — Весьма поэтично. Но если говорить серьезно, то это может быть связано с процессом фотосинтеза и молекулярной структурой растения *веритас*. Первые алхимики знали, что его нужно собирать в полдень, но, возможно, не до конца понимали почему. Тем не

менее в нашем саду это растение всегда сажали за солнечными часами, да вот же оно! – Садовник указал на ряды зеленых листьев, росших плотными пучками.

Мы стали терпеливо ждать, наблюдая за почти не двигавшейся тенью.

–Все это совершенно бессмысленно, – ворчал Бенджамин.

Садовник испытующе посмотрел на него, как будто оценивал способность моего друга выполнить предстоящее задание.

–Мы все испытываем странное чувство, когда сталкиваемся со своим предназначением, – сказал он. – Тебе предстоит найти своего отца. Каким бы ни был его план, ему нужна твоя помощь.

–А вы не можете пойти с нами, чтобы помочь? – спросила я.

–О, нет, – покачал головой садовник. – Я старый человек, скрюченный артритом, я буду для вас обузой и только вызову лишние подозрения. Ну вот, пора.

Он наклонился и состриг садовыми ножницами несколько листочков.

–Вот так, – сказал садовник. – Теперь как следует измельчите растение и бросьте его в кипяток, чтобы высвободить запах. Но будьте осторожны. Эти маленькие листочки могут оказаться весьма коварны для тех, кто не готов узнать правду.

ГЛАВА 10

Запах правды

Покинув Аптекарский сад, мы зашагали по набережной Челси, вооруженные листьями растения веритас и неким подобием плана — по крайней мере, мне казалось, что это план. А Бенджамин так не считал.

—Это все чушь! — бурчал он. — Заклинание невидимости! Листья, которые развязывают людям язык, если срезать их в полдень! Если бы старик назвался королем эльфов, ты бы ему тоже поверила?

—Нет, — ответила я. — Но кто знает, может быть, это растение каким-то образом воздействует на мозг, скажем, как кофе или алкоголь?

—То есть ты предлагаешь просто ворваться в дом к Шишкину и заставить его понюхать кастрюльку с вареными листьями! Ты хоть знаешь, как натренированы эти советские агенты?

—А ты знаешь? — спросила я.

—Я знаю, что нам с ним не справиться!

Не знаю, что придало мне храбрости — может быть, пребывание в чужой стране, так непохожей на мою собственную, а может быть, я просто старалась не уступать Бенджамину, которого считала смельчаком. Так или иначе, я была полна решимости использовать ту единственную возможность, которая у нас была.

—Ты же сам мечтал о жизни, полной приключений, — напомнила я. — Давай хотя бы сварим эту траву и посмотрим, действует или нет.

Бенджамин закатил глаза, но безропотно отправился со мной в нашу квартиру, где царила зловещая тишина, поскольку родители были на работе. Следуя указаниям садовника, я налила воды в кастрюлю и вскипятила измельченные листья на плите в нашей маленькой кухоньке, похожей на чулан. Бенджамин

хмуро восседал за кухонным столом, скрестив руки на груди. Вскоре листья в кипятке потемнели, а пар приобрел резкий и мятный запах. Я наклонилась над кастрюлькой, подышала несколько секунд, а потом повернулась к Бенджамину.

—Теперь ты. — Я чувствовала себя как-то странно, и голова чуть-чуть кружилась.

Бенджамин уставился на меня.

—Ты в порядке?

—Немного странное ощущение, — призналась я. — Давай, попробуй. Ты же уверен, что это все глупость и ничего не произойдет!

—И как вы предлагаете проверить действие, мадам Кюри?

—Придется задать друг другу вопросы, на которые в нормальных условиях мы бы не захотели ответить.

Бенджамин наклонился над кастрюлей и посмотрел на листья.

—Скажем, кто к кому неровно дышит?

—Сойдет, — ответила я, хотя это был самый последний вопрос, на который мне хотелось бы отвечать Бенджамину. Но вдруг оказалось, что соврать совершенно невозможно.

Бенджамин глубоко втянул в себя пар и повернулся ко мне.

—Ладно, — сказал он. — И к кому же ты неровно дышишь?

Я запнулась.

—Неровно дышать — значит влюбиться? — попробовала увильнуть я.

—Именно.

Я стиснула зубы, удерживая готовый вырваться ответ, но все-таки не смогла устоять.

—К тебе, — сокрушенно прошептала я.

—Ко мне? — Бенджамин побагровел, как свекла. Я чувствовала, что выгляжу точно так же. А еще оказалось, что когда Бенджамин краснел, у него темнели веснушки.

—Ох, это так стыдно, — прошептала я. — Просто отвратительно. А теперь быстро, пока снадобье не улетучилось, к кому ты неровно дышишь?

—Я не хочу отвечать!

—Все равно придется.

Я видела, как он борется с собой.

—Мне это тоже отвратительно! Ну и ладно! К Саре Пеннингтон!

Я была настолько потрясена, что в первый момент даже не ужаснулась, услышав не свое имя.

—Сара Пеннингтон?! — ахнула я. — Но она же противная! Она злобная и напыщенная задавака!

—Я знаю, — искренне сокрушаясь, проговорил Бенджамин. — Но она такая красивая. Я не хочу ее любить. Но что я могу поделать? Она сидит передо мной на математике, и я схожу с ума от изгиба ее шеи под косой.

—Хватит! — заорала я. — Довольно! Средство действует.

Секунду-другую мы молча сверлили друг друга сердитыми взглядами.

—Тем более что твоя Сара все равно по уши влюблена в мистера Дэнби, — выпалила я, не успев прикусить язык.

Бенджамин пришел в ужас.

—В мистера Дэнби?!

—Она говорит, что он чудный. И она права! Он умный и добрый!

Похоже, Бенджамин был ранен в самое сердце, и в комнате снова воцарилось угрюмое молчание. Я не понимала, стало мне легче от того, что я сделала ему больно или нет, поэтому скрестила руки и уставилась в окно на Сент-Джеймс-стрит. Грустный галантерейщик, как всегда, стоял перед дверью своего магазинчика, поджидая покупателей, которые никогда не придут.

—Как мы узнаем, что это варево выветрилось? — спросил Бенджамин.

—Я в тебя не влюбилась! — наугад выпалила я. — Только это неправильная проверка. Сейчас мне кажется, что это почти правда. Теперь скажи, что не влюблен в Сару Пеннингтон.

—Я не влюблен в Сару Пеннингтон.

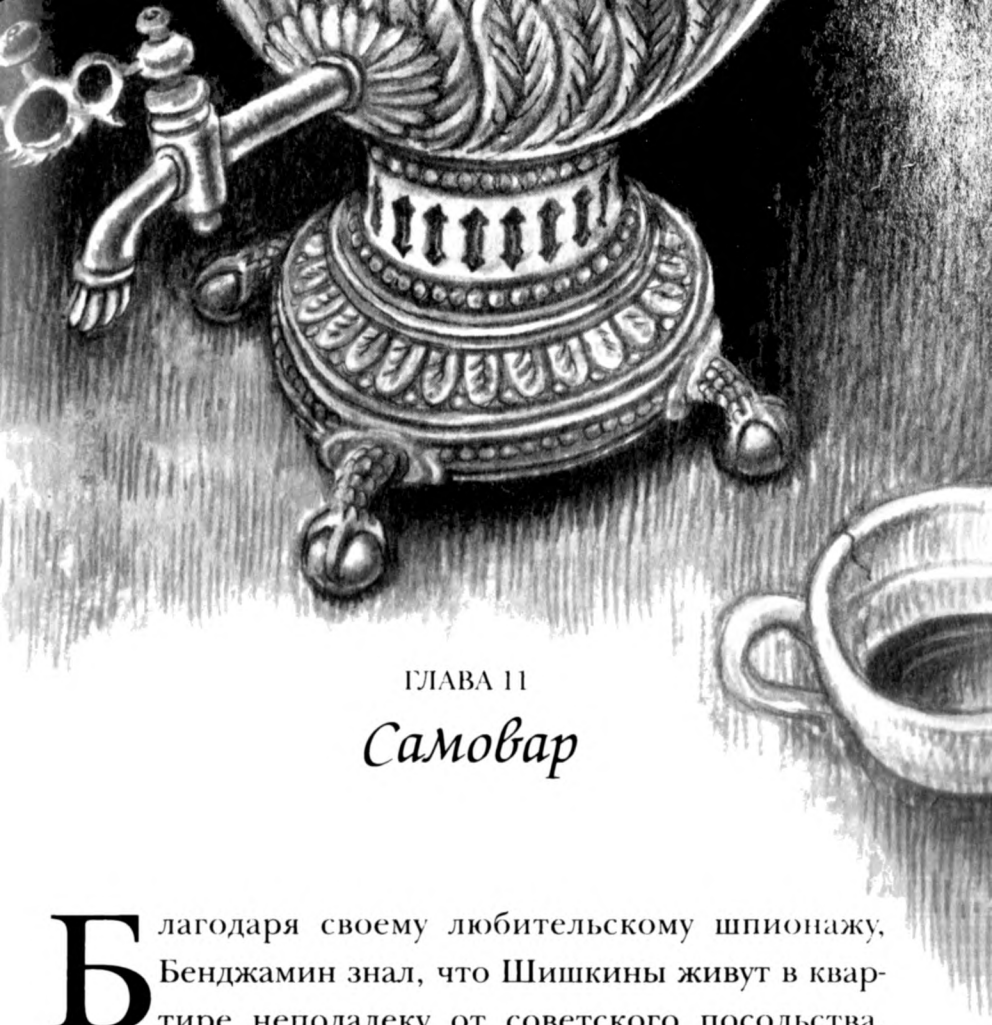
—Ну вот, — сказала я, чувствуя ноющую боль в сердце. — Значит, ты можешь соврать. Средство выдохлось.

—Давай сделаем вид, будто этого не было, — предложил Бенджамин.

—Ты все еще считаешь, что это чепуха?

Бенджамин покачал головой.

—Нет. Эликсир действует.



ГЛАВА 11

Самовар

Благодаря своему любительскому шпионажу, Бенджамин знал, что Шишкины живут в квартире неподалеку от советского посольства. День выдался холодный, поэтому мы до глаз замотались шарфами, глубоко засунули руки в карманы и молча зашагали по улицам, терзаясь стыдом из-за дурацкого эксперимента с «Запахом правды».

Подъезд Шишкиных оказался в ряду узких кирпичных домов, сомкнутых стенами друг с другом. К двери вели ступеньки.

Бенджамин остановился.

—И что дальше?

—Давай скажем, что пришли к Сергею, — предложила я. — Например, у меня есть к нему вопросы по латыни.

—Твоих познаний в латыни не хватит на то, чтобы задать вопрос!

—Значит, мы просто пришли в гости. Решили показать ему замечательный чай, который мы нашли!

—Можно подумать, это не покажется ему подозрительным!

—Слушай, мистер Супершпион, у тебя есть идея получше?

—Нет.

—Вот то-то! — огрызнулась я, а потом поднялась по ступенькам и позвонила в дверь, тоскливо думая про себя: зачем я все это делаю, он же все равно хочет быть не со мной, а с Сарой Пеннингтон!

—Стой, Джейни! — позвал Бенджамин.

—Ты идешь или нет?

Бенджамин посмотрел в обе стороны пустой улицы, словно оттуда в последний момент мог выйти какой-то замечательный план, взбежал по лестнице и остановился рядом со мной.

—Это сумасшествие! — прошипел он.

Дверь открыл Сергей. Он уже снял школьную форму и переоделся в свитер, серые шерстяные брюки и домашние тапочки. Мне показалось, что дома его широкие плечи не так заметно сутулятся, защищая кроткое сердце, как в школе. Сергей явно не ожидал увидеть нас и растерянно смахнул упавшую на глаза челку. Одиночество исходило от него, как пар от кастрюльки, и я поч-

ти поверила в то, что он согласится принять участие в любой безумной затее, которую мы ему предложим.

—Привет, Сергей, — поздоровалась я. — Мы хотели узнать, ты не занят?

—А что? — спросил он.

—Мы хотим принять участие в школьном научном конкурсе, — выпалила я. — Но нам нужен третий член команды.

—Научный конкурс? — переспросил Сергей. — Разве у нас проводят конкурс?

—Мы решили выбрать ботанику, — продолжала я, мечтая не покраснеть до ушей. — Сейчас мы исследуем свойства одного растения.

—Очень примечательного растения, — вставил Бенджамин, сделав ударение на раскатистом «р», словно это что-то проясняло. — Ты позволишь нам войти?

Сергей отошел от двери, и мы очутились в небольшой прихожей, где висели пальто, а посередине была лестница, ведущая на второй этаж. Интересно, дома ли его отец, советский агент Шишкин?

—Растение нужно заварить, как чай, — сказала я. — Можно нам воспользоваться твоей кухней?

—Вам нужен самовар?

Мы в недоумении уставились на Сергея.

—Это русский чайник, — объяснил он.

—Отлично! — воскликнул Бенджамин.

Когда Сергей привел нас на кухню, я услышала неверные шаги наверху и вспомнила о деревянной ноге мистера Шишкина. Значит, он был дома и мы сможем испробо-

вать на нем свой отвар! С первого взгляда было видно, что на кухне хозяйничали двое одиноких мужчин: тут пахло луком, и повсюду высились горы грязной посуды.

—Моя мама сейчас в России, вместе с моей сестрой, — извиняющимся тоном сказал Сергей. — Вот самовар.

Это оказалась здоровенная серебряная ваза, украшенная искусным рельефом в виде виноградных лоз и листьев, с фарфоровым чайничком наверху. Такая красота смотрелась совершенно неуместно на запущенной холостяцкой кухне.

—Это бабушкин, — пояснил Сергей. — Мы только что пили чай, так что он горячий.

—Замечательно, — сказал Бенджамин.

Наверху раздался глухой удар, потом еще один, а затем послышался осторожный стук деревянной ноги мистера Шишкина, спускавшегося по лестнице. Я изо всех сил старалась держаться как ни в чем не бывало и суетилась вовсю, но сердце у меня колотилось так, словно хотело выскочить из груди. И вот мистер Шишкин вырос в дверном проеме.

—Что это вы делаете с самоваром? — спросил он. Его русский акцент был заметнее, чем у Сергея, и вблизи мистер Шишкин оказался еще крупнее, чем мне казалось. Он целиком заполнял собой дверной проем, а кисти рук у него были как бейсбольные перчатки.

—Готовим чай, сэр, — вежливо ответил Бенджамин. — Простите за то, что пришли без приглашения.

—Вы друзья Сергея?

—Да, — сказала я.

Мистер Шишкин посмотрел на гору грязной посуды в раковине.

—Моя супруга сейчас в России, — объяснил он. — А я не слишком преуспел в ведении домашнего хозяйства.

—Пустяки, сэр, — сказал Бенджамин. — Может быть, вы с Сергеем пройдете в гостиную, чтобы мы могли провести эксперимент?

Шишкин подозрительно прищурил глаза.

—Какой еще эксперимент?

—Мы вам покажем, — объявил Бенджамин голосом волшебника, готовящегося продемонстрировать фокус. — Это наука. Прошу вас, присядьте!

Отец и сын Шишкины нехотя перешли в небольшую гостиную, выходившую окнами на улицу, а мы с Бенджамином забросили измельченные листья в фарфоровый чайничек и залили его кипятком из серебряной вазы. Из гостиной доносились голоса Шишкиных, и я услышала в потоке русской речи слова «научный конкурс».

—Думаешь, с самоваром все получится? — спросила я.

—Не знаю, — ответил Бенджамин. — Нужно куда-то перелить отвар.

Я дала ему единственную чистую чашку, висевшую на полочке с крючками, и Бенджамин наполнил ее бледно-зеленой жидкостью.

—Главное, самим не нанюхаться, — предупредила я. — А то опять начнем откровенничать!

Бенджамин взял одной рукой чашку, другой прижал к лицу кухонное полотенце и вышел в гостиную. Я отправилась следом.

—Самое замечательное свойство этого растения, — объявил Бенджамин Шишкиным через полотенце, — заключается в том, что его запах со временем изменяется. Сначала он очень резкий и бодрящий. Вот, попробуйте. — Он протянул им чашку.

Мистер Шишкин отстранился.

—Ты почему закрываешь лицо?

—Я простудился, сэр. Прошу вас, понюхайте чай прежде, чем он изменит запах.

—Сначала сам понюхай. Может быть, это опасно.

—Да я уже нюхал, — вывернулся Бенджамин.

—И заболел!

—У меня обычная зимняя простуда, чай здесь ни при чем. Я просто не хочу вас заразить.

Мистер Шишкин скрестил широченные руки на груди.

—Русские не простужаются!

Сергей что-то умоляюще сказал отцу по-русски, и тот, нехотя вздохнув, опустил руки и наклонился над паром, поднимавшимся от чашки. Мне показалось, что запах его насторожил, и Шишкин грозно уставился на Бенджамина.

—Где вы взяли это растение?

—Мы... в парке.

Мистер Шишкин вскочил со стула и бросился к Бенджамину с проворством, поразительным для

человека его комплекции, да еще с деревянной ногой.

—Чушь собачья! — закричал он по-русски. — Сейчас ты сам понюхаешь это варево, а потом снова скажешь мне, где взял растение!

Я попятилась в кухню, а Бенджамин стал отступать следом, выставив кружку перед собой, как оружие. В гневе мистер Шишкин стал казаться еще огромнее и сильнее, чем раньше.

Сергей был в ужасе.

—Оставь их, папа! — крикнул он. — Они хотят взять меня в свою научную команду!

—Никакая они не научная команда! — бушевал мистер Шишкин. Сергей забежал перед отцом и широко раскинул руки, загораживая нас с Бенджамином.

—Мы уже три года живем здесь, — взмолился он, — и за все это время друзья впервые пришли ко мне в гости, а ты их выгоняешь!

—Никакие они тебе не друзья! — рявкнул старший Шишкин, отбрасывая младшего с дороги. — Они придумали все это только для того, чтобы добраться до меня!

В страхе пятясь назад, я случайно зацепилась рукавом за серебряный кран самовара. Я попыталась его удержать, но он с грохотом рухнул на пол. Горячая заварка хлынула из опрокинувшегося чайника, и вся кухня вмиг наполнилась крепким мятным запахом распаренных листьев. Спасения больше не было.

—Где вы взяли листья? — снова спросил мистер Шишкин.

Я вновь почувствовала легкое головокружение и непреодолимое желание поскорее сказать правду. Я до боли прикусила язык, но это не помогло.

—В Аптекарском саду Челси, — выпалила я. — Нам садовник дал!

Мистер Шишкин повернулся к Бенджамину, продолжавшему прижимать к лицу полотенце.

—Это правда?

—Нет! — сдавленно отозвался Бенджамин. — Понятия не имею, о чем она говорит! Она сама не знает, что болтает.

—Это правда! — воскликнула я. — В воскресенье вы передали послание отцу Бенджамина. А потом за ним пришли какие-то мужчины. Кто они такие?

Мистер Шишкин уставился на меня. Лицо его стремительно посерело, словно вся кровь разом отхлынула от него. Он нашарил рукой радиоприемник, стоявший на кухонном столе, и прибавил звук.

—Глупые дети! — прошипел он под звуки веселой танцевальной музыки. — Вы что, думаете, нас никто не слышит?

Я знала о том, что в домах иногда устанавливают потайные микрофоны, но мне и в голову не пришло опасаться их в квартире у Шишкиных! Отец Сергея был прав: мы были глупыми детьми. Где были наши мозги, когда мы вообразили, будто сможем допросить Шишкина?

Под звуки музыки Шишкин прошипел:

—Теперь я вспомнил, где видел вас — в парке! Значит, Маркус Барроуз твой отец? Да убери ты это дурацкое полотенце!

Бенджамин опустил полотенце.

—Да.

—Кому еще вы рассказали о том, что видели его со мной?

—Только садовнику.

—Ты видел, как забрали твоего отца?

—Мы спрятались в подвале. Но слышали, что похитители говорили по-немецки.

—Ты видел человека со шрамом?

—Вообще-то это мы пришли сюда задавать вопросы! — окрысился Бенджамин.

—Ты просто не представляешь, в какой опасности находишься! — хрипло прошептал Шишкин.

—Там был человек со шрамом, — ответила я. — Кто он такой?

—Сотрудник Штази, — прорычал мистер Шишкин. — Так называется тайная полиция Восточной Германии. Но он подчиняется советской госбезопасности, МГБ. Значит, они нашли аптекаря.

Он грузно опустился на стул и уронил голову на руки. Взгляд его упал на помятый самовар, валявшийся на полу.

—Знаете, какое еще значение имеет слово «самовар» в России? — устало спросил Шишкин. — Так называют солдат, потерявших руки и ноги на войне, подорвавшись на минах и гранатах. Эти безрукие и безногие калеки похожи на такой вот самовар... В Советском Союзе их всех сослали в Сибирь, чтобы они не пугали людей своим видом, не напоминали об ужасах войны.

Мой брат был одним из них, он умер в ссылке. Сначала они забрали его тело, а потом наказали за то, что он стал калекой. Я смирился с потерей своей ноги, но не могу простить того, как они поступили с моим братом, героем войны. Когда он умер, я решил помочь твоему отцу, мальчик.

В наступившем молчании мы впитывали весь ужас этого признания. Танцевальная музыка продолжала весело заливаться.

—Помочь моему отцу в чем? – первым нарушил молчание Бенджамин. – Чего хотят от него советские спецслужбы?

Мистер Шишкин отчаянно боролся с желанием ответить, я видела, как вздулись жилы у него на шее. Из приемника грянуло оглушительное соло трубы.

—С твоим отцом работали еще двое ученых, – выдавил мистер Шишкин. – Они приехали в Лондон, чтобы участвовать в его замысле.

—И Дзинь Ло один из них?

Мистер Шишкин побагровел от усилия смолчать.

—Прошу тебя, прекрати расспрашивать меня. Поверь, я ни в коем случае не хотел подвергать риску твоего отца. Если он и Дзинь Ло попали в руки спецслужб, то мне грозит смертельная опасность как со стороны Англии, так и со стороны СССР. И вашему садовнику. И вам. Но я заклинаю вас держаться подальше от моего сына!

—Но папа, они не могут! – воскликнул Сергей. – Мы же члены одной научной команды!

—Нет никакой научной команды! — рявкнул Шишкин-старший. — Они тебе соврали!

Сергей втянул голову в плечи, но потом робко сказал:

—Тогда они могли бы стать членами нашего шахматного клуба.

—Мистер Шишкин, я должен найти своего отца, — решительно заявил Бенджамин. — Скажите нам, как это сделать, или мы не отвяжемся от Сергея! Будем целыми днями проводить научные опыты. И завтра же вступим в шахматный клуб!

Шишкин заколебался, но гремучая смесь сыворотки правды и шантажа сделала свое дело.

—Я не знаю, где твой отец, — сказал он. — Мы должны были встретиться с ним через два дня в Лондонском порту. Если он туда не придет, значит, нам всем крышка.

—Какая крышка? Что у вас за план?

Шишкин покачал головой, сунул руку в карман и вытащил крошечную капсулу.

—Цианид! — закричал Бенджамин, пытаясь схватить его за руку. — Нет!

Но Шишкин одной рукой отшвырнул его на пол. Потом зажал капсулу между зубами и разгрыз.

—Никакой это не цианид, — сказал он. — Ты начитался шпионских романов! Это средство на время сделает меня немым, только и всего. Я собирался использовать его, если мне будут грозить пытки в застенках МГБ, а не мальчишка с чайником чая!

—Скажите мне только, почему советские спецслужбы могут заинтересоваться вами!

—Я всего лишь хочу мира, — ответил Шишкин. — Просто оставьте моего мальчика в поко...

И тут у него пропал голос. Даже шепота не осталось. Он не мог произнести ни звука!

—Подождите! Мне нужно знать! — закричал Бенджамин.

Энергичный свинг закончился, и на несколько мгновений радио умолкло. Я услышала тихий плач, доносившийся из угла. Сергей сидел на мокром кухонном полу, держа на коленях помятый бабушкин самовар, и на лице у него было написано безысходное отчаяние. Его отцу угрожала смертельная опасность, он не был членом научной команды, и за три долгих года ни один друг ни разу не переступил порог его дома.

Началась новая песня.

Мистер Шишкин схватил нас с Бенджамином за шкирки, выволок в коридор, протащил мимо лестницы и вешалок с пальто. Приходилось признать, что Шишкин-старший был весьма красноречив в своем молчании, и когда он, выставив нас наружу, как два мешка с мусором, с грохотом захлопнул за нами дверь, смысл его жеста был понятен без слов.

ГЛАВА 12

Возвращение в аптекарский сад

Из всего, что мы узнали от мистера Шишкина, самым важным было то, что садовнику угрожала опасность, и мы должны были немедленно предупредить его. Когда мы добрались до Челси, Аптекарский сад был уже закрыт, а ворота заперты на замок. Бенджамин сложил ладони ковшом, чтобы я могла опереться на них ногой, и помог мне забраться на кирпичную стену. Потом я втащила его

наверх, и мы спрыгнули на траву с другой стороны стены.

Было уже совсем темно, когда мы снова очутились в зеленом коридоре со свисающими цветами, ведущем к внутреннему садику.

В темноте пышность растительности казалась зловещей, в ней не было и следа утренней весенней нежности.

Остановившись под символом философской ртути, мы заглянули через ворота в сад. В домике садовника горел свет.

—Эй! — позвал Бенджамин.

—Если он в доме, то он нас не слышит, — заметила я.

Мы перелезли и через эти ворота, спрыгнули вниз и пошли к домику. Когда мы проходили мимо солнечных часов, что-то показалось мне странным. Пригля-

девшись, я поняла, что металлическая стрелка, указывавшая время, исчезла. Ее сорвали с основания. Я дотронулась до зазубренного края позеленевшей меди.

–Как это могло случиться?

Мы, не сговариваясь, посмотрели в сторону дома. Он выглядел уютным и безобидным, где-то в глубине горел свет. Мы на цыпочках подкрались к двери, которая оказалась приоткрыта, так что виднелась узкая вертикальная полоса света.

–Постучим? – спросила я.

Бенджамин толкнул дверь, и мы одновременно вздрогнули от скрипа. В доме было тихо.

–Эй! – снова позвал Бенджамин.

Он распахнул дверь, и мы вошли внутрь.

–Мне это не нравится, – прошептала я. – Давай уйдем!

Зажженный фонарь со стеклянным отражателем стоял на стуле возле двери, как будто кто-то собрался вынести его в сад. Клеенчатый плащ садовника по-прежнему висел на крючке. Стол был педантично накрыт на одну персону: аккуратная подставка под прибор, сложенная тканевая салфетка и белая суповая тарелка, все нетронутое.

На другом конце комнаты виднелась дровяная плита со стоявшей на ней кастрюлькой. Бенджамин взял фонарь и посветил на кастрюлю. В ней недавно булькал суп, но огонь в плите уже погас, и суп затянулся пленкой у стенок.

Отходя от плиты, я запнулась ногой обо что-то, лежавшее на полу, и врезалась в Бенджамина, так что фонарь в его руке задребезжал.

Луч света упал на резиновый сапог, о который я споткнулась. Потом на второй. Я затаила дыхание, когда Бенджамин поднял фонарь повыше, осветив сначала две вытянутые на полу ноги в шерстяных брюках, затем подтяжки, надетые поверх шерстяной рубашки и, наконец, седую бороду садовника.

Крик застрял у меня в горле. На рубашке садовника темнели влажные пятна. Тут у меня перед глазами поплыли круги, вскоре заполнившие всю комнату, так что я могла смотреть только прямо перед собой. И в этом узком поле зрения я увидела сло-

манный зазубренный медный указатель от солнечных часов, торчавший из груди садовника. Я не потеряла сознание, но упала на колени рядом со стариком.

—Джейни! — воскликнул Бенджамин.

На уроках оказания первой помощи в юношеском обществе спасения на водах нас учили, что ни в коем случае нельзя самостоятельно вытаскивать предмет, глубоко вонзившийся в тело человека, поскольку раненый может истечь кровью, но мне казалось немыслимым оставить на месте эту кошмарную железку, к тому же садовник все равно был мертв. Я ухватилась за стрелку, чтобы вытащить ее, но твердая мозолистая рука вдруг схватила меня за запястье.

Я завизжала.

—Шшшш, — прошептал садовник, не выпуская моей руки. Его ладонь на ощупь напоминала шершавую кору, как будто он превратился в одно из деревьев, которые сажал всю жизнь.

—Вы живы! — воскликнула я.

—Бегите, — прошептал садовник. Голос его звучал слабо и сипло, а устремленный на меня взгляд был подернут туманом.

Бенджамин опустился на корточки рядом со мной.

—Мы позовем на помощь!

—Нет! — отрезал садовник, с усилием приподнявшись. — Нельзя... доверять... полиции.

—Почему?

Он покачал головой.

Я подумала об Аптекарском саде, лежавшем за порогом маленького домика, и о лекарственных растениях, привезенных со всего мира.

—Разве здесь нет какого-нибудь растения, которое может вам помочь? — выпалила я. — Скажите, и мы его принесем!

Садовник сжал мою руку, и я почувствовала, как он слабеет.

—*Веритас*, — с усилием проговорил он.

Веритас. Запах правды. Мы пришли рассказать ему о нем и предупредить об опасности, но опоздали.

—Мы использовали его! — торопливо сказала я. — И все получилось. Веритас поможет вам сейчас?

Садовник снова покачал головой.

—Нет. — Каждый вздох давался ему с трудом, белые брови сошлись вместе, устало хмурясь.

—Помните... — зашептал он. — Вы должны... допустить возможность...

Затем его пальцы, судорожно сведенные на моей руке, разжались, и тело пугающе застыло.

—Подождите! — пролепетала я, неуклюже шаря под его колючей бородой в поисках пульса. Кожа на шее у старика была дряблой и неподвижной, и я не почувствовала никаких толчков крови, только

мое собственное сердце испуганно колотилось в груди.

—Он умер? — спросил Бенджамин.

—Кажется, да.

—Нужно уносить отсюда ноги.

—Я не могу пошевелиться.

—Ты должна. Тот, кто его убил, может вернуться.

Бенджамин рывком поднял меня на ноги и потащил за руку мимо накрытого стола, за который никогда уже не сядет садовник, к выходу. Мы миновали изуродованные солнечные часы и аккуратные зеленые грядки *Артемисии веритас.*

—Постой! — сказала я и потянула Бенджамина обратно. Я вдруг поняла, что садовник не стал бы тратить последние силы на то, чтобы спросить, сработал ли «Запах правды». — Он пытался что-то сказать нам про это растение!

Я опустилась на колени возле грядки с широколиственными растениями, но ничего не увидела, поэтому стала ощупывать руками кустики и землю под ними, пока не наткнулась на что-то твердое и гладкое. Это оказалась маленькая бутылочка, к которой бечевкой был примотан сложенный листок бумаги.

—Он оставил нам что-то! — сказала я.

—Забирай, — заторопил Бенджамин. — Идем.

Я положила бутылочку в карман, и мы перелезли через ограду внутреннего садика. Зловещие де-

ревья колыхались и тянули к нам ветки, когда мы бежали к воротам сада. Очутившись с другой стороны, на улице, я почувствовала, что у меня колет в боку от бега. Я сползла вниз по каменной стене и заплакала.

—Это из-за нас они его убили, — прошептала я. — За то, что он помог нам.

—Вставай, — сказал Бенджамин. — Мы этого не знаем.

—Это правда! В доме у Шишкина были жучки, а я сказала там про садовника! Какая же глупость!

—Нам надо идти.

—Нужно сообщить в полицию!

—Полиции нельзя доверять.

—Тогда нужно рассказать моим родителям.

—Нет, нет и нет, — отрезал Бенджамин. — Здесь произошло убийство. Твои родители непременно обратятся в полицию. А мы не можем этого допустить.

—Но может, так и нужно сделать! Убийство... Бенджамин, это же я во всем виновата!

—Вот, — сказал он, вытаскивая носовой платок из кармана пиджака. — Держи.

Платок был белый, отлично отутюженный и сложенный в идеальный квадратик. Должно быть, его гладил отец Бенджамина, добрый, аккуратный и педантичный аптекарь. Он всегда знал, что нужно делать.

Я вытерла нос и убрала платок в свой карман, где нащупала твердый пузырек.

—А с бутылочкой что будем делать? — спросила я.

—Сначала нам нужно очутиться в безопасности, — решил Бенджамин.

ГЛАВА 13

Письмо садовника

Честно говоря, в данных обстоятельствах я бы не назвала нашу квартиру безопасной, но возвращаться домой все равно нужно было. Как и следовало ожидать, мои родители рвали и метали.

—Итак, моя дочь запросто заявляется домой в десять часов вечера? — с порога рявкнул отец.

—А сейчас десять? — переспросила я. Мне и в голову не приходило, что уже так поздно.

—Ты хоть понимаешь, как мы волновались? — спросила мама.

–Кажется, да.

–Где ты была в такой час?

В результате долгих споров по дороге домой мы с Бенджамином договорились не рассказывать моим родителям об убийстве.

И садовник, и аптекарь предупреждали нас, чтобы мы не доверяли полиции. Но мои родители непременно заметили бы, что я заплакана и чем-то расстроена, поэтому все равно пришлось бы им что-то сказать.

–Это длинная история, – пробормотала я.

–Значит, начни с самого начала, – велел папа. – И я хочу знать правду! – Он ткнул пальцем в Бенджамина. – Это правда, что твоя мать погибла во время войны?

–Да, сэр, – ответил Бенджамин.

–Хорошо, похоже, ты не врешь. Значит, с этого и начнем. Твой отец в самом деле отправился проведать заболевшую тетушку?

–Нет.

–Так я и знал! И где же он?

–Я не знаю.

–В таком случае, нам придется обратиться в полицию, – сказала мама.

–Нет! – воскликнул Бенджамин. – Мы не можем доверять полиции!

–Ты сделал что-то плохое?

–Нет, – ответил Бенджамин.

–В таком случае, почему ты не доверяешь полиции?

–Просто не доверяю и все.

—Ты тоже не доверял федеральным маршалам! — напомнила я отцу. — Хотя ты тоже не сделал ничего плохого.

—Это другое дело!

—Откуда ты знаешь? — спросила я. Папа терпеть не мог, когда люди выносили безапелляционные суждения о чужих поступках, так с какой стати я должна была позволять ему делать то же самое?

Папа смешался.

—Ниоткуда, — признал он. — Так расскажите мне! Где вы были?

—У приятеля, работали над научным проектом, — ответил Бенджамин.

—Только... мы там устроили небольшой беспорядок, и отец нашего друга на нас рассердился.

Строго говоря, это была почти правда.

—Значит, вы убирали беспорядок, не подумав даже позвонить нам, но что было потом? — не унимался мой папа.

—Это все, — сказал Бенджамин. — Это заняло много времени.

—Как зовут вашего друга?

Бенджамин замялся.

—Стивен Смит.

—Ты врешь, Бред, — отрезал папа. — Я слишком долго работаю в шоу-бизнесе, чтобы видеть, когда мне врут!

—Я не могу назвать вам его имя, сэр, — с упрямым достоинством ответил Бенджамин. Мы пообещали мис-

теру Шишкину оставить их с Сергеем в покое, и Бенджамин был полон решимости сдержать слово.

—В таком случае я попрошу тебя покинуть мой дом!

—Но ему некуда идти! — крикнула я. — Позволь ему остаться хотя бы на эту ночь!

—Если он скажет мне правду, я обдумаю этот вопрос.

—Он не может! Он дал слово!

—Кому? — спросил папа. — Я жду.

Но Бенджамин молчал, упрямо набычившись.

—Вон отсюда, Бред, — отрезал мой папа. — Немедленно. А ты, Джейни, марш в постель!

Я умоляла родителей передумать, но они были непреклонны, и я отправилась в кровать, чувствуя себя беспомощной и беспредельно несчастной. Садовник был мертв, Бенджамин оказался на улице, подвергаясь смертельной опасности, а я ничего не могла поделать!

Дрожа от бешенства, я писала в дневнике, что мои родители вообще ничего не понимают — и не в состоянии понять! — когда вдруг услышала стук в окно. Я приподняла оконную створку, и Бенджамин, со своей неизменной кожаной торбой через плечо, забрался на подоконник, снял ботинки и бесшумно спрыгнул на пол.

—Как ты сюда попал? — шепотом спросила я. Это было настолько удивительно, что я даже забыла всполошиться из-за того, что он увидит меня в ночной ру-

башке. Впрочем, это была длинная байковая рубашка дочери Оливии Вольф, которая могла соперничать откровенностью с монашеским облачением.

—Залез на дерево, которое у вас под окном.

—Если мои родители тебя застукают...

—Не застукают. Я уйду рано утром.

Я попыталась представить возможные варианты и грозящие последствия, но какие у меня могли быть возражения? Бенджамину, в самом деле, некуда было идти.

Он осторожно снял свою сумку и вдруг заметил на столе мой открытый дневник.

—Ты ведешь дневник?

Я поспешно закрыла его и спрятала под подушку.

—Время от времени.

—Ты ведь ничего не писала в нем о «Фармакопее» и садовнике?

—Н-нет. — Это была почти правда. — По крайней мере, не так, чтобы посторонний мог понять, о чем речь.

—Ты хоть представляешь, что будет, если кто-то найдет твой дневник и все-таки поймет, о чем там речь?

—Никто ничего не поймет, — отрезала я. Глаза у меня налились слезами. — Ох, Бенджамин... садовник...

—Мы должны крепиться, — сказал он. — Не плачь!

Я смахнула слезы.

—Где ты будешь спать?

Моя кровать была слишком узкой, но даже будь она пошире, у меня не хватило бы духу и подумать о том, чтобы разделить ее с Бенджамином.

—На полу.

Я дала ему одно из своих шерстяных одеял, и Бенджамин устроился на полу, приспособив свою кожаную сумку вместо подушки. Он растянулся на спине, закинув руки за голову.

—Почему твой отец называет меня Бред? — спросил он.

Я забралась в свою кровать, укрылась единственным оставшимся одеялом и попыталась не думать о садовнике.

—Потому что он считает себя шутником.

—Но Бред-то тут при чем?

—Понимаешь, когда я сказала родителям, что иду играть в шахматы с тобой, мама стала подшучивать надо мной, будто у меня появился мальчик. А еще одна знакомая в шутку сказала, что это бред ее воображения. Только и всего, но моим родителям и этого достаточно.

Бенджамин помолчал, глядя в потолок.

—Здорово, что они с тобой шутят, — сказал он наконец. — Мой папа всегда такой серьезный! Я иногда думаю, каким бы он был, если бы мама осталась жива. Мог бы он быть... ну, не знаю. Таким, как твои родители. Способным шутить.

Я просто не могла себе представить своих родителей неспособными шутить — ни один день не обходился без их шуточек. Поэтому я промолчала, не зная, что сказать.

—А что в твоем дневнике говорится обо мне? — спросил Бенджамин.

—Что я не могу поверить, как мои родители могли выгнать тебя ночью на холод.

—И все?

—И что ты воображаешь, когда играешь в шахматы.

—Я воображаю? Это гнусная клевета!

—Правда — лучшая защита, — ответила я. Честно говоря, я не очень понимала, что это означает, но папа часто так говорил, пока за ним не стали следить федеральные маршалы.

Бенджамин улыбнулся. И тут раздался стук в дверь моей спальни, и мы оба замерли.

—Под кровать! — прошептала я, и Бенджамин бесшумно закатился туда, утащив за собой торбу и одеяло. Я вытащила из-под подушки дневник и положила его на колено.

—Да? — мрачно отозвалась я.

Папа открыл дверь и заглянул внутрь.

—Гаси свет!

—Я еще не дописала!

—Тебе нужно спать.

—Бенджамину тоже, но ты выставил его ночью на улицу!

Я пыталась вести себя так, словно Бенджамина не было под кроватью, но при этом отбить у папы всякое желание входить в мою комнату и обсуждать вечернее происшествие. Это была игра, и я ее проиграла: папа вздохнул, подошел к моей кровати и сел. Скрипнули металлические пружины. Я затаила дыхание, надеясь, что он не расплющил Бенджамина.

—Джейни, — сказал папа. — Я понимаю, что ты огорчилась. Но мы с мамой просто заботимся о твоей безопасности. Бенджамин производит впечатление очень находчивого мальчика. Думаю, сейчас он уже дома, с ним все в порядке и он в безопасности.

Я хотела сказать ему, что дома у Бенджамина совсем не безопасно, но благоразумно решила не сокращать имеющиеся у меня возможности.

—Возможно, — буркнула я.

—Он ведь тебе нравится, правда?

—Па-па, — сказала я, думая о Бенджамине, лежавшем под моей кроватью. Вообще-то я уже призналась ему в своих чувствах, но мне казалось, что мы можем забыть об этом эпизоде, отнеся его к неприятностям, приключившимся от «Запаха правды». И я совершенно не собиралась возвращаться к этой теме!

—Все нормально, мне-то ты можешь признаться, — сказал папа.

Я промолчала.

—Он хороший мальчик, этот Бред, — продолжал папа. — Правда, немного заносчивый.

Мне показалось, будто из-под кровати донесся какой-то звук. Я поспешно поерзала, так что пружины заскрипели.

—И не такой ответственный, как мне бы хотелось. Мы с мамой до смерти перепугались сегодня вечером. Мы решили, что с тобой случилось что-то ужасное!

—Я знаю, — кивнула я. — Но ведь ничего не случилось.

Я вспомнила о садовнике, лежавшем в луже крови на потертом полу, и впервые задумалась о том, не оставили ли мы там следы своих ботинок или отпечатки пальцев.

—Самое смешное, что мы с нетерпением ждали, когда ты придешь домой, чтобы сообщить тебе потрясающую новость! Оливия хочет отправить нас на несколько дней на натурные съемки, и ты представляешь куда? В настоящий замок! И мы с мамой приготовились сказать тебе, что считаем тебя очень ответственной девочкой. Но ты не явилась домой, чтобы выслушать наши слова. Потом стало поздно, и очень поздно, и мы разозлились не на шутку. А теперь я думаю, что нам придется взять тебя с собой.

Я молча уставилась на него.

—У меня уроки.

—Всего на несколько дней!

—Я и так ужасно отстала!

Мне не хотелось оставлять Бенджамина одного искать своего отца, и я лихорадочно придумывала любые отговорки.

—Джейни, но это же настоящий замок! — удивился папа.

—Я понимаю! — Еще недавно я была бы на седьмом небе от счастья, если бы мне предложили прогулять школу и отправиться на съемки в замок, но сейчас это было совершенно немыслимо. — И что вы собирались мне предложить, когда считали меня очень ответственной? — подозрительно спросила я.

Папа нахмурился.

—Мы хотели сказать, что наша хозяйка, миссис Пэрриш, согласилась присмотреть за тобой в наше отсутствие.

—Замечательно! — вырвалось у меня.

—Но, Джейни, сегодня ты пришла домой в десять часов вечера. Ты не можешь проделывать такие номера с миссис Пэрриш!

—Я не буду, честное слово!

В тот момент я еще не знала, насколько правдивым окажется мое обещание.

Но папа покачал головой.

—Мы решили сказать Оливии, что не сможем поехать, но ведь мы только начали работать на нее! — Он помолчал, глядя на свои руки. — Мы не хотим пугать или расстраивать тебя, Джейни, но нам очень нужна эта работа.

—Я понимаю, — кивнула я. — Простите, что я была «настоящей отравой», когда мы уезжали из Лос-Анджелеса. И простите, что так поздно пришла сегодня. Но с миссис Пэрриш я все время буду приходить вовремя, так что все будет в порядке. Честное слово. Вы спокойно можете ехать!

Папа еще немного посидел у меня на кровати, раздумывая. Потом покачал головой.

—Просто не представляю, что еще нам остается, — вздохнул он. — Ты нас очень сильно перепугала. Мы так рассердились, потому что любим тебя и беспокоимся! Ты хоть понимаешь это?

—Конечно! Я вас тоже люблю.

—Тогда гаси свет, договорились?

Когда дверь за папой закрылась, Бенджамин выкатился из-под кровати.

—Заносчивый, значит? — прошипел он.

—Зато хороший, — прошептала я в ответ.

—Но безответственный!

—Вообще-то мы в самом деле пришли очень поздно, — сказала я. — А ты ничего ему не рассказал!

—Ну да, конечно! Считаешь, мне надо было честно сказать твоему папе, что какие-то люди похитили моего отца и зарезали садовника стрелкой от солнечных часов?

—Нет, — еле слышно прошептала я.

Мы помолчали. Потом Бенджамин сказал:

—Значит, ты собираешься остаться в Лондоне?

Я покосилась на него: рад он или нет? Правильно ли я сделала, торгуясь с отцом, чтобы остаться?

—Да, — осторожно ответила я.

Бенджамин не посмотрел мне в глаза и никак не проявил своих чувств.

—Что нам оставил садовник? — спросил он.

Записка! Я совершенно забыла про нее! Мое пальто висело на спинке кровати, и я поспешно вытащила из кармана бутылочку коричневого стекла. К ее горлышку куском бечевки была примотана записка.

Я развернула кусочек бумаги и расправила его на кровати. Бенджамин сел рядом со мной, так что наши

руки соприкоснулись, и я не сразу смогла сосредоточиться, но потом забыла обо всем, кроме письма.

Дети!

После долгих размышлений я понял, что моя жизнь в опасности. Сейчас, когда я пишу это письмо, по саду прогуливается человек со шрамом.

Я спрячу это письмо на грядке с единственным растением, полезные свойства которого вам известны. Если вы вернетесь в сад в мое отсутствие, то, может быть, пойдете туда. В любом случае, я не сумел придумать другого способа незаметно оставить вам сообщение.

Вы непременно должны как можно скорее разыскать отца Бенджамина. Пусть я не знаю, что он задумал, но уверен: это доброе дело. Я долго размышлял, чем могу вам помочь, учитывая, что времени у меня осталось немного.

В конце концов, я остановился на преобразующем эликсире, в существовании которого вы усомнились, и взял на себя смелость приготовить для вас небольшую порцию, следуя указаниям вашей замечательной книги.

Признаюсь, у меня было искушение воспользоваться им самому, чтобы спастись, но я уже стар, и мне некуда идти.

Мне не выжить за пределами своего сада. Прошу вас, отнеситесь к этому эликсиру с подобающим уважением — не используйте его для ребяческих забав, подойдите к превращению с той ответственностью, с которой отец Бенджамина всегда выполнял свою работу. Уверен, что это лучший способ разыскать его.

Молю Бога, чтобы вам не пришлось найти мое послание при трагических обстоятельствах. Я всей душой хотел бы лично передать его вам. Но у меня нет надежды на это. Желаю вам удачи во всем!

Ваш друг.

Дочитав письмо, я взяла в руки бутылочку.

—Преобразующий эликсир, — прошептала я. — Это то самое птичье снадобье!

—Ну вот, счастье привалило, — процедил Бенджамин. — Самый идиотский рецепт из всей книги!

—Не веришь, что подействует?

—Нет, — отрезал Бенджамин. — Если бы этот птичий эликсир действовал, садовник сам бы выпил его и улетел.

—Куда бы он улетел? Он же сам написал, что ему некуда идти.

—Это просто невозможно, Джейни. Превращение в птицу — это тебе не сыворотка правды! Существуют законы физики — закон сохранения массы, в конце концов! Ты хоть понимаешь, что мы должны превратиться в птицу того же размера и веса, что мы сами? И что это может быть за чудище? Разве что малютка-страус. И много от него будет проку?

—А если не страус, а гигантский кондор? — предположила я.

—Который, разумеется, не привлечет к себе внимания в центре Лондона! — Бенджамин протянул руку к

бутылочке. – Ладно, давай попробуем прямо сейчас, и ты убедишься!

Но я отдернула руку с бутылочкой.

–Садовник специально написал, что это не игрушка! – напомнила я. – Лучше представь, как будет здорово, если эликсир подействует и мы превратимся в птиц!

–Ну да, ну да, – хмыкнул Бенджамин.

Да уж, в это было невозможно поверить. Усталость долгого дня наконец взяла свое, и я зевнула так широко, что чуть не вывернулась наизнанку.

–Как ты собираешься выбраться отсюда утром?

–Так же, как забрался, – ответил Бенджамин и, повернувшись на другой бок, натянул одеяло до подбородка.

Протянув руку, я выключила свет, и мы немного полежали в темноте. В голове у меня стали последовательно прокручиваться все события сегодняшнего дня: от перевернутого лица человека со шрамом до того, как Шишкин-старший сердито включил радио. Потом я вспомнила холодную неподатливость шеи садовника под моими пальцами, гнев родителей, их предстоящий отъезд и свои сложные чувства из-за того, что мне приходится столько от них скрывать. И наконец мои мысли вернулись к Бенджамину Барроузу, лежавшему на полу в моей спальне. Судя по его дыханию, он еще не спал.

–Бенджамин? – шепотом позвала я.

–Да?

—Что будем делать завтра?

—Не знаю.

—Знаешь, я не привыкла, чтобы кто-то спал у меня на полу.

—Разве у себя в Голливуде вы с девочками не устраивали ночевки друг у друга?

—Устраивали, конечно, только там никто не спал! — сказала я. — И потом, ты не очень-то похож на девочку.

—Приму это за комплимент. Все-таки лучше, чем «заносчивый мальчик»!

—Он еще сказал, что ты «находчивый», — напомнила я.

—Это мне нравится. Слушай, Джейни...

—Что?

—Я рад, что ты остаешься в Лондоне.

Я улыбнулась в темный потолок и прошептала:

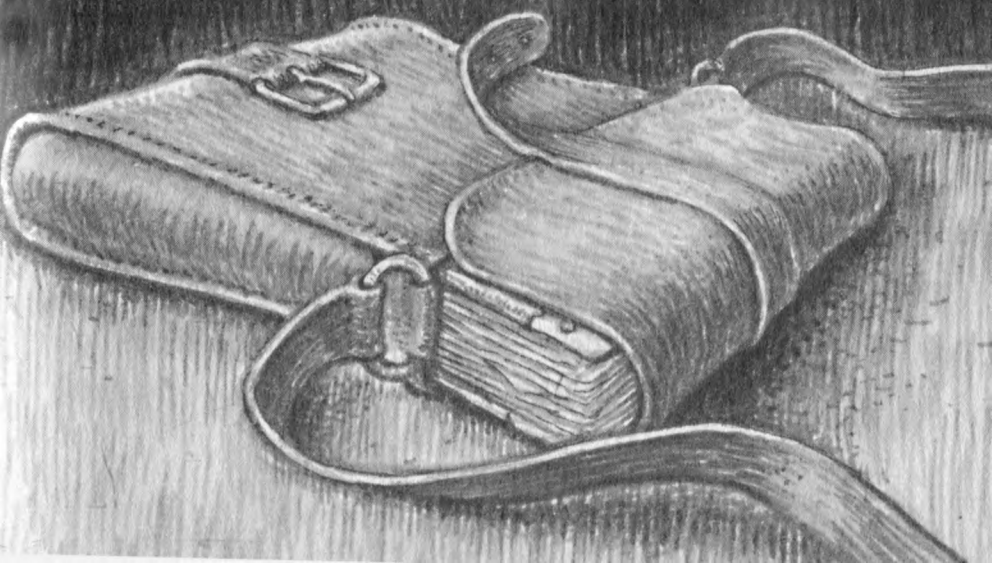
—Спасибо. Я тоже рада.

Я еще немного поулыбалась, как дурочка, а потом полежала в темноте, слушая ровное дыхание Бенджамина и пытаясь сосредоточиться на наших проблемах, чтобы мой мозг мог хорошенько подумать над ними во сне. Этому фокусу меня научила мама, но до сих пор мне ни разу не доводилось сталкиваться с такими серьезными неприятностями. Постепенно усталость сморила меня, и я уснула.

ГЛАВА 14

Скотленд-Ярд

Когда я проснулась, Бенджамин уже исчез. Записка, оставленная на подоконнике, сообщала, что он будет ждать меня в школе. Когда я завтракала, почтальон принес мне школьную форму, завернутую в коричневую бумагу. Я переоделась и критически осмотрела в зеркале ванной комнаты свое отражение в жесткой плиссированной юбке, белой блузке на пуговицах и темно-синем пиджаке. На каждой вещи имелся маленький ярлычок с надписью: «Предмет необходимости».



—Что это значит? — спросила я папу, показывая ему ярлычок.

—Должно быть, это имеет какое-то отношение к нормированию товаров, — ответил он. — Школьная форма выпускается по государственному заказу, а значит, никаких рюшечек-финтифлюшечек, никакого лишнего расхода ткани.

Юбка оказалась мне велика, поэтому мама дала мне английскую булавку, чтобы забрать пояс.

—Если бы они действительно хотели сэкономить ткань, то прислали бы нам форму нужного размера, — заметила она. — И отказались бы от складок на юбке!

—Школьная форма не может быть без складок, — ответил папа.

Мама улыбнулась ему.

—Это записано в Великой хартии вольностей? — спросила она.

—Разумеется, — важно ответил папа. — «Ни одной школьнице да не будет позволено посещать учебное заведение без...» — он запнулся, задумавшись.

—«Надлежащего числа складок овечьей шерсти вокруг нижних конечностей», — мгновенно подсказала мама.

—«По закону страны», — подытожил папа.

Мама рассмеялась, я тоже. Рядом с родителями все снова казалось нормальным, и я была благодарна им за это. Потом мама взяла меня за руку и посерьезнела.

—Джейни, — напомнила она. — Ты будешь каждое утро и каждый вечер заглядывать к миссис Пэрриш. И с тобой ничего не случится, правда?

—Конечно! — ответила я. — Ведь теперь у меня есть надлежащее число складок из овечьей шерсти. Что же со мной может случиться?

Мы спустились вниз переговорить с миссис Пэрриш, которая с радостью согласилась на наше предложение и крепко обняла меня напоследок. От нее пахло чем-то необычным — сначала мне показалось, что сосновыми иголками, возможно, хвойной отдушкой какого-то незнакомого английского чистящего средства.

Но когда миссис Пэрриш нетвердо пошатнулась, я поняла, что от нее пахло джином. В восемь утра. Мне не хотелось тревожить родителей, дожидавшихся меня в коридоре, поэтому я ничего не сказала и аккуратно закрыла за собой дверь.

Бенджамин не попадался мне на глаза в школьных коридорах, и на переменах я бродила одна. Теперь, когда я была в форме, никто не обращал на меня внимания. Плиссированная юбка с пиджаком оказались отличной маскировкой, и я начала думать, что если могу выглядеть, как обычная школьница, то, может быть, сумею и стать ею?

На уроке латыни у мистера Дэнби я незаметно шмыгнула на свое место. Сара Пеннингтон величаво вплыла в класс и села передо мной. Я обратила внимание, что у мальчика, сидевшего рядом со мной, рукава школьного пиджака закатаны до локтей, а на ярлыке были тщательно замазаны первые четыре буквы второго слова, так что получалась смешная надпись «предмет ходимости».

Сергея Шишкина не было за партой, но я сказала себе, что он, наверное, просто опаздывает. Я запретила себе представлять, как человек со шрамом прокрадывается на кухню Шишкиных и достает нож. Нет, все-таки мы должны рассказать Шишкиным о том, что случилось с садовником и предупредить об опасности!

На классной доске появились новые цитаты из Горация. Прыщавый мальчик с писклявым ломающимся голосом стал читать вслух абзац, и я так переживала за него, что почти забыла о грозящей нам всем опасности. Пока мальчик блеял и запинался, я рассматривала изгиб шеи Сары Пеннингтон под косой. Да, действительно, кожа у Сары была нежная и молочно-белая. И золотистые прядки волос, выбившиеся из косы, очень мило завивались над ее маленькими круглыми ушками. И все-таки это была самая обычная шея – было бы от чего сходить с ума!

Наконец прозвенел звонок, и ученики потянулись к выходу.

Сара Пеннингтон, проходя мимо доски, ослепила мистера Дэнби тысячеваттной улыбкой.

–Спасибо за урок, мистер Дэнби, – пропела она.

Он рассеянно кивнул:

–Спасибо, мисс Пеннингтон. – Потом мистер Дэнби повернулся ко мне: – Мисс Скотт, я принес вам книги.

Он протянул мне два томика в бумажных переплетах: «Портрет леди» и «Дэйзи Миллер», обе Генри Джеймса. Трудно было представить что-нибудь более далекое от моих проблем, чем девушки в белых плать-

ях, изображенные на обложках. И все-таки я была тронута заботой мистера Дэнби.

—Спасибо, — сказала я, чувствуя, что краснею. Сара Пеннингтон смерила меня возмущенным взглядом и прошла мимо.

У мистера Дэнби были особенные глаза, неизменно смотревшие с подкупающей добротой. В их глубине таилась боль. Если бы он не был героем войны, то мог бы стать кинозвездой. А в Голливуде он мог бы запросто быть и тем, и другим. Сразу после демобилизации продюсеры срисовали бы его в какой-нибудь закусочной, и не успел бы наш мистер Дэнби опомниться, как его бы уже женили на какой-нибудь старлетке для рекламы. Было что-то английское в том, что он работал обычным школьным учителем латыни. Внезапно я поняла, что мы остались совсем одни.

—Ну как, Лондон еще не перестал наводить на вас ужас? — спросил мистер Дэнби, стирая с доски.

Я вспомнила мертвого садовника и до смерти испуганного аптекаря, но поспешила отогнать от себя эти картины.

—В школе все нормально, — ответила я.

—А во всем остальном?

—Все... замечательно.

—Просто не знаю, чем могу вам помочь.

Мне вдруг пришло в голову, что если бы я не рассказала Бенджамину о влюбленности Сары Пеннингтон, он бы, наверное, согласился обратиться за помощью к мистеру Дэнби.

А влюбленность Сары Пеннингтон не имела никакого значения! Мистер Дэнби был добрым и умным, как садовник, кроме того, он казался человеком бывалым. Шутка ли, его немцы сбили в воздушном бою, ему ли не знать, что такое опасность? И еще мистер Дэнби был, что называется, знаком с системой, он знал Англию так, как не могли знать мои родители.

Я набрала в легкие побольше воздуха.

—Видите ли, — выпалила я. — Есть одна книга...

Мистер Дэнби замер с тряпкой в руке и удивленно посмотрел на меня.

—Да? — спросил он.

—Очень редкая книга, и одни люди охотятся за ней.

—Что за люди?

—Я точно не знаю.

—А чья это книга?

—Отца моего друга. Но отец передал книгу ему и попросил сохранить.

—А где находится отец вашего друга?

—Мы думаем, что его могли похитить.

Мистер Дэнби не на шутку встревожился.

—Похитили? Вы обращались в Скотленд-Ярд?

—Нет. — Тут я завязла. — Мы... то есть мой друг... он не уверен, что полиция поймет.

—Мисс Скотт, видите ли... вы должны обратиться в полицию. Ваш друг сделал что-то противозаконное?

—Нет! — воскликнула я. — Просто нам кажется, что кто-то может охотиться за этой редкой книгой.

—Что это за книга? — прямо спросил мистер Дэнби.

—Она большей частью написана на латыни. И немного на греческом. Поэтому я подумала, что вы сможете помочь нам разобраться в ней. Но мой друг не хочет никому показывать эту книгу.

—Я понимаю.

—Может быть, мне удастся убедить его. Если, конечно, вы захотите нам помочь.

—Разумеется, я к вашим услугам, — ответил мистер Дэнби. — Но я все же считаю, что вам следует обратиться в полицию. Боже мой, мисс Скотт! Я-то думал, ваши проблемы исчерпываются хитросплетениями писаных и неписаных правил Сент-Бедена! Но теперь оказывается, что все намного серьезнее...

Когда я за обедом рассказала Бенджамину о нашем новом союзнике, он пришел в ярость.

—Что ты наделала? — прошипел он.

—Я не сказала ему ничего конкретного, — ответила я, слегка опешив от его гнева. — Просто мне кажется, он может нам помочь. — Мы сидели одни за пустым столом, и Бенджамин не сводил глаз со служительницы.

—Мы же договорились никому не рассказывать!

—Твой отец этого не говорил! Он только попросил тебя сберечь «Фармакопею» от людей, которые будут за ней охотиться. Но чтобы сделать это, нам потребу-

ется помощь. Неужели ты не видишь, что мы по горло увязли в проблемах?

Бенджамин мрачно уставился на свой поднос с едой, но промолчал. И тут раздался хорошо знакомый, громкий и протяжный звонок.

—Учебная воздушная тревога! — закричала служительница. — Все под столы!

—Опять? — спросила я, оглядываясь вокруг. Ученики с грохотом отодвигали свои скамейки.

—Все это такая тупость! — процедил Бенджамин, воинственно расправляя плечи под звук сирены.

—Еще какая, — согласилась я. — Но мне не кажется, что сейчас неподходящее время устраивать сцену, рискуя в наказание остаться в школе после уроков. Вдруг они захотят позвонить и пожаловаться твоему отцу?

—Это чушь!

—Ты как знаешь, а я лезу под стол.

—Ядерный взрыв кремировал бы нас заживо, — упрямо сказал Бенджамин. — Мгновенно. Сейчас от нас осталась бы горстка пепла.

—Я знаю, — кивнула я. — Горстка пепла. Прямо сейчас. — И я юркнула под стол.

Бенджамин остался сидеть, и я увидела приближающиеся к нему лодыжки служительницы в толстых белых чулках.

—Бенджамин! — прогремела она. — Вы хотите, чтобы я послала вас к директору?

Я услышала тяжелый вздох, и Бенджамин, отодвинув скамейку, забрался под стол.

—Благодарю вас, мистер Барроуз, — сказала разносчица, и ее белоснежные щиколотки стали удаляться.

Бенджамин скрючился в нескольких дюймах от меня.

—Довольна? — прошипел он.

—Да, — ответила я. — Это было мудро.

Когда тревога закончилась, мы выбрались из-под стола. Сара Пеннингтон о чем-то хихикала со своими подружками. Остальные ученики, смеясь и переговариваясь, тоже покидали свои убежища.

И тут я заметила возле двери в столовую полицейского в форме и человека в коричневом костюме. Они о чем-то беседовали со служительницей. Затем она обернулась и указала на нас с Бенджамином, после чего мужчины прямиком направились к нашему столу.

—Бенджамин Барроуз и Джейн Скотт? — спросил мужчина в костюме, останавливаясь у меня за спиной.

Он был высок ростом и держал шляпу в руке, обнажив венчик редких светлых волос, какие бывают у стариков или младенцев.

—Детектив Монтклер, столичная полиция. Это офицер О'Нэн. Будьте любезны пройти с нами.

—Зачем? — хором спросили мы с Бенджамином.

—Будьте любезны, — повторил детектив.

—Мы арестованы?

Детектив переглянулся с офицером О'Нэном — коренастым коротышкой с коротким ежиком жестких волос. Воспользовавшись этой заминкой, Бенджамин толкнул меня в сторону двери.

—Беги, Джейни! — крикнул он.

Застигнутая врасплох, я машинально шагнула вперед, но полицейские были у меня за спиной, поэтому детектив схватил меня за плечи.

—Пустите! — взвизгнула я.

Теперь на нас смотрела вся столовая.

Бенджамин бегом бросился к двери, но служительница в белой форме преградила ему путь, грозно скрестив руки на груди. Полицейский в форме схватил Бенджамина, и тот грохнулся на пол.

Кожаная торба, в которой лежала «Фармакопея», проехала по полу и остановилась у ног Сергея Шишкина. Я заметила, как Бенджамин и Сергей обменялись взглядами, а затем Сергей неторопливо подобрал сумку с пола. Он закинул ее на плечо, словно свою, и я невольно поразилась его хладнокровию и выдержке.

Бенджамин лягался и брыкался, приковывая к себе всеобщее внимание, поэтому полицейские даже не заметили, как ловко он передал сумку. Я тоже попыталась вырваться, но детектив был сильным мужчиной, и они с офицером О'Нэном в конце концов вытащили нас за дверь под неодобрительным взглядом служительницы.

У нее был такой вид, словно она с самого начала подозревала нечто подобное и не сомневалась, что от неуважения к учебной тревоге один шаг до ареста.

Перед школой стоял черный автомобиль.

—Мы ничего не сделали! — возмущенно крикнул Бенджамин, когда нас потащили к машине.

—Тогда почему ты брыкаешься? — спросил О'Нэн.

—Потому что мы ничего не сделали!

Нас затолкнули в машину. Я посмотрела в окно на учеников, высыпавших из школы. Сара Пеннингтон прощалась с подружками, а Сергей спокойно стоял на ступеньках с торбой Бенджамина на плече. Офицер О'Нэн сел за руль.

—Вы нас арестовываете? — спросила я, когда автомобиль отъехал от школы.

—Пока нет, — с улыбкой ответил детектив Монтклер, оборачиваясь к нам с пассажирского сиденья. Редкая прядка его тонких волос съехала набок от возни, и зубы у него были кривые. — Мы просто хотим задать вам несколько вопросов.

—О чем?

—О человеке, зарезанном прошлой ночью в Аптекарском саду в Челси.

—Что? — пролепетал Бенджамин. — Мы ничего не знаем об этом!

Я окоченела от страха. Значит, кто-то видел, как мы выходили из сада. Нам нужно было срочно придумать себе какое-то алиби, но мы не могли сговориться в присутствии полицейских!

В полном молчании мы ехали по лондонским улицам, удаляясь от Сент-Бедена в незнакомые мне районы, гораздо более грязные, бедные и пустынные, где гораздо чаще встречались разрушенные здания, до сих пор не восстановленные после бомбежек.

Я лихорадочно придумывала какое-нибудь правдоподобное объяснение нашему нахождению в саду. Может быть, попробовать еще раз сослаться на ботаниче-

ский проект для научного конкурса? Правда, никакого конкурса не существовало...

—Зачем мы едем в Ист-Энд? — спросил Бенджамин.

—Затем, что там находится Тернбуллский суд по делам несовершеннолетних, — ответил детектив Монтклер.

—Я полагал, вы хотите только допросить нас.

—Так и есть, — подтвердил детектив. — Вам совершенно не о чем беспокоиться. Обычная формальность.

—Я хочу позвонить родителям, — заявила я, хотя прекрасно знала, что мама с папой сейчас находятся за городом в каком-то замке.

—Разумеется, — кивнул детектив.

—Вы не имеете права допрашивать нас в отсутствие родителей, — наугад выпалила я.

Детектив Монтклер улыбнулся мне своей кривой улыбкой.

—Разумеется, имеем, дорогуша, — заверил он. — Ты больше не дома, у нас тут не «страна храбрецов, свободных страна». Так что сиди тихо и не высовывайся.

ГЛАВА 15

Тернбулл-холл

Мы остановились перед трехэтажным кирпичным зданием с остроконечной крышей, похожим на мрачный сиротский приют из романов Диккенса. Здание Тернбуллского суда было выстроено в девятнадцатом веке, в то время здесь располагался приют, где бедные дети могли получить кров, стол и образование, которое бесплатно давали им прогрессивно настроенные выпускники университетов. Наверное, тогда это было чистое, красивое и достойное место. В 1952 году в этом запущенном, хо-

лодном и грязном здании с давно немытыми окнами и угрюмыми стражами помещался суд по делам несовершеннолетних и исправительная школа для малолетних правонарушителей.

Офицер О'Нэн тут же завел Бенджамина в какую-то комнату, а детектив Монтклер потащил меня дальше по коридору, мимо просторного класса, набитого бледными и невеселыми ребятишками. Здесь пахло нищетой, равнодушием, заброшенностью и поколениями детей, лишенных любви и регулярного мытья.

Мы вошли в пустой обшарпанный класс, и детектив Монтклер велел мне сесть. Сам он уселся напротив меня, с трудом втиснувшись за детскую парту. Его тонкие волосы снова рассыпались от такого напряжения.

—Итак, кто ты у нас – Джейн или Джейни? – спросил он.

—Джейн, – равнодушно ответила я. Не хватало только, чтобы он притворялся моим другом!

—Ты американка?

Я кивнула.

—Родители работают здесь, правильно?

Он держался очень спокойно и говорил тихим вкрадчивым голосом, а я почему-то вспомнила королевскую кобру, которую видела в каком-то фильме – она тоже сначала долго раскачивалась взад-вперед,

гипнотизируя свою добычу, а потом кидалась вперед со скоростью пули.

Я сдержанно кивнула.

—Ну и как тебе Лондон?

—Вы меня арестовали?

—Нет.

—Тогда мне бы хотелось уйти отсюда.

—Может, сначала расскажешь мне, что случилось в саду?

Я прикусила губу. Было очевидно, что они нарочно разделили нас с Бенджамином, чтобы получить возможность сравнить наши истории.

Поскольку мы не успели сговориться заранее, каждое мое слово могло расходиться с тем, что скажет Бенджамин!

—Если меня арестовали, то я бы хотела воспользоваться услугами адвоката, — отрезала я. Родители много раз говорили мне, что всегда нужно требовать адвоката, когда тебя в чем-то обвиняют, особенно если ты не сделала ничего плохого.

—Но ты не арестована.

—Тогда я хочу уйти.

—В таком случае, мне, возможно, придется тебя арестовать.

—Отлично, валяйте! А я потребую адвоката.

Детектив Монтклер несколько секунд молчал, склонив голову.

—Твоим родителям нравится работать здесь, Джейни? — спросил он вдруг.

—Да. Меня зовут Джейн.

—Хорошо, Джейн, — кивнул он. — Я имею право депортировать тебя из страны за отказ сотрудничать с полицией в деле расследования преступления, и в этом случае твоим родителям придется увезти тебя домой. Но мне почему-то кажется, что им бы очень не хотелось возвращаться в Лос-Анджелес.

—С чего это вы взяли?

—Я прочитал их личное дело.

—А на них есть дело?

—Разумеется, на них есть дело, — с удовольствием заверил меня детектив. — Мы не можем так просто впускать в страну закоренелых коммунистов!

—Они не коммунисты!

—А теперь и на тебя есть дело. Так что в твоих интересах заполнить его добрыми делами, согласна? Например, такими, как охотное и добровольное сотрудничество иностранной гражданки с британскими правоохранительными органами и оказание неоценимой помощи в важнейшем расследовании.

—Мне четырнадцать лет, — сказала я. — На меня нельзя заводить дело.

Детектив Монтклер с благодушной улыбкой обвел глазами обветшалую классную комнату, приласкав одо-

брительным взглядом облупленные парты и пыльные доски на стенах.

—В те времена, когда было построено это здание, — сказал он, — детям разрешалось поступать на работу с шести лет. К своим четырнадцати годам ты могла бы уже иметь восьмилетний трудовой стаж. Причем на тяжелой, физической работе. Поэтому я полагаю, что ты вполне в состоянии ответить на несколько вопросов по поводу убийства, чтобы помочь стране, которая не только великодушно приютила твоих родителей-коммунистов, но и предоставила им работу по специальности.

—Перестаньте называть моих родителей коммунистами! Это неправда.

—Где ты была вчера вечером?

—Дома.

—Весь вечер? А что скажут твои родители, если мы сейчас позвоним им и спросим, когда их дочка вчера вернулась домой?

Я прикусила губу, пытаясь сдержать слезы досады. Почему мы с Бенджамином не догадались заранее придумать какую-нибудь историю? И почему я не попросила родителей держать язык за зубами? Я уже не сомневалась в том, что Скотленд-Ярду не составит большого труда разыскать их в любом пригородном замке.

—Я вижу по твоему лицу, что твои родители расскажут мне совсем другую историю, — безжалостно заметил детектив Монтклер.

Я промолчала.

—Джейн, если во всем виноват один Бенджамин, — ласково проговорил детектив, — то не надо бояться сказать мне об этом!

Я гневно посмотрела на него. Меня так и подмывало рассказать детективу, что садовника, скорее всего, убил немец со шрамом на лице и что полиция должна срочно объявить его в розыск, но я боялась невольно подвести Бенджамина в том случае, если он задумает рассказать другую историю.

Вдобавок садовник предупреждал нас не доверять полиции.

—Может быть, ты хочешь немного подумать над этим? — спросил детектив.

Не дожидаясь моего ответа, он вышел из комнаты, и я осталась одна. Мне хватило ума догадаться, что Монтклер отправился к Бенджамину. Значит, теперь меня в лучшем случае посадят в тюрьму за препятствование осуществлению правосудия, а в худшем — за убийство. Я снова попыталась вспомнить, что мы трогали в домике садовника и где могли остаться опечатки наших пальцев. На фонаре точно остались. В конце концов, я перепугалась и пришла в отчаяние, чего, скорее всего, от меня и добивались с самого начала, но что толку понимать намерения противника, если все равно ничего не можешь с собой поделать?

Примерно через полчаса коренастый офицер О'Нэн явился в класс и отвел меня в комнату, где с обеих сторон были двери и камеры в виде клеток, разделенные толстой бетонной стеной. Судя по всему, это помещение было устроено много позже всего здания. Бенджамин стоял в первой камере, уныло вцепившись в прутья. Вместе с ним в клетке был еще один мальчик, показавшийся мне щуплым и чумазым, но полицейский так быстро провел меня мимо в соседнюю камеру, что я не успела ничего разглядеть подробнее. Моя клетка оказалась сырой и холодной, с низкой деревянной скамейкой вдоль стены.

О'Нэн ушел, и я бросилась к прутьям.

—Бенджамин? — шепотом позвала я, вспомнив нашпигованную жучками кухню Шишкиных и твердо решив на этот раз не говорить вслух ничего опасного.

—Что ты им сказала? — так же шепотом спросил он через разделявшую нас бетонную стену.

—Ничего! Они пытались настроить меня против тебя, подговаривали сказать, будто это ты во всем виноват. Я их ненавижу!

—Мне они предлагали то же самое.

Я просунула руку сквозь прутья, чтобы оценить, как далеко находится соседняя камера, и наткнулась на протянутую руку Бенджамина. От неожиданности я

вздрогнула, как от разряда электрического тока. Наши пальцы переплелись и крепко сжались.

—Все будет хорошо, Джейни, обещаю, — сказал Бенджамин.

И тут из камеры Бенджамина донесся голос другого мальчика. Голос был высокий и звонкий, с сильным акцентом, которого я ни разу не слышала в Сент-Бедене.

—Короче, у вас есть план, как нам сделать отсюда ноги, или мне придется одному потеть? — спросил мальчик.

Мы с Бенджамином разжали пальцы.

—Это Пип, — сказал Бенджамин. — Он карманник. И взломщик.

—По крайней мере, я никогда никого не убивал, — уточнил тот же голосок.

У меня екнуло сердце. Во всех фильмах про тюрьму, которые я смотрела, непременно фигурировали стукачи, коварно подсаженные полицией в камеру к преступникам.

—Бенджамин, — горячо зашептала я. — Они специально подсадили его к тебе, чтобы ты с ним разговорился!

—Я уже подумал об этом, — сказал Бенджамин в полный голос. — К счастью, мне не в чем признаваться!

—Да не смеши, они все равно пришьют тебе все, что захотят, — весело заверил его Пип. — На это они мастера!

Я услышала какой-то шорох сзади и, обернувшись, увидела здоровенную серую крысу, неспешно шествовавшую вдоль стены моей камеры под деревянной скамейкой.

Мне показалось, что она направляется прямиком к моим ногам, поэтому я завизжала во весь голос.

—Джейни? — крикнул Бенджамин.

—Тут крыса!

Серая тварь замерла, сжавшись под стеной.

—А орала, как будто ее режут, — заметил незнакомый мальчик.

Я обозлилась, потому что не была ни плаксой, ни трусихой. За последние двадцать четыре часа я видела смерть человека, втайне от родителей оставила мальчика ночевать у себя в комнате и получила угрозу о депортации! И между прочим, совсем неплохо справилась со всеми этими испытаниями. Но жирная грязная крыса, шмыгающая под ногами, приводила меня в ужас. Она смотрела на меня своими блестящими любопытными глазками, ожидая, что я буду делать дальше.

—Я хочу домой, — жалобно пролепетала я.

—Тогда одолжи мне невидимку, — отозвался Пип из-за стены.

—Какую еще невидимку?

—Ну, такая проволочка, сложенная пополам. Для волос.

—Заколка! — воскликнула я.

—Что за дурацкое слово!

—У меня нет заколки.

—Что? — не поверил Пип. — Ты девчонка или не девчонка?

—Я не ношу заколок! — огрызнулась я, не сводя глаз с замершей крысы.

—У нее американские волосы, — объяснил Бенджамин.

—Что значит американские волосы? — спросила я.

—Ну, как тебе сказать... Их так много, что никакая невидимка не берет.

—Ты это только что придумал.

—Нет, — возразил Бенджамин. — Американцев всегда можно узнать по волосам. И еще по ботинкам.

—Это в точку, — поддакнул Пип.

Я опустила глаза на свои ботинки и вдруг вспомнила о слишком широкой школьной юбке.

—Стойте! — воскликнула я. — У меня есть английская булавка!

—Так чего ж ты сразу не сказала? — спросил Пип.

Я вытащила булавку из пояса юбки и протянула ее за стену, надеясь, что юбка останется на месте.

—Эх, подлинней бы немного! — вздохнул Пип.

—Извини, другой нет, — огрызнулась я.

Я изо всей силы вжалась лбом в прутья, но мне были видны только грязные пальцы Пипа, отчаянно ко-

вырявшие булавкой в замке. Затея выглядела безнадежной.

Внезапно дверь с противоположной стороны от камер широко распахнулась, и руки Пипа мгновенно исчезли. Розовощекая надзирательница в сером шерстяном платье вошла внутрь и громко сказала:

—Вас хотят видеть.

—Меня? — поспешно спросил Пип.

—Нет, — отрезала она.

В коридоре за ее спиной послышались шаги, и в комнату вошел... мистер Дэнби. Кажется, за всю свою жизнь я никогда и никому не была так рада, как ему в этот момент!

—Вас интересуют двое несовершеннолетних? — спросила надзирательница. — Не малыш, а вот эти двое?

—Да, они самые! — ответил мистер Дэнби. — С вами здесь хорошо обращались, мисс Скотт?

Мне хотелось броситься ему на шею прямо через решетку, но я не решилась ставить нашего спасителя в неловкое положение.

—Нет! — сказала я. — Они говорили, что не арестовали нас, поэтому не дали пригласить адвоката! И еще грозились депортировать моих родителей, а это отвратительно, а самое главное, тут крыса! А мы ничего не сделали! — спохватившись, прибавила я.

—В таком случае давайте-ка поскорее заберем вас отсюда, — сказал мистер Дэнби. — В самом деле, мадам, неужели нельзя ничего сделать с крысами? Это же негигиенично, у вас здесь дети!

—Конечно, сэр, — отозвалась надзирательница таким тоном, что стало ясно: ничего она делать не будет. Она отперла решетку и выпустила меня из клетки.

Бенджамин сказал:

—А как же полиция? Откуда у вас полномочия выпускать нас?

—Он из Форин-офис, — сказала надзирательница.

—Из Форин-офис? — переспросил Бенджамин. — То есть из государственного министерства иностранных дел?

—Да, — с несколько сконфуженным видом кивнул мистер Дэнби. Я не поняла, какое отношение наш учитель латыни имеет к государственным делам, но решила, что раз он может выпустить нас из-за решетки, то какая мне разница?

Пип попытался проскользнуть следом за Бенджамином, но надзирательница с грохотом захлопнула дверь перед его носом и заперла замок. Он прижался лицом к прутьям.

—Возьмите меня тоже, дяденька!

До сих пор мне казалось, что Пип намного младше нас, поскольку я видела его только мельком и успела

заметить, что он гораздо ниже Бенджамина, но оказалось, что ему лет тринадцать или четырнадцать, то есть он был нашим ровесником. Как и все питомцы Тернбулла, он щеголял почти наголо остриженной головой, чтобы вши не заводились, и еще у него были огромные живые глаза поразительно яркого зеленого цвета. Он был чем-то похож на лемура, которого я когда-то видела в зоопарке.

—Не бросайте меня! — закричал Пип.

—Мне очень жаль, — сказал мистер Дэнби. — Но я уполномочен забрать только мистера Барроуза и мисс Скотт.

—Но они же мои кореша! — надрывался Пип.

Мистер Дэнби повернулся к Бенджамину.

—Это правда?

Тот покачал головой.

—Я думаю, он наседка.

—Никакая я не наседка!

Мистер Дэнби и надзирательница повели нас по коридору к выходу.

—Прошу вас! — кричал Пип нам вслед. — Возьмите меня с собой!

Мистер Дэнби даже головы не повернул.

Мы прошли мимо пустого класса, где меня недавно допрашивали, и мимо соседней аудитории, набитой сиротски одетыми учениками. Там дрались, и наша надзирательница зашла в класс, чтобы прекратить

потасовку. Мне было жаль бедных ребят, запертых в этих унылых стенах.

—Какое ужасное место, — вздохнул мистер Дэнби, когда мы отошли настолько, что нас нельзя было услышать. — Диккенс сразу узнал бы его. Давайте-ка поскорее заедем куда-нибудь погреться и выпить горячего какао.

—А где детектив Монтклер? — спросила я.

—Я его отослал.

—Что вы делаете в Форин-офис? — спросил Бенджамин.

—Это трудно объяснить, но я постараюсь.

—Вы шпион?

Мистер Дэнби улыбнулся.

—Разве я сказал бы тебе, если бы это была правда?

—Значит, шпион! — обрадовался Бенджамин. — Но почему тогда вы преподаете латынь?

Мистер Дэнби вздохнул.

—Наша страна потеряла много хороших людей на войне, — сказал он. — А теперь мы ведем новую войну, только характер у нее другой. Ты умный мальчик, поэтому должен знать, что государство всегда направляет своих людей в лучшие школы, чтобы следить за появлением... новых талантов.

Бенджамин притих. Наверное, он был страшно взволнован открытием, что мистер Дэнби оказался шпионом, призванным вербовать новых шпионов.

Что до меня, то я была по горло сыта волнениями и мечтала о горячем какао.

—Честно говоря, – добавил мистер Дэнби, – меня направили в Сент-Беден, чтобы присматривать за тобой, Бенджамин.

—За мной? – переспросил Бенджамин.

—Давайте зайдем в «Э. Пелличчи», это как раз по дороге, – сказал мистер Дэнби. – Это замечательное маленькое кафе, а водитель нас подождет.

Догнав нас, надзирательница достала кольцо с ключами и отперла тяжелую дверь, а Бенджамин на прощание ослепительно улыбнулся ей как лучшей подруге.

—Благодарю вас, мадам, за ваше щедрое гостеприимство, – сказал он, подражая неизменной любезности мистера Дэнби.

Надзирательница смерила его хмурым взглядом, однако посторонилась, пропуская нас наружу.

На лестнице Тернбулла, где гулял ветер и светило солнце, я с особенной остротой поняла, как мрачно, горько и безысходно было внутри. Я с наслаждением сделала глубокий вдох, чувствуя себя почти в безопасности.

Мистер Дэнби все исправит, теперь все будет хорошо.

—Вот моя машина, – сказал он.

Блестящий зеленый седан стоял с включенным двигателем на подъездной дорожке. Водитель повер-

нул голову в нашу сторону и приветливо улыбнулся. Я почувствовала, как Бенджамин схватил меня за руку, и кровь застыла у меня в жилах.

За рулем в машине мистера Дэнби сидел человек со шрамом.

ГЛАВА 16

Карманник

Мне понадобились полторы секунды, чтобы сообразить, что означает улыбающееся лицо водителя, перечеркнутое шрамом. Оно означало, что мы не пойдем пить какао, что мистер Дэнби нам не друг и что чем бы он ни занимался в своем Форин-офисе – если, конечно, он действительно работал в Форин-офис, – нас это нисколько не интересует. Все эти открытия разом нахлынули на меня, словно я сорвала с глаз повязку и очутилась в ярко освещенной переполненной комнате. Мы с Бенджамином практически одновременно приняли одно и то же ре-

шение: бросились обратно в унылый, зловещий и вонючий Тернбулл-холл.

Надзирательница, должно быть, следила за нами через дверную щелочку, потому что мы чуть не сшибли ее с ног, ворвавшись внутрь. Бенджамин с грохотом захлопнул дверь и привалился к ней спиной.

—Дайте мне ключи! — приказал он, удерживая дверную ручку, чтобы она не поворачивалась. — Арестуйте нас снова! Да дайте же ключи!

Дэнби замолотил кулаками в дверь.

—Откройте! — донесся снаружи его приглушенный крик.

Надзирательница заколебалась.

—Но... он же из правительства!

—Нет, он все наврал! Он советский шпион!

Я еще не успела сложить вместе все кусочки информации, чтобы прийти к такому выводу, но почувствовала, что Бенджамин прав. Шишкин-старший сказал нам, что Шрам работает на советские спецслужбы, а раз Дэнби работает со Шрамом, значит, он тоже работает на Советский Союз. И если он следил за Бенджамином, то делал это только из-за его отца, а не потому, что считал Бенджамина восходящей звездочкой британской разведки.

—Вздор! — рявкнула розовощекая надзирательница, приходя в себя. Она бросилась к двери, намереваясь открыть ее, но я проворно выхватила у нее ключи. Надзирательница с неожиданной сноровкой рванула

меня за волосы, запрокидывая назад голову. Я перебросила ключи Бенджамину, развернулась и оттолкнула ее. Надзирательница грузно шлепнулась на пол, и я с трудом подавила желание извиниться.

Бенджамин запер входную дверь, и мы бросились по коридору мимо барахтавшейся на полу надзирательницы. На ходу Бенджамин сунул голову в переполненный класс.

—За нами гонится русский шпион! — во все горло заорал он. — Где тут черный ход?

Ребята так опешили, что не могли выдавить ни слова, а потом какой-то маленький мальчик пискнул:

—Через кухню!

Мы помчались дальше, а ребятишки выскочили из-за парт и рванули за нами. Они запрудили весь коридор, как стадо переполошившихся овец. Сзади раздавались вопли надзирательницы, требовавшей немедленно освободить проход.

Мы влетели в дверь, ведущую к камерам, и Бенджамин на ходу отыскал ключ, чтобы запереть ее за нами. Пип, продолжавший ковырять булавкой в замке, удивленно уставился на нас.

—А где ваш кореш? — спросил он.

—Он нам не кореш! — пропыхтела я. — Ты поможешь нам сбежать, если мы тебя выпустим?

—Да я и так уже, считай, вышел, — пожал плечами Пип.

Бенджамин отбросил его руки и отпер замок ключами.

—Да я почти открыл! — проворчал Пип, с досадой топая ногой. — Между прочим, хитрый попался замочек!

—Тут есть какой-то выход через кухню, — сказала я. — Ты знаешь, где кухня?

—Сюда, — бросил Пип, направляясь к дальней двери из комнаты.

Мы пробежали через выбеленный известкой коридор, потом еще через один, и нас приветствовал сильный запах прокисшего супа. Наконец мы очутились в огромном парком помещении, где на плите стояли кастрюли, а вокруг них суетились трое поваров в грязных фартуках.

Пип на бегу схватил с подноса булочку и впился в нее зубами. За поварами виднелась дверь, судя по всему, ведущая на улицу.

—Туда! — закричала я.

Но тут дверь распахнулась, и из нее вышел мистер Дэнби.

—Назад! — крикнул Бенджамин.

И мы помчались обратно по узкому коридору.

—Наверх! — прошамкал Пит с набитым хлебом ртом. Мы свернули направо и побежали вверх по деревянной лестнице. Дэнби молча несся следом за нами. На верхней площадке лестнице стоял старый сундук, и Бенджамин спихнул его вниз, так что он с диким шумом и грохотом покатился по ступенькам. Мистер Дэнби отпрыгнул назад, и сундук с треском врезался в

стену. Пип метнул вслед огрызок своей булки, угодивший мистеру Дэнби в бровь.

Мы миновали еще один тесный коридорчик, взлетели по ступенькам и оказались перед приставной лестницей, ведущей к чердачному люку. Пип распахнул люк внутрь, подтянулся и с паучьим проворством юркнул в чердачный сумрак, его ноги растаяли в темноте. Мы с Бенджамином неуклюже последовали за ним и очутились в мрачном пыльном закутке под стропилами, заваленном сломанными партами и штабелями старых матрасов.

—Сюда! — крикнул Пип откуда-то из темноты.

Но мы сначала завалили люк тяжелыми пыльными матрасами, чтобы его нельзя было открыть снизу. Потом мы с Бенджамином на четвереньках поползи за Пипом, стараясь не биться головами о стропила. Оказалось, что Пип отыскал маленькое пыльное оконце, крест-накрест заклеенное полосками материи, и пытался открыть его.

—А что за ним? — спросила я.

—Крыша.

—А дальше?

—Пока не знаю, — беспечно отозвался Пип. — А тебе больше нравится ждать здесь?

Рама никак не подавалась, поэтому Пип опрокинулся на спину и ударил по стеклу каблуками. Скрещенные полоски ткани крепко удерживали стекло, поэтому высадить его удалось только с нескольких ударов.

—Ты умеешь быть незаметным, — буркнул Бенджамин.

Пип невозмутимо стряхнул осколки стекла с подоконника.

—А зачем окно заклеили? — спросила я.

—Чтобы во время бомбежек стекла не вылетали, — ответил Бенджамин.

Пип перевесился через подоконник, огляделся и ухватился за что-то над окном с внешней стороны. Немыслимо гибкий, он двигался с какой-то нелепой грацией, так что мы с Бенджамином не успели оглянуться, как Пип подтянулся на руках и его ноги скрылись из виду.

Я высунула голову в окно и посмотрела на осколки стекла, валявшиеся далеко внизу. Похоже, пока никто не заметил разбитого окна, но от одного взгляда вниз у меня закружилась голова. Потом я услышала глухие удары, доносящиеся из-под люка. Кто-то — наверное, Дэнби — пытался открыть его, но тяжесть матрасов пока не позволяла ему это сделать. Я посмотрела вверх на Пипа, но расстояние от окна до крыши показалось мне бесконечным.

—Я не смогу туда забраться! — простонала я.

Пип и ухом не повел.

—Возьмись левой рукой за край подоконника, — сказал он, — а правой дотянись до крыши.

Я сделала, как он сказал, не сомневаясь, что сейчас грохнусь вниз.

—А теперь встань на подоконник и дай мне свою левую руку.

Я послушалась, и Пип с неожиданной силой потянул меня наверх. Сама не помню, как я очутилась ря-

дом с ним. Скаты старой щипцовой крыши, крытой сланцевым шифером, круто взлетали вверх, и я судорожно вцепилась в кровельный конек. Что-то в глубине моего живота очень сильно протестовало против нахождения на такой высоте. Тем временем Пип втянул Бенджамина следом за мной.

—Что теперь? — спросила я.

—Ищем водосток, — отозвался Пип. — Трубу. Любой путь вниз.

Он сполз вниз по скату, чтобы оглядеться, и при одном взгляде на него желудок у меня сжался в комок и ухнул куда-то в пятки. Если, чтобы добраться до водостока, мне придется спускаться по крутому скату крыши, то затея явно выглядела безнадежной. Судя по всему, Бенджамин чувствовал себя ничуть не лучше — он оседлал конек крыши, как норовистую лошадь, судорожно сжимая его коленями.

Снизу раздался крик. Все ребятишки, во главе с розовощекой надзирательницей, высыпали с черного хода и с восторгом смотрели на нас снизу. Пип по-паучьи вскарабкался обратно к нам.

—Они стоят прямо под водосточной трубой, — сообщил он. — Вниз нам не слезть.

—Отличный план, — процедил Бенджамин.

—А то! Я так понял, у тебя есть получше?

—Эликсир! — Я сунула руку в карман школьного пиджака. Садовник наказал нам использовать его только для важных целей, а что могло быть важнее спасения

с этой проклятой крыши? Но мой карман оказался пуст. Я ощупала другой. – Он пропал! – простонала я. – Но он же был здесь!

–Что еще за ликсир такой? – поинтересовался Пип.

–Эликсир, – сказал Бенджамин. – Типа лекарства.

Но я была слишком убита потерей, чтобы врать. Понизив голос, чтобы стоявшие внизу не услышали ни слова, я сказала:

–Это средство должно было... как бы тебе сказать... короче, превратить нас в птиц. По крайней мере, мы так думаем. Но я его потеряла.

–Как ты могла его потерять! – воскликнул Бенджамин.

Почему-то эти слова не на шутку меня взбесили.

–Да ты вообще не верил в этот эликсир!

–Но ты-то верила! – парировал Бенджамин. – Значит, должна была беречь.

Послышалось натужное кряхтение, а потом над карнизом крыши показалась рука мистера Дэнби, вылезавшего из разбитого слухового окна. Я в ужасе посмотрела на Пипа – и увидела маленькую коричневую бутылочку, зажатую между его большим и указательным пальцем.

–Вот этот, что ли? – спросил он.

–Где ты ее нашел?

–У тебя в кармане, – ответил Пип. – Когда ваш кореш уводил вас на свободу. – Он кивнул на белые пальцы, судорожно цепляющиеся за край шиферной крыши.

Я ощупала карман пиджака, пытаясь вспомнить,

когда Пип мог туда забраться. Нет, это казалось совершенно невероятным!

Раздалось громкое сопение, и рядом с первой рукой появилась вторая. Затем показалось перекошенное от напряжения лицо мистера Дэнби. Судя по его выражению, наш учитель еще не придумал, как ему выбраться на крышу.

—Бенджамин! — прокричал он. — Джейни! Прошу вас, опомнитесь. Человек, которого вы видели в машине, — наш друг. Он работает на Англию! Я могу вам это доказать.

—Все вы врете, — сказала я и снова повернулась к Пипу. — Отдай мне флакон!

Пип попятился от меня, сделав несколько шагов вдоль конька крыши.

—Ага, как же, чтобы вы снова меня бросили? — хмыкнул он. — Ищи дурака! Может, лучше я сам приму ваш лискир, да брошу вас тут?

—Мы не могли тогда взять тебя с собой, — пробормотала я, делая осторожный шажок к нему. — Но теперь можем. Давай сбежим все вместе.

—И как долго действует эта штука?

—Мы не знаем.

—А на нас троих тут хватит?

—Наверное.

—Значит, тоже не знаешь!

Дэнби с грохотом закинул одну ногу на крышу. Пип на мгновение замер на щипце крыши, а потом с

поразительной ловкостью пустился наутек. Мы с Бенджамином хотели броситься за ним, но у меня тут же разъехались ноги.

Готическая крыша Тернбулла состояла из двух частей и была похожа на детский рисунок, изображающий две парные треугольные горы, за которыми высилась круглая башня. Пип легко съехал на ногах в ложбину между скатами крыш и с невероятной ловкостью вскарабкался на соседний скат. Я заколебалась, обмирая от страха.

—Давай! — заторопил Бенджамин.

Тогда я кое-как сползла вниз и тоже начала карабкаться по скользкому скату наверх. Бенджамин ни на шаг не отставал от меня.

Тем временем Дэнби уже съехал с первого ската на подошвах своих скользких кожаных ботинок.

—Не глупите, мисс Скотт! — кричал он на ходу. — Мы же с вами на одной стороне!

Пип соскользнул со второго ската, который обрывался в пустоту по всей длине, за исключением одного места, где крыша примыкала к цилиндрической башне.

Толпа внизу переместилась и теперь стояла прямо под Пипом. Тот обогнул основание башни и полез наверх. Нам с Бенджамином ничего не оставалось, как последовать за ним. К счастью для нас, кирпичная кладка башни оказалась довольно грубой, и между кирпичами было достаточно выступов для рук и ног. Дети внизу оглушительно визжали и, похоже, веселились от души, как будто смотрели кино. Забравшись на башню,

мы очутились на своеобразной смотровой площадке. Судя по всему, попасть отсюда в дом было невозможно. Возможно, когда-то такой ход существовал, но сейчас мы нашли только желоб для стока дождевой воды. Стены площадки возвышались в высоту фута на три, так что снизу нас увидели только после того, как мы выпрямились в полный рост и перегнулись через парапет.

Ребятишки тут же оживились, а лицо надзирательницы помрачнело.

—Спускайтесь! — прогремела она. — Вам некуда идти!

—Позвоните в полицию! — закричал Бенджамин. — Скажите им, пусть вернутся! — Он ткнул пальцем в сторону Дэнби, присевшего перевести дух на ближайшем щипце. — Он русский шпион!

Из-под манжет задравшихся брюк Дэнби торчали полосатые носки, он устало промокнул свой прекрасный лоб носовым платком и сказал:

—Бенджамин! Я такой же русский шпион, как ты!

—Прыгайте! — завизжал снизу один из чумазых ребятишек. — А мы вас поймаем!

—Ага, прыгайте! — подхватили другие и тут же принялись визжать, хохотать и прыгать, показывая нам, как это сделать.

Дэнби полез вниз к основанию башни.

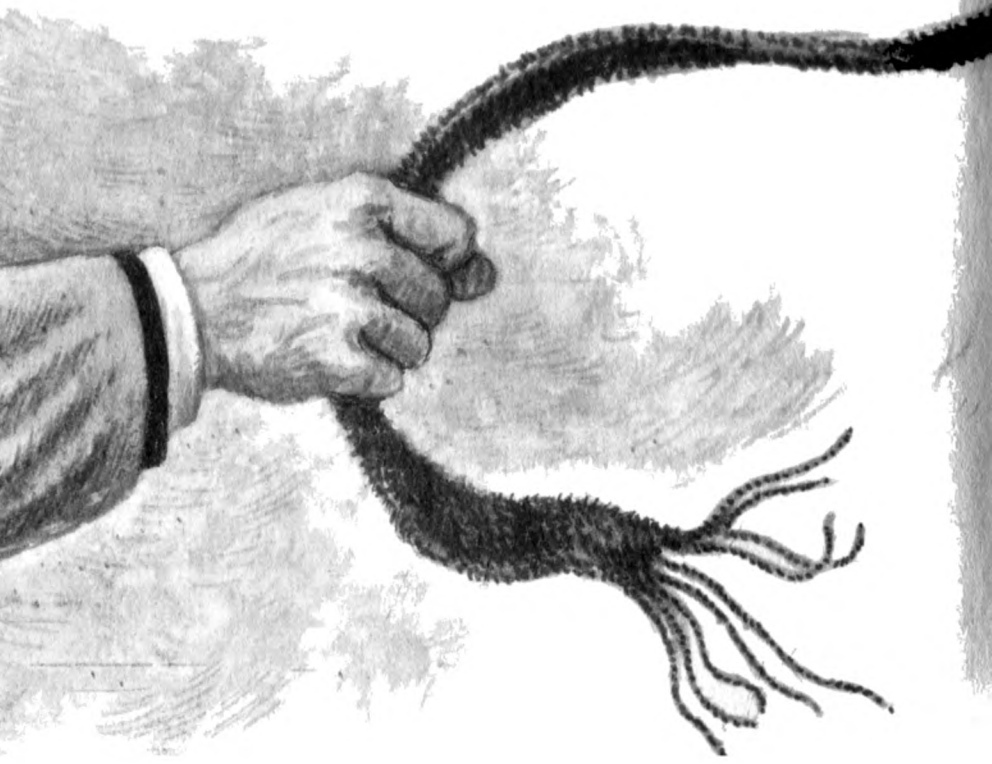
Я опустилась на корточки под стеной и повернулась к Пипу.

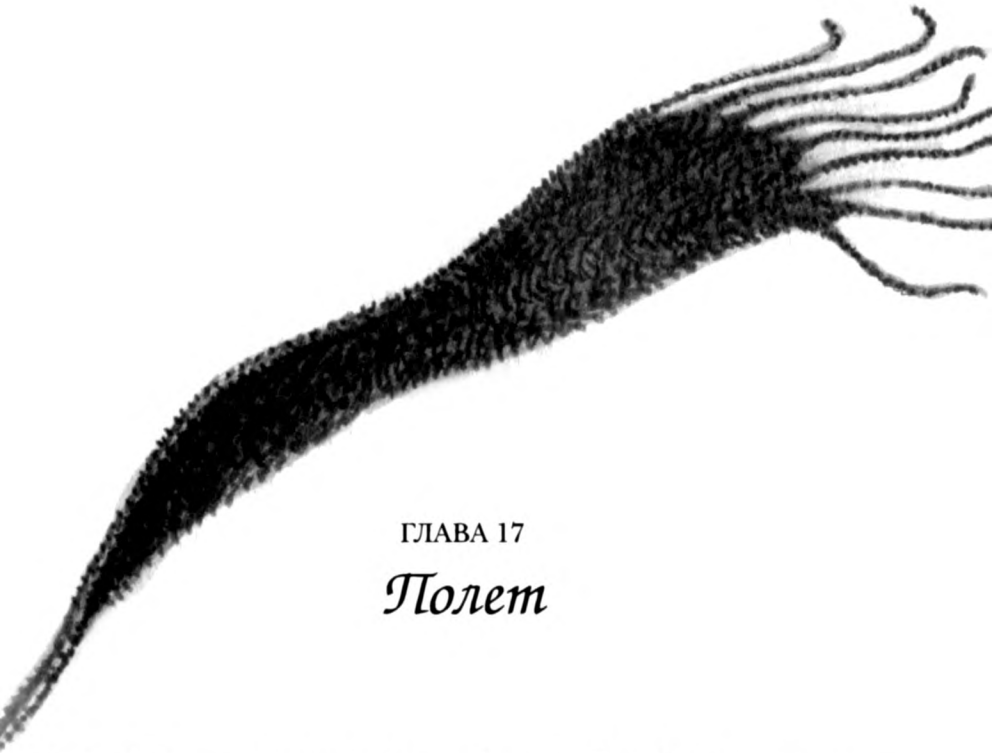
—Открывай флакон. Все по очереди отопьем по глоточку.

Но Пип не торопился, и Бенджамин потерял терпение. Он выхватил у Пипа флакон, отвинтил крышечку и сделал глоток. В тот же миг лицо его оторопело вытянулось, и Бенджамин отставил бутылочку в сторону. Секунду-другую все оставалось по-прежнему. Я выглянула за стену и увидела, что Дэнби уже лезет на нашу башню. Подошвы у него скользили, и он сердито ругался.

Когда я снова посмотрела на Бенджамина, тот начал съеживаться. Лицо у него вдруг вытянулось вперед, голова ушла в плечи, а тело прогнулось в бедрах. Сзади вырос пучок перьев, и Бенджамин стал стремительно уменьшаться. Вот исчезли ладони, вот руки превратились в крылья...

А потом Бенджамин исчез.





ГЛАВА 17

Полет

На каменном полу башни Тернбулл-холл, где только что стоял Бенджамин, теперь сидела маленькая, песчаного цвета птичка с пышной грудкой и хохолком на макушке. Для меня до сих пор остается загадкой, почему я не особенно удивилась, наблюдая за превращением Бенджамина в птицу. С другой стороны, довольно трудно отрицать очевидное, если твой друг превращается в птицу у тебя на глазах и ты можешь при желании протянуть руку и погладить его по пернатой головке. На тот момент я не знала, к какой породе относится Бенджамин, но позже выяснила, что это был полевой жаворонок – живая, взъерошенная и энергичная птичка, очень похожая на моего друга.

—Я точно не знаю, кто ты такой, — сказала я, — но ты определенно можешь летать. И размером ты явно не с кондора.

—Потрясно! — воскликнул Пип. Схватив бутылочку, он отхлебнул половину ее содержимого и протянул мне остаток. Внезапно глаза у него выкатились из орбит. — Ух ты, ну ничего ж себе...

Через несколько секунд он тоже начал съеживаться, голова у него вытянулась вперед, превратилась в клюв, и Пип стал юркой темной ласточкой. Первым делом он расправил свои изогнутые крылышки, желая проверить их длину.

Я была так поглощена всеми этими превращениями, что не заметила, как над стеной башенки показалось перекошенное лицо мистера Дэнби. Он уставился на меня, потом перевел растерянный взгляд на двух птичек. Мистер Дэнби бросил взгляд вниз, ища пропавших мальчиков, потом снова уставился на меня.

—Куда они подевались? — спросил он.

—Что там такое, сэр? — донесся снизу всполошенный голос надзирательницы. — Что стряслось?

—Здесь только девочка! — крикнул ей Дэнби. — И две птицы.

—Две кто?

—Две ПТИЦЫ! — проорал Дэнби.

Он подтянулся, чтобы слезть к нам, а я попятилась назад.

Пип-ласточка два раза подпрыгнул на месте, потом легко, почти играючи, сорвался с места и взлетел. В его движениях не было и следа неуклюжести ребенка, случайно ставшего птицей, – нет, он летел так, словно родился крылатым, легко ныряя и воспаряя в небесах.

Бенджамин-жаворонок внимательно следил за его полетом.

И тут снизу донесся писклявый девчоночий визг:

–А может, они превратились в птиц?

Ей ответил голос девочки постарше:

–Люди не могут превратиться в птиц!

Я вспомнила садовника, посоветовавшего нам «допускать возможности», и пожалела старшую девочку, в воображении которой не нашлось места для догадки, сделанной ребенком.

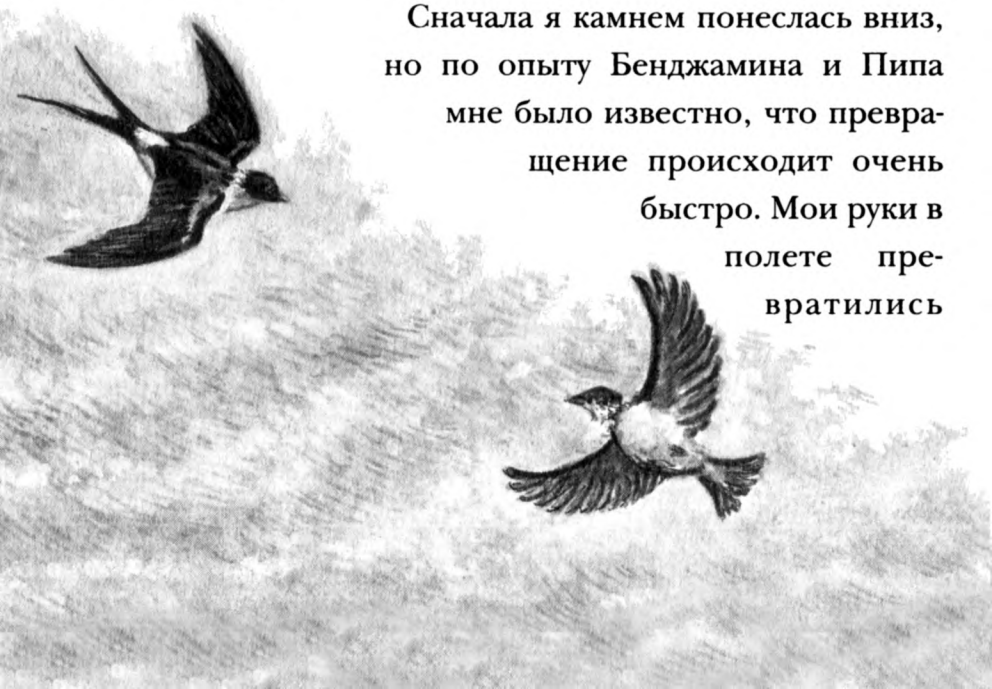
Зато у Дэнби, очевидно, воображение оказалось что надо, потому что он кинулся на жаворонка, и Бенджамин неуклюже запрыгал от него по парапету. В следующее мгновение он тоже оказался в воздухе. Бенджамин издал птичий возглас изумления, а потом камнем рухнул вниз и залился звонким щебетом, похожим на смех. В его полете не было и следа врожденного изящества Пипа, однако он летел! Дети приветствовали его радостным визгом – очевидно, теперь они все допустили такую возможность.

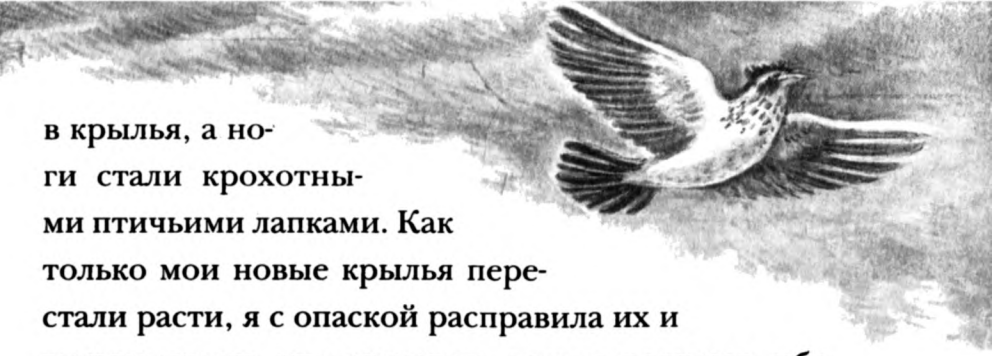
Пока Дэнби таращился вслед улетающему Бенджамину, я поспешно проглотила остаток эликсира. На

вкус он оказался густой, как сироп, только горький и отдающий болотной тиной.

В тот же миг я почувствовала, как кровь стремительно хлынула по моим жилам, и поняла, почему мальчики выглядели такими изумленными. Я ощущала каждый кровеносный сосуд и каждую каплю крови, бегущую по ним. Потом сердце у меня забилось чаще, а кости стали терять вес, словно таяли. Я выронила бутылочку, и она упала на землю. Далекий звук разбившегося внизу стекла вывел Дэнби из оцепенения, и он бросился на меня. Я чувствовала, как мой череп вытягивается, меняет форму, становится все легче и легче, а в голове у меня смутно пронеслось: «Допусти возможность...» И тогда, даже не успев до конца превратиться, я спрыгнула с крыши. Дэнби схватил меня за шарф – к счастью, он оказался не завязан, иначе дело кончилось бы переломом шейных позвонков. Шарф легко соскользнул у меня с плеча и остался в руках у Дэнби.

Сначала я камнем понеслась вниз, но по опыту Бенджамина и Пипа мне было известно, что превращение происходит очень быстро. Мои руки в полете превратились





в крылья, а ноги стали крохотными птичьими лапками. Как только мои новые крылья перестали расти, я с опаской расправила их и взмыла вверх, что оказалось весьма вовремя, ибо земля была уже совсем рядом.

Я взлетела к окнам второго этажа, потом третьего. Оглядев себя, я увидела аккуратную круглую красную грудку. Вот чудо, я стала малиновкой! Только у меня было что-то не так с крыльями, вернее, с самой верхней их частью, где у птиц находятся плечи. Я вспомнила, что Дэнби схватил меня за шарф как раз в момент превращения, и поняла, что там, наверное, не хватает перьев. Бенджамин и Пип с громким щебетанием кружили у меня над головой, и я неуклюже полетела к ним. Примерно на середине полета я попыталась точно рассчитать, что нужно сделать, чтобы добраться до друзей, но стоило мне начать прокручивать в уме необходимые движения, как я тут же начала падать.

—Ловите малиновку! — закричал мистер Дэнби.

—Я ее поймаю! — отозвалась надзирательница.

Земля приближалась с головокружительной быстротой, и ребятишки хором начали кричать:

—Улетай! Лети скорее!

Я услышала испуганный крик полевого жаворонка. Мне так хотелось поскорее очутиться рядом с ним, что я перестала думать — и тут же взмыла в воз-

дух. Дети дружным визгом приветствовали мое освобождение.

Взмыв высоко над Тернбуллом, мы в последний раз посмотрели на остолбеневших сердитых взрослых и торжествующих, хохочущих ребятишек. А потом улетели.

До сих пор мне порой снятся сны о полете, но сны — это всего лишь сны. Мы парили высоко-высоко над улицами Ист-Энда, над крошечными человечками внизу. Мы видели места, куда в войну попали бомбы, и дома, избежавшие разрушений. Пип носился кругами и зависал в воздухе, он то камнем падал к земле, то снова на сумасшедшей скорости взлетал вверх, заливаясь счастливым птичьим смехом. Мне с моими недоделанными крыльями нечего было и мечтать о таких фокусах. Мысль о шарфе не давала мне покоя, и я все думала, остался он у Дэнби или превратился в перья у него в руках. Обернувшись на Тернбулл, я увидела отъезжающий зеленый седан. Внезапно мне пришло в голову, что если Дэнби и Шрам знают о том, где сейчас отец Бенджамина, то они могут привести нас к нему!

Видимо, Бенджамин подумал о том же. Когда я развернулась, чтобы лететь за машиной, мальчики последовали за мной. По дороге нам повстречались несколько настоящих птиц, но они все держались на рас-

стоянии от подозрительной стайки из малиновки, ласточки и полевого жаворонка.

Одна любопытная ворона подлетела поближе, чтобы как следует рассмотреть нас, но, видимо, мы не внушили ей доверия, потому что она громко каркнула и улетела.

Зеленый седан проехал на юг, свернул на запад и в конце концов остановился в обычном лондонском пригороде с рядами одинаковых домиков, выстроенных стенка к стенке. Машина остановилась на боковой улочке, но из нее никто не вышел.

Я опустилась на крышу припаркованного автомобиля и хотела аккуратно встать, но едва не свалилась на землю. Пассажирское окно было опущено, и оттуда вился сигаретный дымок. Я уселась прямо над ним. Бенджамин приземлился рядом, последним к нам присоединился Пип. Слух у малиновки оказался намного острее, чем у девочки, поэтому я без труда услышала, как Шрам, сидевший за рулем, сказал с сильным акцентом:

—Дети не превращаются в птиц, не бывает так.

—Я бы не стал спорить, — отозвался Дэнби, — если бы не видел этого своими глазами.

—Да не могли же они так уменьшиться!

—Но смогли, — хмыкнул Дэнби. — Это все книга. Книга нашего аптекаря. Подумать только, эта американка Скотт едва не отдала ее мне!

Бенджамин повернул голову ко мне. Его блестящие птичьи глазки возмущенно блестели, а клюв был

многозначительно воздет вверх. Вы наверняка думаете, что на птичьем лице не может быть написано: «А что я тебе говорил?», но даю вам слово – еще как может. Я мысленно поблагодарила судьбу за то, что Дэнби не видел, как Сергей Шишкин забрал сумку с «Фармакопеей».

–Эти детишки явно видели тебя где-то, – продолжал Дэнби. – Значит, ты был неосторожен.

Голос с немецким акцентом прозвучал отчетливо и холодно:

–Я не бываю неосторожен.

–Должно быть, они видели тебя в аптеке. Или в саду. Человек осторожный наверняка заметил бы их там!

Шрам буркнул что-то неразборчивое.

–А теперь они улетели, – прошипел мистер Дэнби. – Кроме того, они больше мне не доверяют, и я, как назло, не могу получить ответы от нашего «языка», будь прокляты эти таблетки, наводящие немоту!

Мы с Бенджамином переглянулись. Немой «язык» – это, наверное, отец Бенджамина! Значит, он, как и Шишкин, принял таблетку, чтобы его не могли заставить говорить. В открытом окне машины показалась сигарета Дэнби, он щелчком сбросил пепел на землю. Меня передернуло при мысли, что еще недавно эти длинные бледные пальцы казались мне красивыми. Теперь они внушали мне ужас.

–Я могу добыть ответы, – сказал Шрам.

Дэнби вздохнул.

—Таблетки отнимают язык. Умный ход, ничего не скажешь.

Тут пассажирская дверь с неожиданной резкостью распахнулась, и я в панике перепорхнула на ближайшее дерево. Бенджамин и Пип бросились следом. К счастью, Дэнби нас, кажется, не заметил. Он вылез из машины, затоптал каблуком сигарету, потом поправил галстук и направился за угол.

Мы вспорхнули с ветки и полетели за ним, держась на почтительном расстоянии. Так мы проводили Дэнби до конца квартала. Наконец он остановился перед приземистым домом-коробкой, повернул в замке ключ и скрылся за дверью.

Перед домом росло высокое дерево, похожее на платан, и мы все трое рядком расселись на низкой ветке с зелеными листьями.

Я не знала, что это за дом, но подозревала, что отца Бенджамина держат именно здесь.

Мы не могли разговаривать, но я видела, что Бенджамин-жаворонок только и ждет, когда откроется дверь, чтобы прошмыгнуть внутрь, а Пип считает эту затею глупой. Не знаю, откуда мне это было известно, но я без труда читала их намерения по глазам, движениям головы и крыльев.

Должно быть, в самый разгар этого беззвучного птичьего спора на дерево потихоньку вскарабкалась тощая рыжая кошка. Мы были настолько поглощены мыслями о запертой двери, что даже не заметили ее.

Затем дверь бункера распахнулась, и из нее вышел какой-то мужчина. Бенджамин расправил крылья и сорвался с места, а Пип с громким щебетанием бросился к нему, пытаясь остановить. И тут огромная кошка перелезла на нашу ветку и прыгнула на спину Бенджамину. Он закричал тоненьким птичьим голосом и попытался взлететь, но было уже поздно. Маленький жаворонок беспомощно забился в кошачьих когтях.

Меня парализовал ужас, но Пип не растерялся. Он подлетел к кошке, целясь клювом в ее круглые желтые глазища. Взвизгнув от боли, кошка выронила Бенджамина на землю. Потом она замахнулась когтистой лапой и прижала Пипа к ветке.

Мужчина, вышедший из бункера, на мгновение остановился, привлеченный шумом, но, увидев всего лишь кошку и птиц, зажег в кулаке сигарету и пошел дальше.

Когда кошка схватила Пипа за шею своими острыми белыми зубами, я вцепилась когтями в ее мягкое шерстяное ухо. Собрав все силы, я сжала когти, и тут кошачий вой боли сменился визгом изумления, потому что Пип вдруг начал расти прямо у нее в когтях. На моих глазах у него исчезли перья, выросла одежда — и вот уже в кошачьих лапах оказался настоящий мальчик, неуклюже сидевший на ветке. Кошка в страхе отшатнулась и слетела с ветки. Несколько раз перевернувшись в воздухе, она шлепнулась на землю. Не тратя время на осмысление случившегося, кошка сорвалась с места и рыжей молнией припустила по улице.

Бенджамин, тоже превратившийся в мальчика, сидел на земле. Пип ухватился руками за ветку, свесил ноги и спрыгнул вниз. Они оба выглядели слегка ошарашенными, а Пип то и дело потирал шею, где виднелись четыре маленькие красные точки, оставленные кошачьими зубами. Я не знала, что и думать. Может быть, пережитое потрясение запустило обратный механизм преобразования? Я пока не превратилась в девочку, но ведь я и птицей стала позже, чем они, и кошка меня тоже не хватала. Я слетела на траву и устроилась рядом с Бенджамином, который ощупывал свои ноги.

—Кости целы, — сказал он. — Ну ничего себе!

—Кошка наделала во мне дыр! — пожаловался Пип.

Я вспорхнула ему на плечо, чтобы посмотреть. Бенджамин тоже присмотрелся.

—Крошечные дырочки, было бы о чем говорить!

—Ага, так я и поверил!

—Нам нужно пробраться внутрь, — сказал Бенджамин. — Пусть Джейни туда влетит, когда этот тип зайдет обратно.

—Нельзя! — мотнул головой Бенджамин. — Я ж тебе о чем толкую? Там секретный бункер. Если она превратится в девчонку, ее там накроют, а если останется птицей, то все равно не вытащит твоего старика своими крылышками!

Бенджамин разинул рот.

—Секретный бункер?

—Дошло? Подземное бомбоубежище. Для Черчилля и прочих шишек, на случай новой войны.

—Ты-то откуда знаешь? — прищурился Бенджамин.

Пип пожал щуплыми плечами, чуть не сбросив меня на землю.

—Спроси лучше, кто не знает! Чтобы выкопать огроменный бункер прямо под станцией «Бетнал Грин», нужны рабочие, верно? А рабочие, конечно, талдычат: «не ваше дело», да «особая секретность», но это пока не зальют в себя пару пинт крепкого. А как зальют, так у них языки и развязываются. Они со всех бармешн и официанток в округе взяли клятву хранить секретность.

—И большой этот бункер?

—Говорю же, огроменный, целый подземный квартал.

Мне в голову пришла одна идея, но я не могла говорить. Внезапно мои мысли были прерваны странными ощущениями. Они нахлынули волной, и я не могла ничего поделать. Я едва успела спрыгнуть с плеча Пипа, как сердце у меня стало биться медленнее, а руки защекотало сразу в тысяче мест, где перья стремительно исчезали, втягиваясь обратно в кожу. Потом у меня появились пальцы на руках и ногах, череп стал тяжелеть, раздаваться и округляться, а на голове выросли волосы. И вот уже я сидела на траве в своей школьной форме, как самая обычная девочка.

—Есть! — сказал Пип. — Все путем. Теперь она не сможет туда влететь.

Сквозь густой туман, заволакивавший мое человеческое сознание, я с трудом вспомнила свою идею.

—А если бы мы стали невидимыми? — спросила я.

—Это решило бы массу проблем, — ответил Пип, думая, что я пошутила.

—Нам нужна «Фармакопея», — сказала я.

—Фарма чего?

—Книга, — ответила я. — Она у Сергея.

—По крайней мере, мы надеемся, что она еще у него, — добавил Бенджамин.

ГЛАВА 18

Оперная партия

Когда мы вернулись в Сент-Беден за «Фармакопеей», уроки уже заканчивались, и ученики, получившие свободу до следующего утра, выходили из дверей школы в серые сумерки. Они все были поглощены своими делами: кто торопился на спевку в церковный хор, кто на тренировку по хоккею на траве, и я остро почувствовала, что отныне между нами пролегла бездна. По сравнению с моим нынешним положением неуместная одежда и незнание латыни стали казаться завидными проблемами.

Пип остановился перед лестницей, посмотрел на высокое и внушительное викторианское здание и втянул голову в плечи.

—Я это, лучше здесь вас подожду, — пробормотал он.

Мне показалось забавным, что Пип, совсем недавно беспечно носившийся по крутой крыше на высоте трех этажей над землей и храбро клевавший огромную кошку, будучи крохотной ласточкой, оробел при виде школы, даже опустевшей после окончания уроков. Как будто кто-то мог выследить его здесь, накрыть гигантским сачком для бабочек и пришпилить булавкой ко дну коробки!

—Уроки закончились, — сказал Бенджамин. — Там никого нет.

Но Пип пребывал в сомнении.

—Никто тебя не похитит и не заставит туда ходить, — заверила я. — Никто вообще не обратит внимания на какого-то мальчика!

Мы с Бенджамином стали подниматься по лестнице, но Пип продолжал робко переминаться с ноги на ногу.

И тут из парадных дверей выпорхнула Сара Пеннингтон, и февральские тучи моментально рассеялись — честное слово, так они и сделали. Я не придумываю. Луч света упал на золотую головку Сары, остановившейся на верхней площадке лестницы.

Пип вытаращил глаза и разинул рот при виде этого идеала школьной красоты. Несколько прядей, выбившихся из длинной косы Сары, блестящими завит-

ками обрамляли ее лицо. Длинные ресницы затрепетали, когда она сощурилась от яркого солнца.

Затем взгляд Сары встретился со взглядом огромных зеленых глаз Пипа. Вряд ли она могла избежать этой встречи, учитывая накал его нескрываемого восхищения. Сара явно была потрясена увиденным, поскольку она перевела взгляд сначала на меня, потом на Бенджамина, а затем снова на Пипа. Мы трое стояли на ступенях перед ней, как придворные перед королевой.

Я подумала, что это даже хорошо – по крайней мере, Сара не увидит, какой Пип коротышка.

–Привет, – сказала Сара.

–Привет, – прошептал Пип, словно во сне.

–Как дела? – спросила Сара.

Он кивнул, парализованный любовью.

–Это наш друг Пип, – сказала я.

–Пип? – переспросила Сара, кокетливо склоняя голову. – Как в «Больших надеждах»?

–Почему бы и нет? – отозвался сраженный Пип.

Сара улыбнулась.

–У тебя большие надежды?

–Теперь да.

–Ты ходишь в нашу школу?

–Пока нет, – ответил он. – Но если ты здесь учишься, то и я буду.

Поразительно, но Пип вдруг перестал глотать буквы и полностью избавился от своего простонародного выговора, и я отметила про себя, что ему, наверное,

нередко приходится менять произношение в зависимости от жизненной ситуации.

Сара вспыхнула и потупилась. Начав флиртовать с Пипом, она, похоже, не знала, что делать дальше.

—Меня ждет машина, — сказала Сара и грациозно сбежала вниз по ступенькам, даже не посмотрев на нас с Бенджамином, но стрельнув лукавым взглядом в сторону Пипа.

Пип завороженно смотрел ей вслед. Потом подбежал к черной машине, припаркованной у тротуара, открыл перед Сарой заднюю дверцу и сказал что-то, чего я не расслышала.

—Это лимузин? — спросила я у Бенджамина.

—«Даймлер», — ответил он. — Забирает ее каждый день.

Когда «Даймлер» отъехал, увозя Сару, Пип схватился за сердце и пошатнулся с комичной неуклюжестью опытного артиста варьете. Потом развернулся и вприпрыжку бросился к нам.

—Наверное, мне нужно записаться в эту школу, — крикнул он, подбегая.

—Что она сказала? — спросила я.

—Сказала, как ее зовут. Сара Элеонора Пеннингтон! — Пип сладко вздохнул.

—Она сказала тебе свое второе имя? — переспросил Бенджамин.

—Бенджамин тоже без ума от Сары, — мстительно сообщила я.

—Неправда!

—Правда, правда. Иначе откуда бы ты знал, как она каждый день уезжает из школы?

—Я от нее не без ума, — буркнул Бенджамин. — Уже нет.

Пип смерил своего нового соперника оценивающим взглядом, потом пожал плечами.

—Что ж, пусть победит достойный! — решил он.

Бенджамин вошел в школу, даже не придержав за собой дверь, а я стала гадать, правду он сказал, что больше не любит Сару, или соврал, скрывая ревность к Пипу.

—Что это она говорила про большие надежды? — спросил Пип.

—Есть такой роман, — ответила я. — Так и называется: «Большие надежды». О бедном мальчике по имени Пип, который влюбился в красивую девочку из богатой семьи.

—И она тоже в него влюбилась?

—Если я тебе расскажу, будет неинтересно.

—Хм, — пожал плечами Пип. — Ладно, тогда как-нибудь сам прочту.

Сергея мы нашли в шахматном клубе, расположившемся в одном из кабинетов истории. Шестеро невзрачных мальчиков сидели за тремя партами перед

шахматными досками. Сергей, игравший с прыщавым коротышкой из нашей латинской группы, как раз готовился сделать следующий ход, когда увидел нас и вскочил со своего места.

—Бенджамин! Джейни! – радостно воскликнул он. – У меня ваша...

И осекся, поймав грозный взгляд Бенджамина.

—Ой... Простите. Но это же шахматный клуб. Тут мои друзья!

Бенджамин отвел Сергея в дальний угол класса, подальше от любопытных ушей, а Пип тут же плюхнулся на освободившееся место за столом.

—Это играется, как в шашки? – спросил он у прыщавого мальчика.

Тот страдальчески закатил глаза.

—Нет. Если и есть некоторое сходство, то только поверхностное.

—Что значит – поверхностное?

Прыщавый задумался.

—Это значит, лежащее на поверхности.

—Ага, – сказал Пип. – А на что вы играете?

—Ни на что, – ответил мальчик. – Просто для удовольствия.

—Удовольствие! – хмыкнул Пип. – Вот еще глупости. Давай хотя бы по полкроны для начала. Можно я пойду этой круглоголовой ерундовиной?

Я оставила их играть, а сама направилась к Бенджамину и Сергею.

—Книга у меня с собой, — шепотом говорил Сергей. — Я ее все время ношу с собой. Ох, как же я переволновался! Куда полицейские вас повезли?

Его лицо пылало от волнения.

—Кто-нибудь спрашивал тебя про книгу? — поинтересовался Бенджамин.

Сергей задумался.

—Нет! Что будем делать дальше?

—Ничего, — отрезал Бенджамин. — Просто верни мне книгу.

Сергей нехотя протянул ему сумку.

—Я даже не заглянул в нее, — жалобно сказал он.

—Мне еще понадобится твой учебник по латыни, — вспомнил Бенджамин.

Сергей порылся в своей сумке и вытащил «Латынь для начинающих» Кеннеди.

—Можно я вам помогу? Ну, пожалуйста! Я хорошо знаю латынь.

—Мы обещали твоему отцу, что будем держаться от тебя подальше, — напомнил Бенджамин.

—Он ничего не узнает!

—У него все в порядке? — спросила я у Сергея. — У твоего папы не было неприятностей из-за того, что мы наговорили у вас дома?

—Кажется, нет, — ответил Сергей. — И он снова может разговаривать!

—Посоветуй ему быть осторожным, — предупредила я. — Он в большой опасности.

—Правда?

Из противоположного конца комнаты донесся ликующий крик Пипа:

—Шах и мат!

Его прыщавый соперник непонимающе уставился в доску. Потом поднял голову и возмущенно посмотрел на меня.

—Он спросил, похожи ли шахматы на шашки!

—Полмонеты на бочку, — самодовольно хмыкнул Пип.

—У меня нет полкроны!

—Да ладно, — снисходительно отмахнулся Пип. — Я возьму расписку. Надеюсь, писать-то ты умеешь.

Мы склонились над шахматной доской, и Сергей долго изучал партию, а потом с уважением спросил Пипа:

—Это Оперная партия?

—Какая партия?

—Это наглый грабеж! — воскликнул прыщавый мальчик.

—Оперная партия в шестнадцать ходов, — пояснил Сергей, — была сыграна американским гроссмейстером против двух любителей в оперной ложе. Где ты изучал шахматы? — спросил он у Пипа.

—Нигде я ничего не изучал, — беспечно ответил Пип. — Дядя школил меня, когда надирался в пабе.

—Ты не хочешь вступить в наш шахматный клуб?

—Его нельзя принимать! — воскликнул мальчик. — Он меня обманул!

—Он не может вступить в шахматный клуб, — подтвердил Бенджамин. — 'Он даже не учится в нашей школе!

—Скоро буду учиться!

—Идем, — сказал Бенджамин, подталкивая Пипа к двери.

Сергей умоляюще схватил меня за руку.

—Пожалуйста, возьмите меня с собой, ну, пожалуйста!

—Прости, Сергей, — вздохнула я, мягко высвобождая руку. — Мы просто не можем.

Как видите, шпионы из нас были никудышные. Мы допрашивали своего союзника в квартире, нашпигованной жучками, мы превратились в птиц на глазах у всех обитателей Тернбулл-холла и после всего этого целых пять минут толклись в переполненном шахматном клубе Сент-Бедена. Мы оставили Сергея в горькой печали, прыщавого мальчика в гневе и возмущении, а остальных членов клуба в полном недоумении по поводу того, что произошло. Иными словами, если мы собирались сделать что-то незаметно и неслышно, нам было не обойтись без серьезной помощи со стороны.

ГЛАВА 19

Невидимка

Кабинет химии мистера Гиллиама был закрыт, но Пипу понадобилось всего несколько секунд, чтобы открыть дверь при помощи разогнутой канцелярской скрепки. Класс пустовал, и Бенджамин без труда запер дверь изнутри при помощи ножки стула, засунутой в дверную ручку.

Я помнила, что рецепт невидимости, который садовник показал нам в «Фармакопее», находился на следующей странице после «Запаха правды», под греческой надписью *Αιδος* вверху страницы. Я запомнила это потому, что меня страшно заинтересовала невидимость – даже больше, чем птичий полет.

Мы нашли нужную страницу, но рецепт был на латыни, и Бенджамин принялся переводить его при помощи учебника Сергея.

—*Balineum* означает «ванна», — пробурчал он. — Значит, нам надо приготовить ванну.

—Ванну? — вытаращил глаза Пип. — А нельзя просто опрокинуть какой-нибудь ликсир?

—Может быть, в этом эликсире нужно искупаться, чтобы стать невидимыми? — предположила я.

Мы остановились было на классной раковине, но она оказалась достаточно мелкой.

—Как насчет этого? — спросил Пип, указывая на большой мусорный бак в углу.

Мы вытряхнули из мусорки скомканную бумагу и подтащили ее поближе к книге. Бак оказался достаточно большим, чтобы туда можно было забраться, и при этом не таким уж грязным.

—Ну что дальше? — спросил Пип.

—*Liquefac aurum,* – пробурчал Бенджамин, шелестя страницами учебника. — Так, *Liquefac* означает «разжижить» или «расплавить». Нам нужно что-то расплавить. Значит, нужна горелка Бунзена. Джейни, подержи словарь, я займусь горелкой. Но что такое *aurum*?

Я пролистала словарь.

—Золото! — воскликнула я, и у меня упало сердце. — Но откуда мы возьмем золото?

—Будь мы честными скромными алхимиками, мы бы его сделали, — вздохнул Бенджамин.

—Нам нужно всего две драхмы.

Бенджамин закатил глаза к потолку, считая в уме, — судя по всему, вынужденная работа с отцом все-таки оставила в его памяти какие-то сведения о приготовлении лекарств.

—Кажется, около четверти унции. Не так уж много.

—У Джейни есть золотые сережки, — сказал Пип.

Я подняла руки к ушам и потрогала круглые маленькие гвоздики.

—Это бабушкины, — сказала я. — Она умерла.

В классе воцарилась тишина. Бабушка Хелен была мамой моей мамы. Когда мы приезжали навестить ее, она изо всех сил старалась быть элегантной и утонченной, какой, по ее мнению, должны быть люди из Голливуда, однако все равно оставалась доброй и простоватой, потому что другой быть не умела. И золотые сережки были единственным, что у меня осталось от нее.

Бенджамин неуверенно посмотрел на меня.

—Ты, конечно, не должна отдавать их, — сказал он.

—Нет, должна, — ответила я, снимая сережки. — Вот. Расплавь их.

—Ты уверена?

—Да.

Это была почти правда, вернее, стало правдой, после того, как я сама предложила.

—Спасибо, — кивнул Бенджамин и, нерешительно подержав сережки в кулаке, уронил их в глиняный тигель над горелкой Бунзена. Я отвернулась.

В рецепте были и другие ингредиенты, и хотя я помогала переводить список, но не запомнила ровным счетом ничего, потому что вспоминала, как бабушка Хелен взяла с меня слово не прокалывать уши до двадцати лет, и я пообещала, поскольку была уверена, что бабушка своими глазами увидит меня взрослой, двадцатилетней... Но она умерла, когда мне было двенадцать, и это было несправедливо.

В том же году на пижамной вечеринке я разрешила Пенни Мидоус сначала охладить мои мочки кусочком льда, чтобы они потеряли чувствительность, а потом проколотить их при помощи иголки и зубной нити, используя половинку сырой картофелины для подстраховки. Я чуть не потеряла сознание – не от прокалывания, оказавшегося почти безболезненным из-за ледяной анестезии, а от отвратительного ощущения, с которым зубная нить медленно продергивалась через мое ухо. Но я позволила Пенни проколоть мне и вторую мочку, поскольку хотела быть элегантной, какой мечтала видеть меня бабушка Хелен. Мама очень огорчилась, но смирилась.

–Швейной иголкой делали? – спросила она, разглядывая аккуратные дырочки. – И ты даже не потеряла сознание? Вся в отца!

Бенджамин расплавил в тигле сережки вместе с какими-то добавками, потом растер получившуюся смесь в порошок, высыпал его в раствор, залитый в мусорный бак, и щедро разбавил водой из раковины.

—Что дальше? — спросила я.

—*Lava vestibus depositis,* — прочитал Бенджамин. — Это последнее.

Я пролистала учебник.

—О, нет!

—Что это значит? — поинтересовался Пип.

—Нужно искупаться ... хм... причем одежды должны быть сброшены, — пробормотала я. — То есть, я так понимаю, мы должны окунуться туда... голышом.

Мы молча переглянулись.

—Птичье питье сработало и с одеждой! — воскликнул Бенджамин с таким возмущением, как будто это я придумала раздеваться.

—Садовник говорил, что существуют разные способы изменять объекты, — напомнила я. — Кажется, он назвал действие птичьего эликсира преобразующим, а это средство — маскирующее. Может, оно действует только на тело.

—А когда ваш ликсир выветрится, мы окажемся голыми психами посреди военного бункера, — заметил Пип.

—Возможно, мы заранее почувствуем, когда средство начнет выдыхаться? — предположил Бенджамин. — И тогда у нас будет время.

—Сколько времени? Секунды три? — уточнил Пип. — Как раз хватит, чтоб закрыть пипку руками!

Но Бенджамин упрямо покачал головой, отметая возражения.

—Я должен найти своего отца, — сказал он. — Вы не обязаны на это идти, это мой долг. — Он сбросил школьный пиджак и начал развязывать галстук.

—Мы с тобой, — решила я.

—Может, отвернешься, Джейни?

—Стойте! — воскликнул Пип. В кабинете у мистера Гиллиама была необычная классная доска — огромная двусторонняя конструкция на колесах — и Пип, подкатив ее к мусорному баку, отгородил Бенджамина. — У нас дома есть такая ширма, — пояснил он. — Потому что у нас ванна на кухне.

Бенджамин спрятался за доской на колесиках, и теперь нам были видны только его ноги ниже колен. Вот его белая рубашка полетела на пол, за ней последовали ботинки и носки. Ступни у Бенджамина оказались бледными и трогательно беззащитными. Последними на пол упали синие шерстяные брюки, а потом Бенджамин с громким плеском забрался в мусорный бак.

—Бенджамин! — воскликнула я, кое-что вспомнив. — В приписке на полях говорилось, что какую-то часть тела нужно оставить сухой!

—Какую? — спросил Бенджамин.

—У меня есть одна остроумная идея, — мгновенно отозвался Пип.

—Ничего остроумного, — буркнул Бенджамин. — Кроме того, твоя идея немного запоздала.

Я невольно покраснела. Пип прыснул.

—Может, часть руки? — предположила я. — Какой-нибудь кусочек, который ты мог бы видеть и понимать, видят тебя другие люди или нет.

—Руки у меня уже мокрые.

—А плечо? — спросил Пип.

—Сейчас попробую, — пропыхтел Бенджамин. — Вообще-то это жутко неудобно.

Послышался новый плеск, за ним последовал глухой удар локтя или колена о металлическую стенку бака. Затем на цементном полу возле брошенной одежды Бенджамина появился отпечаток босой ступни, за ним еще один, и еще. Но самих ступней, оставлявших отпечатки, не было видно!

—Бенджамин! — закричала я. — Сработало! Мы не видим твоих ног!

За доской воцарилась тишина, только капли воды шлепались на пол.

—Бенджамин?

—Так странно, — отозвался он. — Я себя не вижу.

—Выходи и покажись, — попросил Пип.

—Я же голый!

—Да мы все равно тебя не видим!

Мокрые следы медленно вышли из-за доски. Бледное пятно телесного цвета плыло на высоте примерно пяти футов от пола. В нем можно было опознать часть плеча Бенджамина, но я бы ни за что не заметила этого пятна, если бы не искала специально. Вот розовая клякса переместилась, и на покрытой меловыми раз-

водами классной доске появился отпечаток мокрой пятерни.

Больше мы ничего не видели.

—Как будто меня вообще нет! — потрясенно прошептал Бенджамин.

—Здоровски! — охнул Пип. — Чур, теперь я! — Он подпрыгнул и скрылся за доской.

—Просто не могу передать, до чего это странное ощущение, — раздался голос Бенджамина чуть выше розового пятна, плавающего в воздухе.

Мы смущенно стояли друг перед другом. Мысль о том, что Бенджамин совершенно голый, волновала меня ничуть не меньше, чем его невидимость. За доской раздался плеск — это Пип забрался в бак.

—Не забудь оставить часть тела сухой, — напомнила я.

—Уже, — отозвался Пип.

—Просто не знаю, как я это сделаю, — пробормотала я. — Мне так стыдно.

—Думаешь, мне не стыдно? — вздохнул Бенджамин.

За доской послышался новый всплеск, и мокрые следы цепочкой потянулись к нам. Невидимый Пип заливался счастливым смехом.

—Ну и ну, вот это да! — кудахтал Пип. — Да я ж всю жизнь об этом мечтал!

Я не сразу отыскала его видимую часть, но, приглядевшись, заметила плывущее в воздухе ухо. Оно было более узнаваемо, чем кусок плеча Бенджамина, но

при этом существенно меньше и незаметнее, особенно если Пип поворачивался лицом, а не боком.

—Я хочу пробраться всюду! — захлебываясь восторгом, тараторил Пип. — Значит, первым делом махнем в кино! И в казино! И еще на скачки!

—Первым делом мы пойдем в бункер и отыщем моего отца, — напомнил ему Бенджамин. — Твоя очередь, Джейни.

Я зашла за доску и посмотрела на две груды одежды, валявшиеся на полу. Потом на пробу макнула край рукава в бак. Он промок, но и только. Значит, если я окунусь, не раздеваясь, то все равно превращусь в невидимку, только в мокрой видимой одежде.

—Давай, Джейни, — услышала я голос Бенджамина. — Пока мистер Гиллиам не вернулся. Мы тебя не видим.

Я еще раз заглянула в бак с волшебным раствором и подумала, что раз уж для его приготовления пришлось расплавить бабушкины сережки, то мне точно стоит рискнуть. Быстренько раздевшись, я опустилась в бак. Я заранее решила оставить сухим один палец на правой руке — он маленький, и спрятать легко. Вода была холодная, поэтому я задержала дыхание и подтянула колени к подбородку, чтобы окунуть голову и намочить волосы. Подождав несколько секунд, я встала, вся мокрая, и осмотрела себя. И ничего не увидела. В первый момент я растерялась. Потом дотронулась до своей руки — она оказалась ожидаемо скользкой и мо-

крой, но при этом совершенно невидимой! Пропасть между тем, что я знала и что видела, сводила с ума. Я вылезла из бака и замерла, глядя, на воду, заполнившую то место, где я только что была, а потом увидела красноречивые мокрые следы на полу.

—Ну что, сработало? — спросил Пип, и из-за доски выглянуло круглое розовое ухо.

—Это еще что такое? — рассердилась я. — Ты зачем подглядываешь?

—А ты ж невидимая!

Одежда Бенджамина вдруг сама собой поднялась в воздух, и я увидела над полом кусок плеча.

—Между прочим, мальчики, я вам не мешала!

—Мы не знаем, как долго действует это средство, — отозвался голос Бенджамина. — Нужно торопиться. — Дверца низкого шкафа под раковиной распахнулась, и одежда сама собой стала исчезать внутри. — Нужно вылить воду.

—А я думал, мы прибережем ее на следующий раз! — грустно протянул Пип.

—Нельзя оставлять следы, — отрезал Бенджамин.

Я с тяжелым сердцем затолкала свою одежду в шкаф: мне очень хотелось взять ее с собой, но хватило ума понять, как дико будет выглядеть сверток тряпья, сам собой плывущий по улицам города. Тяжелый мусорный бак взлетел в воздух, поднятый руками невидимых Пипа и Бенджамина, которые вылили раствор в классную раковину.

И тут мы услышали грохот в дальнем конце класса: глухой стук, говоривший о том, что кто-то раздраженно дергал дверь, запертую изнутри на ножку стула.

—Кто там? — грянул голос мистера Гиллиама.

Бенджамин и Пип поспешно побросали бумажный мусор обратно в мокрый бак. Я убрала горелку Бунзена, тигли и мензурку. В последний момент я увидела «Фармакопею», лежавшую открытой на лабораторном столе.

—Книга! — ахнула я. Теперь мы никак не могли незаметно вынести ее отсюда.

Учитель снова загрохотал дверью.

—Сейчас же откройте!

Книга проплыла в невидимых руках Бенджамина к верхней полке шкафа, где стояли какие-то толстые химические фолианты. Я поняла его логику: наша «Фармакопея» была почти неотличима от этих томов и могла легко затеряться среди них.

Мистер Гиллиам стал колотить в дверь кулаками. Мы на цыпочках подкрались поближе.

—Я выдерну стул, — прошептала я. — Выбегайте сразу, как только он войдет.

Мы заняли места, и я схватилась за стул. Все это чем-то напоминало попытку нашарить в темноте нужную вещь, приблизительно зная, где она лежит. Только наоборот: я точно знала, где находится стул, зато не видела собственных рук. Хорошо еще, что розовый палец был на месте, это давало какую-то уверенность.

Как следует взявшись за ножку стула, я потянула ее и выдернула из ручки.

Мистер Гиллиам, такой толстенький и круглый, что брючный ремень делил его ровно пополам, как полоска на пляжном надувном мяче, ворвался в класс и остановился, растерянно озираясь. Ухо Пипа и плечо Бенджамина выплыли в коридор. Но я осталась стоять на месте.

—Я знаю, что вы здесь! — крикнул мистер Гилллиам.

Он сделал шаг в мою сторону, но я увернулась. Дождавшись, когда мистер Гиллиам промчится мимо меня, разыскивая безобразников, наверняка попрятавшихся под партами, я спокойно выскользнула за дверь.

Школа была пуста, даже члены шахматного клуба уже разошлись, и мы припустили босиком по коридору. Это было очень странно — бежать, не видя своих ног. Так странно, что я едва не забыла о собственной наготе, но только едва. Секретарша с овечьими кудряшками вышла из своего кабинета, и мы перешли на шаг, чтобы не шуметь. Я провела своим видимым розовым пальцем по стене, но почти ничего не почувствовала. Зато заметила, что Пип прихватил с собой разогнутую скрепку для отпирания замков. Но поскольку ни один нормальный человек не ожидает увидеть палец или скрепку, плывущие в воздухе по коридору, то никто ничего и не увидел.

Распахнув входные двери, мы, голые и мокрые, шагнули в студеный февральский день.

Я обхватила себя руками. К стыду наготы я была готова, но про холод совершенно забыла. Пип выпалил длинную тираду, состоявшую целиком из чудовищных слов, большую часть которых я слышала впервые в жизни.

—У вас нет какого-нибудь средства, чтобы согреться? — спросил он, когда выдохся.

—Я знаю только одно, — ответил Бенджамин.

—И?

—Пробежаться до Бетнал-Грин.

Кусочек розового плеча стремительно понесся вниз по ступенькам, и нам с Пипом ничего не оставалось, как последовать за ним. Я старалась думать о том, как мы вырвем отца Бенджамина из рук злодеев, ведь это было важнее всего — важнее холодного бетона, обжигавшего мои босые пятки, и даже важнее пробежки голышом через город под пронизывающим февральским ветром.

ГЛАВА 20

Бункер

Невидимые, мы бежали по улицам Лондона, старательно огибая людей в теплых шляпах, шарфах и шерстяных пальто, которые могли случайно столкнуться с нами. Бенджамин оказался прав насчет пробежки: к тому времени, когда мы добрались до бункера, я задыхалась от усталости, но холода не чувствовала и в помине.

Ухо Пипа очутилось возле замка на двери бункера, и канцелярская скрепка маленьким червяком завертелась в воздухе, подчиняясь невидимым пальцам. Мы с Бенджамином стояли на страже.

— Ну же, давай, — прошипел Пип замку. — Ага, вот так-то!

Дверь распахнулась, и ухо юркнуло внутрь.

Мы с Бенджамином попытались войти одновременно, и я врезалась в его голое плечо.

—Извини, — хором сказали мы.

—Шшш! — шикнул Пип.

За дверью оказалась маленькая комнатка с лифтом, только вместо кнопки на стене была щель для ключа.

—Сможешь открыть? — спросил Бенджамин.

—Поди пойми, — пробормотал Пип. — Это включатель лифта.

Не успел он договорить, как послышался шум опускавшейся кабины, и мы поспешно прижались к стене. Я машинально спрятала свой розовый палец за спину, толку от этого, как вы понимаете, было немного. Подумав, я прижала его к стене, чтобы он, по крайней мере, не болтался в воздухе. Двери лифта открылись, и из них вышел мистер Дэнби в сопровождении незнакомого молодого человека с удивленным лицом.

—Стоять снаружи и следить, не появятся ли птицы? — оторопело переспросил молодой человек.

—Три маленькие птички, они будут держаться стайкой, — ответил Дэнби. — Среди них будет красногрудый странствующий дрозд или американская малиновка. Капитан Гаррисон, кажется, видел, как на них напала кошка. Не понимаю, почему он не доложил об этом немедленно!

—Прошу прощения, сэр, но я на его месте тоже не стал бы докладывать о происшествии с кошкой.

—Вот поэтому вы всего лишь лейтенант, — хмыкнул Дэнби.

Я почувствовала, как невидимые пальцы Пипа схватили меня за руку и осторожно потащили мимо

мужчин в открытую кабину лифта. Мы втроем на цыпочках вошли внутрь.

—Значит, если я увижу трех птиц, я должен немедленно вызвать вас? — уточнил молодой лейтенант.

—Сначала попытайтесь поймать их своими силами, — распорядился Дэнби.

Лейтенант в штатском — я догадалась, что он не носит форму из-за особой секретности объекта, — невесело поплелся к выходу. Было очевидно, что он считает Дэнби сумасшедшим.

Дэнби повернул ключ в выключателе, вошел в лифт вместе с нами и посмотрел на потолок кабины. Наверное, высматривал птиц. Двери закрылись, и мы поехали вниз, под землю.

Под землей лифт остановился, и двери открылись в небольшую комнату, где висели коричневые брезентовые комбинезоны, над которыми сверкал ровный ряд оранжевых строительных касок. Под длинной скамьей вдоль стены были аккуратно расставлены тяжелые рабочие ботинки. Дэнби вышел из комнаты в коридор и свернул направо. Мы пошли за ним, шлепая босиком мимо рам с портретами королевы Елизаветы, принцессы Маргарет и Уинстона Черчилля.

Неожиданно Дэнби резко остановился и обернулся, словно почувствовал чье-то присутствие за спиной. Я поспешно сунула свой видимый палец за раму портрета и затаила дыхание. Дэнби окинул взглядом коридор.

Какой-то мужчина высунул голову из двери и крикнул:

—Дэнби! Будьте добры, на минуточку.

—Есть, генерал, — откликнулся Дэнби, бросив последний взгляд в коридор.

Мы вместе с ним проскользнули в генеральский кабинет. Генерал был седой и властный, но тоже без военной формы. На стене кабинета висела большая карта, утыканная булавками. Несколько синих булавок торчали примерно в районе Нью-Мексико, две-три красных — в России.

Одинокая синяя булавка была воткнута в какой-то маленький остров в Тихом океане, а белая красовалась у берегов Австралии.

—Есть успехи с «языком»? — спросил генерал.

—Пока нет, сэр, — ответил Дэнби. — Но немота скоро пройдет.

—Вы пытались получить письменные ответы?

—Безуспешно, сэр.

—Я слышал, вы расспрашивали капитана Гаррисона о птицах.

Дэнби густо покраснел.

—Да, сэр.

—Это имеет какое-то отношение к делу аптекаря?

—Да, сэр.

—Я полагаю, вы знаете, что делаете, Дэнби, однако могут пойти разговоры.

—Но они... — начал было Дэнби, но потом передумал и оборвал себя: — Разумеется, сэр.

—Просто к вашему сведению. Вы один из наших лучших сотрудников, и мне бы не хотелось, чтобы вы оказались скомпрометированы.

—Благодарю вас, сэр.

—Что наш восточногерманский связник? О чем он сообщает?

—Утверждает, что аптекарь не работал на Советы, сэр. А также то, что Леонид Шишкин, скромный бухгалтер из советского посольства, хоть и выполнял обязанности связного, однако действовал на собственный страх и риск, по личным побуждениям. У него нет никакой сети, он одиночка.

—Понятно.

—Нам известно, что Советы ищут аптекаря. Они ожидают, что заговорщики скоро соберутся вместе, и рассчитывают использовать Леонида Шишкина в качестве подсадной утки. Но, насколько я понимаю, заговорщики ничего не смогут сделать без аптекаря.

—Не смогут?

—Нет, сэр. Он их... их Оппенгеймер, если угодно.

Даже я знала, что Оппенгеймер – это физик, создавший атомную бомбу. Я покосилась на Бенджамина, чтобы посмотреть, как он отнесся к такому сравнению, и поняла, что находиться голышом в военном бункере было не самым досадным следствием невидимости. Хуже было то, что мы больше не могли переглядываться, а значит, лишились возможности молча об-

мениваться мыслями. Я не знала, где глаза Бенджамина, а он не видел мои.

Генерал приподнял бровь.

—Понимаю. — Он быстро посмотрел на часы. — Значит, вы полагаете, что снадобье, наводящее немоту, скоро должно завершить свое действие?

—Я как раз сейчас отправляюсь это проверить, сэр, — сказал Дэнби, поднимаясь со своего места. Мне показалось, что ему не терпится поскорее выйти из кабинета.

—Дэнби, — окликнул генерал.

—Слушаю, сэр?

—Вы уверены, что Краут полностью на нашей стороне?

—Да, сэр, — без колебания ответил Дэнби. — И он достаточно жесток.

Генерал улыбнулся краем губ.

—Это хорошо, — сказал он. — Надеюсь, мы сможем заполучить его сюда, чтобы провести несколько допросов. В этом деле нам понадобится толика жестокости.

Дэнби криво улыбнулся.

—Уже известно, кто убил бедного старика-садовника? — спросил генерал.

—Пока нет, сэр, — вздохнул Дэнби. — Но мы это выясняем.

Я знала, что Дэнби прекрасно известно имя убийцы со шрамом, и отметила про себя, что он отличный

лжец. Даже бровью не повел, соврав в глаза своему начальнику!

—Странное это дело, — покачал головой генерал. — Ну что ж, продолжайте расследование.

—Есть, сэр.

Мы вышли из кабинета следом за Дэнби и на цыпочках потрусили за ним по коридору. Сейчас, когда я думаю о том, как много нам удалось подсмотреть и подслушать, то понимаю, какую хорошую службу сослужили нам наши четырнадцать прожитых лет. Быть ребенком означает быть невидимым и неслышимым, ловить информацию по крупицам и уметь правильно истолковывать сведения, не предназначавшиеся для детских ушей, — а как еще можно разобраться в устройстве этого большого мира?

Мы прошли мимо огромного телефонного коммутатора с пустыми стульями, ожидавшими операторов, которые сядут на свои места и начнут соединять абонентов, и я невольно подумала, не предназначался ли этот пункт для обслуживания лондонских телефонов на случай ядерного удара — если, конечно, после него останется хоть один живой абонент.

Дэнби прошел дальше по коридору и постучал в одну из дверей. Молодая женщина в опрятном зеленом платье вышла на стук, тщательно прикрыв за собой дверь. У нее были светло-каштановые волосы, коротко остриженные вокруг ушей.

—Ну? — спросил Дэнби.

—Скука смертная! — пожаловалась девушка. — Я надеялась, это снадобье, наконец, выветрится! Но мы просто сидим и смотрим друг на друга, вот и все.

—Я думал, вам это понравится, — заметил Дэнби. — Когда еще вам представится возможность щебетать целый день, не рискуя, что вас перебьют?

Девушка обиженно надула губки.

—Это совсем не смешно, — заявила она. — И мне нужно выпить кофе.

—Так идите, — разрешил Дэнби.

Девушка одарила его благодарной улыбкой и торопливо упорхнула по коридору.

Мистер Дэнби вошел в комнату, и мы на цыпочках вкрались за ним, приготовившись спасать отца Бенджамина — правда, неизвестно, каким образом. Я была настолько поглощена поисками безопасного места, где могла бы встать, не столкнувшись с Дэнби или кем-нибудь еще, что когда наконец подняла глаза на пленника, то чуть не вскрикнула от удивления.

Это был не аптекарь!

Пленником оказалась женщина, причем китаянка. Молодая, лет двадцати с небольшим, с блестящими черными волосами, заплетенными в косу, в черных брюках и черной блузке. Я готова была поклясться, что она посмотрела прямо на мой видимый палец, правда, всего на одно мгновение, а потом быстро перевела взгляд на мистера Дэнби. Пленница была красива, хотя довольно суровой красотой, и страшно сер-

дита. Прямая, как струнка, она сидела на стуле перед металлическим столом, привинченным к полу.

Дэнби сел за стол и с нарочитой небрежностью закинул ногу на ногу.

—Не хотите кофе? — спросил он пленницу. — Или чай?

Пленница отрицательно мотнула головой.

Дэнби спросил ее что-то на незнакомом мне языке, кажется, на китайском, но женщина лишь смерила его презрительным взглядом.

—Признаю, мой мандаринский диалект несколько незрел, — пошутил Дэнби. — Но вот что любопытно — у Шишкина немота прошла гораздо быстрее. Возможно, все дело в том, что он был намного крупнее вас?

Пленница сердито пожала плечами.

—Кстати о записке, которую вы написали по моей просьбе столь изящной китайской каллиграфией, — сказал Дэнби, барабаня пальцами по столу. — Мне наконец перевели ваше послание. К сожалению, некоторые ругательства оказались весьма примитивны — в частности, фраза о собаках и свиньях, однако остальные весьма неплохи. Мне особенно понравилось то место, где вы поносите моих предков до восемнадцатого колена.

Женщина гневно сверкнула глазами.

Дэнби перегнулся через стол и дотронулся рукой до ее бледной шеи, словно доктор, щупающий пульс у больного.

—А ведь я мог бы причинить вам боль, чтобы заставить говорить, — сказал он. — Это не мой метод, однако на меня давит начальство. — С этими словами он нажал указательным и большим пальцами на ямку на шее женщины быстрым жестом, оказавшимся одновременно очень умелым и очень болезненным.

Глаза женщины налились слезами, она зажмурилась, но не произнесла ни слова. Меня передернуло при мысли о том, что я когда-то могла считать Дэнби милым. Теперь его красота казалась мне сатанинской.

Дэнби опустил руку.

—Просто поразительно, как долго действует таблетка, — заметил он. — Но рано или поздно ее действие закончится. И тогда я вернусь.

Он вышел из комнаты, и мы услышали, как дверной замок щелкнул у него за спиной. Поведение пленницы мгновенно изменилось, она закашлялась и схватилась руками за горло, а потом повернулась в ту сторону, где стояла я.

—Зачем вы здесь? — хрипло выдавила она.

Пип уже вытащил свою скрепку и колдовал над замком.

—Вы можете говорить! — воскликнул Бенджамин.

—Разумеется, могу!

—Вы знаете моего отца, Маркуса Барроуза?

Женщина помолчала, словно раздумывая, стоит ли нам доверять, а потом осторожно кивнула.

—Где он есть?

—Мы пока не знаем, — ответил Бенджамин. — Мы думали, он здесь.

—Вы химик! — воскликнула я, вспомнив записку Шишкина и слова садовника. Интересно, знали ли они, что это женщина? — Вы Дзинь Ло!

—И давно вы можете говорить? — спросил Бенджамин.

—Всегда! Они выдумать, что я ем таблетку. Раз так, я сделать вид.

—Вы можете сделаться невидимой? — спросила я. Конечно, шансов было мало, но ведь она оказалась химиком! Почему бы не спросить?

Женщина покачала головой, так что черная коса змеей заметалась по ее спине.

—Дверь открыта, — доложил Пип.

Дзинь Ло нахмурилась.

—Это не ловушка?

—Как вы думаете, это похоже на ловушку, устроенную британскими вооруженными силами? — спросил Бенджамин. — Полагаете, они подослали бы к вам трех невидимых подростков?

—Нам нужно как-то спрятать вас, — сказала я.

Дзинь Ло задумалась, потом выправила из брюк свою черную рубашку и вытащила несколько крошечных стеклянных колбочек, зашитых в шов, выдавив их пальцами по одной. Взяв две штучки, она ссыпала остальные в карман. В одной из колбочек было что-то оранжевое, во второй плескалась прозрачная жидкость.

—Дымная шашка, — сказала китаянка. — Сигналить самолетам. Хватит на весь бункер.

Она вылила прозрачную жидкость в оранжевую колбочку, зажала ее большим пальцем и встряхнула. Когда Дзинь Ло отняла палец, из склянки повалил густой оранжевый дым. В считанные секунды он заполнил всю комнату. Я затаила дыхание, чтобы не раскашляться.

—Откройте дверь, — приказала Дзинь Ло, и Пип не заставил просить себя дважды.

Мы с опаской выглянули в коридор, но охраны там не было — только королева Елизавета, принцесса Маргарет и Уинстон Черчилль невозмутимо взирали на нас со стены. Дзинь Ло подняла флакон, и оранжевый дым заструился по коридору, мигом скрыв портреты. Я никогда бы не поверила, что из такой крохотной колбочки может получиться столько дыма! Он окружил нас со всех сторон, когда мы осторожно двинулись по коридору.

Густая стена дыма колыхалась за нами, когда мы добрались до коммутатора, и тут Пип вдруг прошептал:

—Гляньте!

Он протянул руку, и я увидела этот жест, потому что его невидимая кожа была окутана оранжевой дымкой. Видна была и голова Пипа, как будто вынырнувшая из апельсинового тумана. Дым льнул к нам, и мы проявлялись, как оранжевые призраки. Я посмотрела на себя и увидела свои ладони и локти, почти прозрач-

ные, но припорошенные оранжевой пылью. Я закрыла оранжевыми руками свою голую грудь. Запыление сильнее всего было сверху, где скопился самый густой дым. Голова и плечи Бенджамина тоже отчетливо проступали на фоне колышущихся слоев дыма.

—Нам нужна одежда! — шепотом сказала я.

Мы стояли как раз перед кабинетом генерала, где подслушали разговор начальника с Дэнби, и я осторожно заглянула внутрь. Там никого не было.

На двери висело длинное черное шерстяное пальто, и я поспешно натянула его на себя. Я едва не утонула в нем, но какое это имело значение?

В конце коридора, откуда-то из-за дымовой завесы, послышались голоса.

—Ой, что это за дым? — раздался голос девушки, недавно отпросившейся выпить кофе.

—Пожар, что ли? — переспросил мужчина.

Мы бесшумно побежали к лифтам, а дым клубился за нами. Бенджамин на бегу сорвал плащ со спинки стула перед коммуникатором и едва успел натянуть его на себя, прежде чем из дыма проступили его голые ноги.

Тут загремела пожарная сигнализация, и я подскочила от страха. Из затянутого дымом коридора неслись крики и кашель.

Мы добежали до коридора перед лифтом, и Пип нашарил кнопку. Чтобы подняться наверх, ключа не требовалось. Я сдернула со стены два брезентовых

комбинезона и два шлема. Дзинь Ло продолжала яростно размахивать своей колбочкой, распространяя дым.

—Вот, возьмите, — сказала я, протягивая ей комбинезон. — И спрячьте косу под каску. Пип, держи второй.

Дзинь Ло натянула комбинезон прямо поверх одежды.

—Ты похожа на человека-невидимку, — заметил Бенджамин, окинув взглядом мое пальто.

—А ты — на девочку-невидимку, — фыркнула я. Плащ, который он стащил, оказался небесно-голубым женским дождевиком с поясом и расклешенным подолом.

Пип, все еще голый и наполовину видимый, суетливо стряхивал оранжевую пыль с тела.

—Она стряхивается! — воскликнул он. В самом деле, его рука снова стала невидимой. — Живо смахните пыль и снимите ваши дурацкие шмотки! Шевелитесь!

Мы поспешно отряхнулись — оранжевая пыль, в самом деле, сходила довольно легко — и когда двери лифта открылись, отдали нашу одежду Дзинь Ло, которая продолжала размахивать своей дымовой колбой.

Из коридора донесся истошный визг девушки-охранницы.

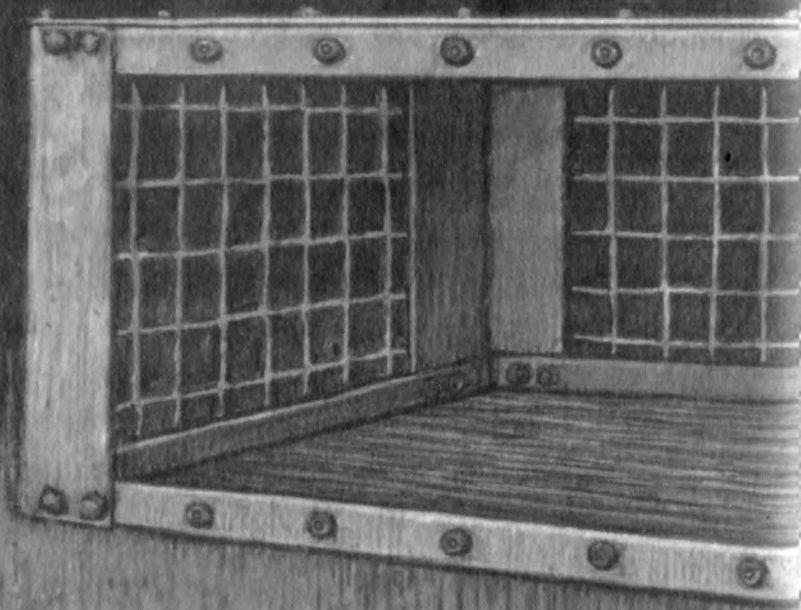
—Пленница сбежала!

Но тут двери лифта закрылись, и мы уехали.

ГЛАВА 21

Масло мнемозины

Когда лифт поднял нас на дневной свет, Дзинь Ло положила оранжевую колбочку перед входной дверью бункера, так что дым повалил на улицу. В брезентовом комбинезоне цвета хаки и со спрятанной под каской косой она стала похожа на юношу, поэтому, выйдя из двери, уверенно зашагала по улице, помахивая узлом с вещами — ни дать ни взять молодой рабочий, вызванный ликвидировать странный химический пожар.

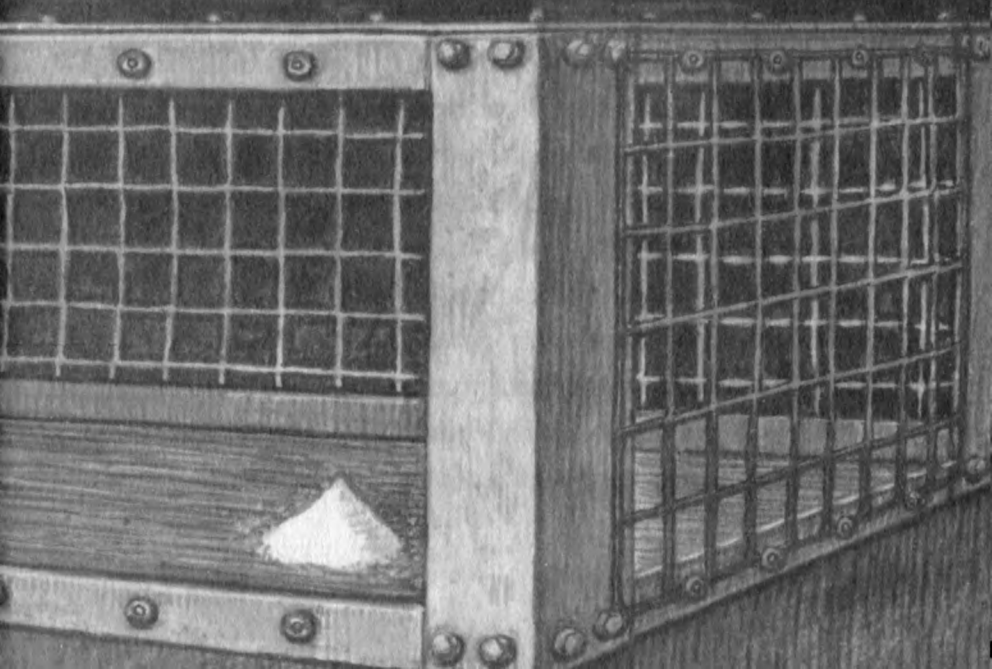


Какие-то люди, высыпав из домов, глазели на оранжевый дым, струившийся в воздухе, но никто и не думал останавливать Дзинь Ло, поэтому мы успели свернуть за угол, прежде чем услышали сзади громкие крики и мужской голос, спрашивающий, не видел ли кто на улице девушку-китаянку в черном. Никто ее, разумеется, не видел, а мы трое продолжали оставаться невидимками.

Подошел автобус, и мы забрались внутрь. Дзинь Ло кивнула водителю и прошла мимо него, не выпуская из рук свой узел.

—Нужно заплатить! — сказал водитель, но Дзинь Ло сделала вид, будто не услышала. Мы невидимым хвостом выстроились за ней.

В автобусе кроме нас было еще семь-восемь пассажиров, в том числе седая дама, державшая на коленях кудрявую беленькую собачку. Стоило нам войти, как собачка



залилась истерическим тявканьем, а старушка крепче прижала ее к груди и принялась ласково успокаивать.

—Это всего лишь китаяночка, мой ангел, она продает старую одежду, — услышала я.

Собачонка продолжала злобно тявкать — судя по всему, она учуяла, что нас тут четверо.

Мы устроились в задней части автобуса, где никто не мог на нас наткнуться, а водитель, махнув рукой, поехал дальше, досадуя на бестолковую китаянку и задержку с отправлением. Старушка успокоила свою кудрявую моську, но та продолжала шумно пыхтеть, уставившись в нашу сторону из-за плеча своей хозяйки.

Дзинь Ло опустила узел с вещами на сиденье и села рядом.

—Кто вы такая? — шепотом спросил Бенджамин под шум автобусного двигателя. — Откуда вы знаете моего отца?

—По письмам, — так же шепотом ответила Дзинь Ло. — Я приехала из Китая на встречу с ним.

—В Китае много девушек-химиков? — не удержалась я от вопроса. Не забывайте, это было в 1952 году.

Дзинь Ло нахмурилась, как будто только что задумалась над этим.

—Я была в ученицах, совсем молодая, у одного химика в Шанхае. Больше нигде не училась. Когда он умер, я продолжить его работу, писать письма его коллегам.

—А что это была за работа? — спросила я. — Он ведь не был обычным химиком, да? Он был алхимиком?

Дзинь Ло пожала плечами, давая понять, что категория нормальности находится вне сферы ее интересов.

—Всякий работает по-своему. Где вы напоследок видеть аптекаря?

—В его магазине, — ответил Бенджамин. — Ему передали сообщение о том, что вас схватили и что он будет следующим, поэтому он спрятал нас в подвале. А потом в аптеку ворвались какие-то немцы, и пока мы были внизу, мой отец исчез.

—Немцы? Что сказать немцы?

—Мы не знаем, — вздохнул Бенджамин. — Они же по-немецки говорили.

Дзинь Ло нахмурилась.

—А ты зачем не говорить немецкий?

—Не знаю, — прошипел Бенджамин. — Наверное, из-за войны. Никто не хочет учить этот язык. Вот вы знаете японский?

Какая-то тень прошла по лицу Дзинь Ло, я вспомнила, что во время войны часть территории Китая была оккупирована Японией.

—Да, — ответила девушка-химик. — Когда приходит чужой солдат, лучше понимать, о чем он говорит.

—Ну да, — смутился Бенджамин. — А я вот не знаю немецкого.

—Веди меня в аптеку, — распорядилась Дзинь Ло.

Собачонка на переднем сиденье вдруг возмущенно взвизгнула, и пожилая дама бросила косой взгляд на китайскую старьевщицу. Затем ее взгляд переместился на меня, и я невольно уставилась на свои два ви-

димых пальца, вцепившихся в поручень. Самое ужасное, что видимыми стали не только пальцы, но и вся рука до локтя – причем на этот раз это была уже настоящая рука, а не призрачный силуэт, припорошенный оранжевой пылью. Вторая рука проступила местами, а еще виднелась часть левой коленки.

–Дзинь Ло! – прошептала я. – Посмотрите на даму с собачкой, скорее!

Дзинь Ло так и сделала, причем обожгла старушку таким негодующим взглядом, что та сконфузилась и поспешно отвернулась, прижав к себе кудрявую собачку. Я выхватила из узла с вещами голубой дождевик и завернулась в него, крепко завязав на поясе. Он скрыл меня до колен, и я присела на корточки за сиденьем, пытаясь затеряться среди вещей.

–Человек в плаще и без головы привлекает к себе внимание, – прошипел Бенджамин.

–Не так сильно, как ты сейчас привлечешь!

Он опустил глаза и увидел, что розовое пятно его плеча разрослось до размеров руки от предплечья до локтя. Более того, из ниоткуда проступила часть бледной груди Бенджамина: тени от ключиц, розовый сосок и пупок, аккуратно завернутый внутрь. Бенджамин лихорадочно запахнулся в генеральское пальто.

Я посмотрела на Пипа, представленного в виде половины лица от щеки до уха.

–Эх, плакали все карманы, которые я не успел обчистить, – шепотом пожаловался он. – Еще часок-другой, и я бы стал богат!

Он влез в оставшийся комбинезон, подвернув рукава и штанины.

Когда автобус остановился у Риджентс-парка, неподалеку от аптеки, мы были уже полностью видимы и полностью одеты. Китайская старьевщица каким-то чудом прямо на ходу разродилась тремя ребятишками в странных костюмах, причем все четверо ехали бесплатно. Маленькая собачка, с самого начала чуявшая правду, торжествующе облаяла нас, а водитель автобуса и пожилая дама с недоумением посмотрели нам вслед.

Мы стояли на тротуаре и наблюдали через улицу за дверью аптеки. Дзин Ло осмотрела все соседние окна, из которых могла быть видна дверь. Похоже, за домом никто не следил, но я все равно боялась заходить внутрь. В любой момент туда могли вернуться немцы или нагрянуть Дэнби с британскими военными.

Дверь в магазин была не заперта, потому что немцы сорвали засов, и у меня тревожно екнуло сердце, когда Дзинь Ло вошла внутрь. Мы трое юркнули следом и замерли, прислушиваясь. Внутри все было сломано, разбросано и перевернуто, то есть было в том виде, в каком налетчики оставили аптеку. Когда Дзинь Ло сняла каску, пушистая коса черной змеей сползла ей на плечо, но китаянка резко отбросила ее за спину. Я не сомневалась, что она и настоящую змею сбросила бы с тем же невозмутимым спокойствием.

Убедившись, что в магазине никого нет, Бенджамин взбежал по лестнице в квартиру, чтобы сменить генеральское пальто на какую-нибудь нормальную одежду. Он принес мне пару своих брюк, рубашку и свитер, и я спряталась за разгромленный стеллаж, чтобы снять голубой дождевик и переодеться. Я была рада снова влезть в брюки, хотя они оказались мне велики и пришлось потуже затянуть ремень. Честно говоря, в плиссированной школьной юбке мне все время было немного не по себе.

Тем временем Дзинь Ло закончила осмотр магазина.

—Значит, вы слышать голоса?

—Угу, — ответил Бенджамин.

—И увидеть немец со шрамом.

—Да.

—Но не видеть, как они забрали аптекарь?

—Нет, мы сидели в подвале.

—Значит, теперь туда спускаться и смотреть, — решила китаянка.

Мы прошли в кабинет, и Бенджамин откинул железную решетку, закрывавшую лестницу в подвал. Мы спустились вниз. Там мы с Бенджамином показали Дзинь Ло и Пипу место за стеллажами, где прятались от немцев. Дзинь Ло посмотрела на решетку.

—Так-так, — протянула она. — Значит, вы ясно услышать, как немец говорит: «Ага! Вот ты и попадаться, аптекарь!»

Мы с Бенджамином переглянулись.

—Нет, — ответила я. — Мы слышали только взрыв.

—Каков взрыв? Великий? Маленький?

—Средний.

—Вы его увидеть?

Бенджамин задумался.

—Нет. Но я вспомнил, что потом раздался звук полицейской сирены! Поэтому немцы и сбежали. Но полицейские так и не приехали.

—Сидите здесь, — сказала Дзинь Ло. — Ждите.

Она взбежала по лестнице, и вскоре наверху раздались ее легкие шаги и звон склянок. Затем Дзинь Ло спустилась обратно, держась одной рукой за лестницу, а в другой неся целую кучу разных предметов, в том числе ступку с пестиком.

Усевшись по-турецки на пол, Дзинь Ло ссыпала в каменную ступку по щепотке трав из трех разных склянок. Затем она растерла их деревянным пестиком, добавила несколько капель рафинированного масла и перемешала получившуюся кашицу. Закончив, Дзинь Ло окунула палец в масло и дотронулась до моего левого виска. Я отшатнулась, но она прикрикнула:

—Нет! Сиди!

Снова окунув палец, она нанесла немного масла на мой правый висок и на каждое запястье.

—Сильный запах, — заметила я.

Не удостоив меня ответом, Дзинь Ло повернулась к Бенджамину и повторила процедуру: нанесла по капле по обеим сторонам его лба и на запястья.

—Вот так, — кивнула она. — Теперь помните больше.

—А мне можно чуток? — попросил Пип. — Мне страсть как надо всякое запомнить!

—Что запомнить?

—Сведения о лошадях на скачках, сигналы в покере, — мгновенно выпалил Пип.

Дзинь Ло покачала головой.

—Много помнить — много опасно.

Она взяла мою руку и руку Бенджамина и прижала их запястьями к своим запястьям. Кисти у нее оказались сильные и мускулистые.

—Вы тоже взяться вместе, — велела Дзинь Ло, кивая на наши свободные руки.

Бенджамин положил свою руку на мое запястье. Кожа у него была мягкая и теплая, и я чувствовала, как под ней бьется пульс. Мы втроем сидели на полу, подогнув под себя ноги и соединив запястья. Обиженный Пип со скучающим видом уселся в сторонке.

—Теперь закрывать глаза, — сказала Дзинь Ло. — И думать.

Я закрыла глаза и почувствовала масло на своих висках и запястьях. Оно слегка пощипывало. Потом я стала думать, слышит ли Бенджамин мой пульс или нет.

—Итак, аптекарь велел прятаться, — сказала Дзинь Ло. — И вы уходить вниз.

У меня слегка закружилась голова, и появилось какое-то странное ощущение в той части мозга, которая находилась сразу за глазами и под веками. Настоящее стало куда-то уплывать, зато прошлое оживало с каждой секундой. Это были не обычные воспоминания, ко-

торые просто накладываются на настоящее, легко уживаясь с повседневными мыслями и впечатлениями.

Нет, это было больше похоже на болезненно яркую галлюцинацию о событиях, связанных с этим местом в прошлом. Я живо вспомнила ужас того вечера, когда мы прятались в подвале, и то, как я нервничала, сидя рядом с Бенджамином, этим странным мальчиком из моего класса. Я снова почувствовала, как его плечо коснулось моего, когда он подергал за ручку запертой двери. Потом я услышала голоса, но они раздавались слишком далеко, у входа в магазин, поэтому я не могла разобрать слов. Прогремел взрыв. Немецкие голоса стали ближе.

—Wo ist er?* – спросил один.

—Ich weiss nicht, — отозвался второй. — Er ist verschwunden**.

—Ну? — спросила Дзинь Ло, вытаскивая меня из прошлого.

Я открыла глаза, несколько раз моргнула и попыталась повторить только что услышанные незнакомые немецкие слова. Дзинь Ло внимательно слушала.

—Они не находить аптекаря, — сказала она. — Они спросить друг друга, где он. Иди обратно. Раньше.

Я закрыла глаза и снова испытала странное обморочное чувство. Я опять спускалась по темной лестнице вместе с Бенджамином, это было до появления нем-

---

* Где он? (нем.).

** Не знаю. Он исчез (нем.).

цев. В то самое мгновение, когда он задел меня плечом, сверху раздался хриплый шепот на чистом английском языке. Оказывается, я просто не обратила на него внимания из-за всего этого тарарама.

—Убежище, Бенджамин, — прошептал аптекарь. — Я буду в убежище.

Потом издалека снова раздались голоса, последовал взрыв и грохот сброшенных склянок. Немецкий голос опять крикнул свое: «Wo ist er?»

Я открыла глаза.

—Ты слышал? — спросила я у Бенджамина.

—Убежище! — выпалил он.

—Но разве он не здесь? Не в подвале?

—Нет, — сказал Бенджамин. — Наверху есть старое убежище Моррисона, оно осталось у нас с войны. Папа использовал его вместо стола.

Мы вылезли из подвала, и Бенджамин прошел в дальний угол кабинета. Там стоял покрытый клеенкой широкий стол, заваленный грудами книг и бумаг. Бенджамин стащил клеенку. Под ней оказалась огромная металлическая клетка с проволочными стенками и плоской стальной крышкой.

—У вас эта штуковина была прямо дома? — присвистнул Пип. — Моим предкам каждый раз приходилось с боем прорываться в подземку!

—Это убежище не спасает от прямого попадания бомбы, — сказал Бенджамин. — Оно предназначено для того, чтобы тебя не раздавило стенами дома, если в него угодит «Фау-1». Мы с папой забирались туда вечером и

спали всю ночь. Он делал вид, будто это такая игра. – Бенджамин замолчал, и я догадалась, что он вспомнил о своей матери. – Но его здесь нет, – сказал он наконец.

–Твой папа сказал, что будет в убежище, – повторила я.

–Может, он был тут, а потом ушел! Или мы неправильно расслышали. Или немцы нашли его тут.

Я поискала глазами Дзинь Ло и поняла, что ее нет с нами. Тогда я вернулась к железной решетке, заглянула вниз и увидела, что китаянка забилась в угол подвала и с ужасом смотрит куда-то в темноту.

–Дзинь Ло? – окликнула я.

При звуке моего голоса она вздрогнула и затравленно вскинула глаза.

–Вы в порядке?

Она покачала головой и сказала что-то на своем языке. Я спустилась вниз и увидела, что Дзинь Ло дрожит всем телом. Я присела рядом с ней.

–Что случилось?

Китаянка отняла ладони от лица и уставилась на свои руки. Они все еще блестели от масла, которым она капнула на наши с Бенджамином запястья. Суровая сила покинула ее лицо, теперь черты его были перекошены смертельным страхом.

–Вспоминаю то, что хотеть навсегда забывать, – прошептала Дзинь Ло.

Пип и Бенжамин стояли на верхней ступеньке лестницы и смотрели на нас.

–Она в порядке? – спросил Бенджамин.

–Она вся дрожит, – ответила я.

—Солдаты приходить, — лихорадочно заговорила Дзинь Ло неожиданно тоненьким детским голоском. — Японская армия. Мне восемь лет. Они убивать всех подряд. Отец, мать, младший братишка. Они думать, я тоже мертвая. Так много выстрелов, так много... Ночью все тихо. Я выбираться из-под нижнего тела, это наш сосед, и тогда я увидеть... Целый город... — Она замолчала, ее узкие плечи ходили ходуном. Дзинь Ло прижала ладони к глазам, словно хотела загородиться от увиденного, но только размазала масло по щекам.

Я не знала, что сказать и чем ей помочь. Поэтому я просто обняла ее за плечи и почувствовала, что она полностью обессилена. Мне показалось, что она не сможет даже встать.

—Джейни, — окликнул меня Бенджамин после долгого молчания. — Нам нельзя здесь оставаться. Они могут вернуться.

Я сунула руку в карман брюк, принадлежавших Бенджамину, и вытащила оттуда очередной чистейший носовой платок, аккуратно сложенный и выглаженный аптекарем.

Потом я бережно отняла руки Дзин Ло от ее лица и стерла масло с нежной кожи на внутренней стороне ее запястий.

—Нам нужно уходить, — сказала я. — Здесь оставаться опасно.

Я вытерла ее второе запястье, а потом промокнула масляные слезы с ее щек. Дзин Ло не сопротивля-

лась, как будто в самом деле снова стала маленькой девочкой. В ее глазах стояли слезы.

—Я соболезную вашей семье, — сказала я. — И вашему городу.

Она моргнула, словно не слышала.

—Нам нужна ваша помощь, — попросила я. — Аптекарь сказал, что будет в убежище Моррисона, мы нашли это убежище, но оно пустое.

Я увидела, как ее взгляд медленно возвращается из далекого прошлого к настоящему. Вот глаза Дзинь Ло осмысленно остановились на мне, и я поняла, что она меня видит.

—Давайте поднимемся, и вы сами посмотрите, — сказала я, помогая ей встать. Дзинь Ло пошатнулась, как будто силы покинули ее. — Вы сможете вылезти?

—Постараюсь, — ответила она.

Я встала у нее за спиной, чтобы подстраховать на всякий случай, а Бенджамин и Пип помогли ей вылезти наверх. Потом мы все вместе подошли к убежищу Моррисона, и китаянка присела на корточки, чтобы как следует осмотреть клетку.

—Все открыть! — скомандовала она, и мы вместе сняли одну из длинных боковых сеток с крючков, на которых она крепилась. Дзинь Ло снова заглянула внутрь. Там не было ничего, кроме широкого стального листа, служившего полом, и я живо представила, как маленький Бенджамин и его отец спали на нем во время налетов.

—Смотрите это! — сказала Дзинь Ло, указывая на пирамидку какого-то белого порошка на полу убежища. —

Японцы называть такое «моридзио» –пик соли. Ставить от злых духов или подношение богам. Но англичане называть не так, они говорят «жена Лота» – вы знаете такое значение?

–Лот – это тот тип, на которого сыпались все шишки? – спросил Бенджамин.

–Нет, того звали Иов, – поправила я.

–Жена Лота превратилась в соляной столб, – объявил Пип.

Я удивленно посмотрела на него.

–Откуда ты знаешь?

Пип пожал плечами.

–Ходил одно время в воскресную школу, карманы чистил. Сказки там рассказывали знатные, прям заслушаешься.

–Эта соль – твой отец, – сказала Дзинь Ло.

–Что? – переспросил Бенджамин.

–Принеси скоро-скоро стеклянную пробирку, – попросила она. – Чистую!

ГЛАВА 22

Соляной столб

Дзинь Ло залезла в убежище Моррисона и тщательно ссыпала всю соль на листок бумаги, бережно собрав пальцем последние крупинки с совершенно чистого на вид пола. Я не верила, что эта соль – наш аптекарь, но понимала, что Дзинь Ло не хочет оставить его без ноги или руки. Закончив, китаянка свернула бумажку фунтиком, высыпала соль в чистую пробирку и вынесла из убежища. Следы слез все еще блестели на ее щеках, но к ней уже вернулось обычное самообладание.

—Где он делает работу? – спросила она.

Бенджамин обвел глазами засыпанный бумагами кабинет и широко развел руки.

—Здесь.

—Нет, – покачала головой Дзинь Ло. – Настоящая работа. Лаборатория.

Бенджамин пожал плечами.

—Не знаю.

—В доме быть должна.

—Только не наверху. Там мы живем.

Я обвела глазами комнату, но в ней не было ни одной двери, кроме той, что вела в магазин.

—Может быть, та запертая дверь в подвале? – предположила я.

Мы снова спустились по лестнице в темноту, и Пип, вытащив свою верную скрепку, принялся ковырять в замке железной двери.

—Нет время, – нетерпеливо бросила Дзинь Ло. – Держи, пожалуйста.

Она протянула мне пробирку, отодвинула Пипа в сторону и распахнула дверь сильным ударом ноги. Полагаю, вы бы назвали бы ее удар приемом кунг-фу, но мы тогда не знали таких слов. Как бы там ни было, дверь слетела с петель, а Дзинь Ло невозмутимо вошла внутрь и зажгла свет. Бенджамин и Пип смотрели на нее с нескрываемым восхищением.

Мы тоже вошли в комнату, в которой, как и предполагала Дзинь Ло, была устроена настоящая лаборатория. Если подвал выглядел пыльным и заброшен-

ным, то лаборатория сверкала чистотой и порядком и была целиком заставлена рядами блестящих банок и бутылочек. Здесь были пробирки и пузырьки, склянки и тигли, пестики и ступки всех размеров: каменные, деревянные и из белоснежного мрамора, а также одна чаша из черного оникса и еще одна из материала, похожего на зеленый нефрит. Вдоль одной стены выстроились плита, раковина и несколько газовых горелок.

Дзинь Ло забегала по лаборатории, как шеф-повар по своей кухне, и вскоре отыскала гигантский медный котел. Она вылила в него белую жидкость из какой-то большой бутыли, плеснула бесцветной влаги из другой склянки и поставила котел на газ.

—Вы же не собираетесь высыпать туда моего отца! — воскликнул Бенджамин.

—Мы долго слишком ожидать, — ответила Дзинь Ли, швыряя горсть черных семян в нефритовую ступку. — Труднее изменить теперь. Ты хочешь ему остаться такой? — Она протянула мне ступку и пестик. — Толкай!

—Но вдруг что-то пойдет не так! — воскликнул Бенджамин.

Дзинь Ло снова обвела взглядом полки и шлепнула Пипа по шкодливой руке, тянувшейся к банке с надписью «Корень солодки».

—Ну, хоть один кусочечек! — взмолился он.

Дзинь Ли даже бровью не повела. Я принялась послушно крошить черные семена тяжелыми пестиком.

—Мне нужно побыть наедине с пробиркой, — объявил Бенджамин.

Дзинь Ло уставилась на него.

—Это соль, — напомнила она.

Бенджамин упрямо стиснул зубы.

—Все равно, — сказал он. — Это мой отец.

Дзинь Ло вздохнула, явно не одобряя подобной сентиментальности, но отдала ему пробирку. Бенджамин взял ее в обе руки и отвернулся. Он что-то прошептал своему отцу, но даже в этой тесной комнатке я не смогла расслышать слов.

Когда жидкость в котле закипела, Дзинь Ло всыпала туда красный порошок, потом добавила несколько мерных ложечек желтой пасты из какой-то банки. Взяв ступку, она придирчиво осмотрела результаты моих усилий, несколько раз с силой вмяла пестик в получившийся порошок и всыпала его в котел. Затем она энергично взболтала варево и приподняла деревянную мешалку, чтобы взглянуть на получившуюся массу: закипев, раствор стал стремительно густеть, превращаясь в буро-зеленую слякоть. Несколько капель этой грязи сорвались с ложки и шлепнулись обратно в котел. Дзинь Ли наклонилась и принюхалась.

—Пора, — скомандовала она Бенджамину.

Бенджамин посмотрел в котел.

—Я не могу, — прошептал он, сжимая в руке пробирку.

—Пора! — с нажимом повторила Дзинь Ло. — Будет слишком поздно, слишком густо!

—Вы уже делали это раньше? — спросил он.

—Нет, — ответила китаянка. — Читала как.

—А если вы что-то неправильно запомнили?

Дзинь Ли пожала плечами.

—Тогда останется он солью.

Я всей душой чувствовала страх Бенджамина. Он боялся, что его отец сейчас исчезнет и его уже никогда нельзя будет вернуть обратно. Наконец он с усилием протянул пробирку Дзинь Ло и отвернулся, не в силах смотреть, как она высыпает его отца в кипящую слизь.

Пип забрался на скамеечку, чтобы заглянуть в котел, а я приподнялась на цыпочки. Как только Дзинь Ли начала мешать, густая смесь стала липкой. Какое-то время все оставалось по-прежнему. Я затаила дыхание. Пип, наверное, тоже не дышал. Я подумала о ведьмах из «Макбета», склонившихся над котлом в ожидании свершения своего злого колдовства. Как там было? «Пясть лягушки, глаз червяги?»* Похоже на то.

Дзинь Ло зачерпнула месиво деревянной ложкой и давай мять и тянуть его, как ириску. Каждый раз, когда она приподнимала ложку, часть варева на мгновение застывала в воздухе. Бенджамин не мог на это смотреть и отвернулся. Один раз мне показалось, будто я мельком увидела под ложкой Дзинь Ли нечто, похожее на человеческое колено. Оно держало форму все-

* Пер. М. Лозинского.

го какую-то долю секунды, потом снова растеклось. Я моргнула и решила, что это мне привиделось. Затем мне почудилось, будто я вижу часть руки, но и она быстро смешалась с клокочущей массой.

Когда смесь начала выкипать из котла, над поверхностью вдруг появилась и снова скрылась голова аптекаря. В следующий раз голова уже плотно сидела на плечах.

Вот две липкие руки ухватились за края чаши и напряглись, с усилием вырывая торс и ноги из клейковины. Через несколько секунд аптекарь уже стоял на столе, возвышаясь над всеми нами, и Дзинь Ло поспешно протянула ему кухонное полотенце, чтобы прикрыть наготу, которая грозила вот-вот сверкнуть из-под стекающей потоками жижи. Аптекарь машинально обернул полотенце вокруг бедер, как будто был на пляже, а китаянка подала ему второе, чтобы вытереть лицо и руки. Пип смотрел на него, разинув рот. Я, наверное, тоже. Дзинь Ло воссоздала аптекаря из крохотной соляной пирамидки, и вот теперь он стоял перед нами — живой, целый и невредимый!

Отец Бенджамина ошарашенно огляделся по сторонам, потом вытянул перед собой руки и стал разглядывать их. Затем его взгляд упал на сына, во все глаза глядевшего на него снизу.

—Бенджамин! — сказал аптекарь.

Пип слез со скамеечки, чтобы аптекарю было проще спуститься с лабораторного стола. Отец Бенджами-

на смахнул липкую жижу со своей бледной груди, и она тяжелыми комьями шмякнулась на пол. Когда Бенджамин порывисто обнял его, вид у аптекаря сделался немного растерянный, и он не сразу неуклюже обхватил сына руками. Я вспомнила, как они ссорились в магазине и как Бенджамин не хотел быть аптекарем, и подумала, что они, наверное, уже очень давно не обнимали друг друга. У меня сжалось сердце при мысли о моих собственных родителях, которые были сейчас где-то за городом и даже не подозревали, где я и что со мной.

Когда Бенджамин и его отец оторвались друг от друга, Дзинь Ло шагнула вперед и протянула руку.

—Дзинь Ло!

Аптекарь несколько раз моргнул.

—Вы?

—Здесь не безопасно оказываться, — сказала она. — Уходим теперь. Есть у вас одежда?

—Простите, — пробормотал аптекарь. — Видите ли, исходя из нашей переписки, у меня сложилось неправильное впечатление, я думал... иными словами, я полагал, что вы мужчина.

Дзинь Ло небрежно пожала плечами, как будто не в первый раз сталкивалась с подобным недоразумением. Сейчас она была необычайно хороша собой, наверное, потому что после возвращения аптекаря впервые оттаяла и перестала выглядеть взвинченной.

Мистер Барроуз обвел взглядом всех нас.

—Ты — та американская девочка, — вспомнил он.

—Да, — ответила я. — Джейни. А это Пип.

—Пип, — пробормотал все еще ошарашенный аптекарь, а потом повернулся к Дзинь Ло: — Сколько это заняло? Я пропустил испытания?

—Нет, — ответила она. — Мы встречаться на корабле завтра.

—Что за испытания? — спросил Бенджамин.

Аптекарь потер липкий лоб.

—Я не закончил приготовления.

—У вас иметься нужные ингредиенты? — спросила Дзинь Ло.

—Да, конечно, — кивнул аптекарь, вытирая лицо. Большая часть слизи уже стекла с него на пол. Бенджамин отыскал отцу запасные очки. Аптекарь вытащил из шкафа аккуратно сложенную одежду, быстро оделся и обвел взглядом полки. Достав из другого шкафа черный докторский саквояж, он стал складывать в него пузырьки и бутылочки. Дзинь Ло бросилась помогать, попутно давая советы.

—Мне нужно попасть в Аптекарский сад, — сказал аптекарь, и только тогда до меня дошло, что он еще ничего не знает.

—Садовник умер, — выпалила я.

Аптекарь молча уставился на меня.

Неожиданно Пип вскинул голову, и все увидели кусочек корня солодки, торчавший у него изо рта.

—Шшш! — прошипел он, указывая пальцем куда-то в потолок.

Мы прислушались. Наверху кто-то ходил!

—Отсюда есть другой выход? — шепотом спросила я.

Аптекарь покачал головой. Потом снял с полки банку, наполненную серым порошком, и протянул ее Дзинь Ло, которая открыла ее и понимающе кивнула. Взяв длинную стеклянную трубочку из штатива для инструментов, она воткнула ее в порошок, как соломинку для коктейля.

Аптекарь молча взял свой саквояж.

Не выпуская из рук банку, Дзинь Ло первая вскарабкалась вверх по лесенке, а я последовала за ней. Выглянув в кабинет, я увидела спины двух мужчин, сидевших на корточках перед убежищем Моррисона. Лиц не было видно, но я сразу узнала Дэнби и Шрама.

Дзинь Ло на цыпочках двинулась в сторону двери. Я тоже вылезла из подвала, правда, не так бесшумно. Половица скрипнула у меня под ногой, и мужчины разом обернулись.

Шрам бросился ко мне, но Дзинь Ло вытащила трубочку из банки и дунула серым порошком на обоих мужчин, целясь в лица. Они схватились за глаза. Дэнби громко закричал, а Шрам прорычал что-то по-немецки. Он кинулся на Дзинь Ло, пытаясь наугад схватить ее, но она увернулась.

Мы понеслись через разгромленную аптеку к двери, Бенджамин, Пип и аптекарь бежали следом. Дэнби и Шрам пытались нас догнать, да где им! Они только сослепу врезались во все шкафы и стеллажи.

–Эта штука навсегда их ослепила? – спросил Бенджамин, когда мы быстро шагали по Риджентс-парк, но, разумеется, не так быстро, чтобы привлечь к себе внимание прохожих.

–Нет, что ты! – ответил аптекарь. – Было бы ужасно ослепить кого-то на всю жизнь!

–Не вижу ничего ужасного в том, чтобы ослепить эту парочку, – процедил Бенджамин.

–Нет-нет, – возразил его отец. – Даже их не стоит.

ГЛАВА 23

План аптекаря

Аптекарь смертельно побледнел, когда мы рассказали ему, как был убит садовник. Я считала, что в сад нам возвращаться небезопасно, но аптекарь настаивал. Бенджамин и Дзинь Ло, поддерживая его под руки, зашли за угол нашего дома, а я забежала внутрь, чтобы предупредить миссис Пэрриш, что остаюсь ночевать у своей подруги Сары и мы будем вместе делать домашнее задание по латыни.

—А родители твои не будут против? — спросила миссис Пэрриш.

—Нисколечко! — заверила я.

—В мое время мало-мальски привлекательные девушки не забивали себе голову всякой латынью, — заявила миссис Пэрриш. — Боялись, как бы парни не сочли их чересчур умными!

—Времена определенно изменились! — воскликнула я, ослепительно улыбаясь и пятясь к двери. Даже с порога я чувствовала исходивший от хозяйки аромат джина. Это вселяло надежду, что миссис Пэрриш не обратит внимания на мою одежду от Бенджамина.

—О дивный новый мир! — провозгласила хозяйка. — Значит, твою подружку зовут Сьюзен?

—Сара, — поправила я.

—Ну да, — кивнула хозяйка. — Сара. Надо бы где-нибудь записать.

—До свидания, миссис Пэрриш! — сказала я, закрывая за собой дверь.

Пробираясь в темноте боковыми улочками в Челси, мы рассказали аптекарю о том, как нас арестовали и отвезли в Тернбулл и как там нас чуть не сцапал Дэнби, наш учитель латыни, оказавшийся шпионом, и его дружок из Штази.

—Дэнби уверял нас, что Шрам двойной агент и работает на Англию, — сказал Бенджамин. — Но мы считаем, что он, возможно, и двойной агент, но работает на русских.

—Понятно, — пробормотал его отец, но мне показалось, что ему ничего не понятно.

Наконец мы добрались до Аптекарского сада, и отец Бенджамина смерил взглядом запертые ворота.

—Мне нужно увидеть место, где погиб садовник, — сказал он.

Про себя я твердо решила, что ни за что не войду в дом, но вместе со всеми помогла аптекарю перелезть через изгородь. Пип и Дзинь Ло без труда перебрались самостоятельно и спрыгнули в траву с другой стороны.

В саду было тихо, и чтобы не хрустеть гравием, мы шли по траве вдоль дорожек. Мы показали аптекарю изуродованные солнечные часы, и он заглянул в окно домика, где мы нашли садовника. Там на полу до сих пор виднелось темное пятно, и я сразу поняла, что это кровь. Вслух я ничего не сказала, но про себя подумала, что возвращаться на место преступления было большой глупостью.

—Я просто не могу понять, зачем кому-то понадобилось убивать его, — пробормотал аптекарь. — Он был добрейшим человеком!

—Они убили его за то, что он помог нам, — тихо сказала я. — Это мы виноваты.

—Нет, — покачал головой аптекарь. — Это моя вина.

Мы показали ему грядку, где среди *Артемисии веритас* была спрятана бутылочка с эликсиром.

—Вы... — нерешительно спро́сил аптекарь.

—Я был полевым жаворонком, — ответил Бенджамин. — Так мы удрали из Тернбулла.

Его отец грустно улыбнулся.

—Мой отец показал мне птичий эликсир, чтобы уговорить принять его практику, — сказал он. — Я собирался последовать его примеру.

—Это сработало бы, — буркнул Бенджамин.

—Да, теперь я понимаю. Я собирался рассказать тебе все, когда ты будешь готов. Но ты... понимаешь, мне казалось, что ты выбрал другой путь.

—Если бы ты сказал мне правду, все могло быть по-другому!

Я почувствовала, что больше ни минуты не могу оставаться возле дома убитого садовника.

—Мне кажется, нам не стоит здесь задерживаться, — сказала я. — Нас могут увидеть. Как долго Дэнби и Шрам останутся слепыми?

—Зависит от дозы и точности нанесения, — ответил аптекарь.

—Точность очень точная, — доложила Дзинь Ло. — Доза самая полная.

—Тогда, наверное, до утра, — сказал аптекарь. — Но мне нужно быть в саду с первым лучом солнца.

—Можем спрятаться под белой шелковицей, — предложил Бенджамин. — Я раньше там часто играл.

Он повел нас прочь от домика, вывел из внутреннего сада, и вскоре мы очутились перед деревом с длинными ветками, склоненными до самой земли.

Бенджамин приподнял одну ветку, и мы вошли в настоящую зеленую пещеру, достаточно просторную для того, чтобы мы впятером могли свободно рассесться вокруг ствола.

—Классное укрытие! — восхитился Пип и, растянувшись на земле, уставился в крышу из зеленой листвы над головой.

—А теперь объясни мне, почему за тобой охотятся и британские вооруженные силы, и советские спецслужбы, — потребовал Бенджамин у отца.

Аптекарь сел на землю и помолчал, собираясь с мыслями.

—Мой отец, — неторопливо начал он, — а до него его отец и поколения нашей семьи со времен Средних веков занимались изучением природы вещей и исследованиями, выросшими из стремления исцелять человеческий организм. Эта деятельность всегда была тайной, и очень часто власти считали ее опасной и подлежащей искоренению. Счастливым исключением можно назвать Генриха VIII. Он очень интересовался медициной и не боялся пробовать новейшие методы для лечения своих многочисленных хворей. К сожалению, он слишком часто менял свое отношение к этим методам. Как, впрочем, и к своим женам.

—Наши предки знали короля? — поразился Бенджамин.

—Монаршья милость приходит и уходит, — ответил аптекарь. — Но все секреты нашей семьи бережно со-

хранены в «Фармакопее». – Он внезапно встревожился. – Книга у тебя?

По лицу Бенджамина я поняла, что он совершенно забыл о «Фармакопее».

–Она в безопасном месте, – ответил он.

–В каком таком месте?

–В школе.

Аптекарь содрогнулся.

–Там, где работает ваш мистер Дэнби?

–Мистер Дэнби не знает, где она, к тому же он ослеп, – напомнила я.

–Надеюсь, вы правы, – пробормотал аптекарь и продолжил свой рассказ: – Со временем, когда путешествовать и общаться в нашем мире стало проще, мы потихоньку начали искать людей, занимающихся сходными исследованиями в других странах. Надо вам сказать, что такая работа всегда становится активнее в периоды войн, когда стремительно возрастает урон, наносимый жизни и здоровью людей. На появление новых и революционных способов причинять вред и увечья мы отвечаем открытием новых и революционных методов борьбы с болью и ранами. Разумеется, в ходе такой работы неизбежно проводились различные побочные исследования, а также совершались открытия, не имевшие отношения к медицине. Именно так, скажем, были открыты способы временного изменения объекта.

–Например, превращение в птиц? – спросил Пип.

—Именно, — кивнул аптекарь. — Друзья мои, напомните мне, кто этот мальчик?

—Мы с ним вместе сидели в Тернбулле, — ответил Бенджамин. — Он помог нам сбежать. Он наш друг.

—В таком случае я должен поблагодарить вас, мой юный друг.

Пип с достоинством кивнул.

—Рассказывайте дальше!

—Ты был совсем маленьким, Бенджамин, когда началась война, — сказал аптекарь. —

В то время младенцев тысячами увозили в сельскую местность, вешая им на шею бирки с именем. Ты был слишком мал, чтобы отослать тебя одного. Некоторые матери уезжали вместе с детьми, но твоя мать помогала мне в работе. Она не хотела уезжать, а я... я просто не знал, что буду делать без вас обоих. И очень долго все шло нормально. Нам выдали для тебя детский противогаз, и твоя мама повсюду таскала эту жуткую маску, но она так никогда и не пригодилась. А потом началась Битва за Англию, когда нас стали бомбить каждую ночь. Сотни немецких самолетов сбрасывали сотни тонн фугасных и зажигательных бомб. В конце концов мы решили, что тебе нельзя оставаться в Лондоне и твоя мать должна увезти тебя за город. Мы занялись приготовлениями к вашему отъезду, но однажды ночью неразорвавшаяся бомба упала прямо посреди Риджентс-парк роуд.

Аптекарь замолчал, глядя на свои руки.

—Твоя мама закончила курсы медсестер и работала в Женской добровольной службе. Когда налет закончился, она вышла на улицу, чтобы посмотреть, есть ли пострадавшие и нужна ли кому-нибудь помощь... и тут бомба неожиданно разорвалась, и твою маму отбросило к стене. Ей сломало шею, она умерла мгновенно.

Под шелковицей воцарилась оглушительная тишина, поглотившая все звуки.

—Люди потушили пожар, — снова заговорил аптекарь. — А я сидел на улице, посреди криков и хаоса, с мертвой женой на руках. Я не знал, что бывает такая боль. Я был раздавлен бесчеловечностью бомбардировок. И страхом.

И тем, что столько мальчиков погибают во Франции, Италии, Греции, Африке и Германии ради победы — боже, в эти годы я жил в каком-то кошмаре. В безумии. Потом, чтобы положить конец войне, были сброшены бомбы на Хиросиму и Нагасаки. И повсюду было ликование и счастье. Все радовались, что у американцев теперь есть такое могущественное оружие. Из переписки с разными учеными я знал о ведущихся ядерных исследованиях, но оказался не готов к появлению бомбы. Помню, когда я узнал о бомбардировках, то сразу подумал о том, что та немыслимая боль, которую я испытал после смерти твоей матери, только повторенная сотни тысяч раз, двумя чудовищными облаками накрыла два японских города. А на самом деле всю страну.

Дзинь Ло стала беззвучно всхлипывать, и аптекарь повернулся к ней. Я подумала, что она снова вспомнила японских солдат в Китае и растерялась, не зная, как объяснить это аптекарю. Но Дзинь Ло как будто прочитала мои мысли.

—Я хорошо, – сказала она, вытирая глаза. – Рассказывайте рассказ.

—В последние годы и так было слишком много гнева, горя, ярости и боли утрат, – продолжал аптекарь. — А теперь появилась эта ужасная бомба, при помощи которой разгневанные люди могли просто стереть друг друга с лица земли! Понимаете, у меня на руках был маленький мальчик, росший среди горя и руин, и я не мог допустить мысль о том, что он будет взрослеть под гнетом этого страха. Наш мир не заслужил эту ужасную бомбу!

Он помолчал, задумавшись.

—Поэтому я начал работу. В общих чертах я представлял, чем занимаются ученые-ядерщики, а также знал, как переставлять атомы, создавать новые связи и воздействовать на них, чтобы превратить одно вещество в другое.

Этим занимался мой отец, а до него его отец. Я работал, а повсюду распространялись слухи. Оказалось, что Советский Союз создает свою бомбу, а американцы в ответ делают еще более мощное оружие. Обе страны спешно накапливают вооружение, способное уничтожить весь наш мир. Говорят, что если атомное

оружие есть у обеих сторон, то ни одна из них никогда не пустит его в ход. Но мне кажется, я немного разбираюсь в людях и их оружии. Они непременно захотят его использовать.

—И скоро, — сказал Пип, сидевший, подвернув под себя ноги и положив подбородок на руку, как ребенок, слушающий сказку.

—Я хотел придумать способ обезопасить целый город, — сказал аптекарь. — Но это оказалось очень трудно. Сначала я подумал создать нечто вроде щита, то есть такую область, в которой атомное ядро просто не могло бы делиться. Сделать маленький щит можно, но очень трудно создать такой большой, чтобы накрыть целый город. Тогда я подумал об изоляции, то есть о мерах, которые могут быть приняты сразу же после нанесения ядерного удара. Я служил в подразделениях гражданской обороны, поэтому знал, что при обнаружении самолета будет подан сигнал. И вот я решил, что раз уж мне не по силам создать ограждающий щит над городом, то попробую, по меньшей мере, поймать и блокировать разрушительное воздействие и радиацию, которую несет с собой бомба. Я стал писать в разные страны разным людям, работавшим над похожей проблемой. Вот так мы начали переписываться с Дзинь Ло, — аптекарь посмотрел на молодую женщину с длинной черной косой, — которую я, каюсь, представлял импозантным седовласым мужчиной.

Дзинь Ло дернула плечом.

—Это неважно.

—Вы создали самый изящный проект ловушки, — с уважением сказал аптекарь. — Надеюсь, вы не откажетесь описать ее?

—Рассказать им все? — уточнила Дзинь Ло.

—Хотя бы в общих чертах.

Дзинь Ло пожала плечами.

—Получается полимер.

Аптекарь ждал, что она продолжит, но Дзинь Ло не стала этого делать.

—Идея совершенно гениальна по своей простоте, — объяснил нам отец Бенджамина. — Дзинь Ло предлагает распылить в воздухе мельчайшие частицы вещества, которые, вступив в реакцию с радиацией, создадут исключительно прочный полимер, который, затвердевая, начнет сжиматься. Это сжатие загонит взрыв, если можно так выразиться, обратно. Если все сработает, как задумано, это будет грандиозное зрелище.

—А если нет, мы умереть, — добавила Дзинь Ло.

Аптекарь проигнорировал это замечание.

—Мне же предстояло найти средство поглотить радиацию, которая может высвободиться даже в том случае, если ловушка нашей Дзинь Ло поглотит взрыв, — продолжал он. — Я предположил, что решение этой задачи лежит в области ботаники. Всем известно, что растения поглощают губительный для нас углекислый газ, и я решил найти растение, которое впитало

бы радиацию. Я испробовал разные методы, но в конце концов остановился на цветке дерева джайвал, или белом лотосе, который был куплен в Индии в прошлом веке. Воздух вокруг цветка джайвал особенно насыщен Квинтэссенцией. – Отец Бенджамина сделал многозначительную паузу, очевидно, полагая, что мы поймем смысл сказанного и затрепещем от восторга.

–А что... что такое Квинтэссенция? – спросила я.

–Это же пятый элемент! – ахнул аптекарь, потрясенный моим невежеством. – Источник жизни! Жизненная сила, способная победить силу разрушения, понимаете? Единственная трудность заключается в том, что в Англии есть только одно дерево джайвал, и хотя оно растет в этом саду, у него очень долгий и медленный жизненный цикл! Наш джайвал снова зацветет только в 1955 году, то есть через три года! До последнего времени я считал, что это не важно и у нас достаточно времени. Но тут Советский Союз провел испытание собственной ядерной бомбы, и англичане тоже включились в гонку. У меня оставался только один выход – заставить цветок расцвести раньше времени, но это оказалось очень трудно.

Аптекарь снова замолчал, очевидно, погрузившись в воспоминания о перипетиях жизненного цикла дерева джайвал.

–А потом? – осторожно спросил Бенджамин.

—Ах да, потом, — встрепенулся аптекарь. — Леонид Шишкин, наш источник в советском посольстве, передал, что Советский Союз планирует провести испытание новой бомбы на севере, на архипелаге под названием Новая Земля. Поэтому нам пришлось ускорить исполнение нашего плана. Дзинь Ло и еще один наш коллега, венгерский физик граф Вилмос, живущий в Люксембурге, должны были как можно скорее приехать в Лондон.

Мы с Бенджамином переглянулись. Венгерский граф! Да ведь это тот дородный мужчина из отеля!

—Но Дзинь Ло арестовали сразу же, как только она прилетела в Лондон, — продолжал аптекарь. — Меня тоже едва не схватили. Должно быть, власти перехватили наши письма и подобрали ключ к шифру. Мы их недооценили. Если граф Вили до сих пор в безопасности, возможно, они еще не пронюхали о корабле. Мы не упоминали о нем в переписке. Но мы не знаем, в безопасности ли он!

—Этот граф, он такой упитанный щеголь? — спросил Бенджамин.

Аптекарь просиял.

—Он самый! Ты его видел?

—Мы видели, как Шишкин передал ему послание в газете, — сказала я. — За день до того, как он связался с вами. Мы проследили за ним до гостиницы, но не смогли выяснить его имя.

Аптекарь нахмурился.

—Зачем вы за мной следили?

—Мы не за тобой, мы за Шишкиным, — сварливо пробурчал Бенджамин. — Я думал, что он шпионит против Англии!

—Но почему ты не подумал, что это могут быть мои коллеги?

—Откуда мне было знать, если ты мне ничего не рассказывал?

—Расскажите нам про графа Вили, — попросила я, испугавшись, что они сейчас снова начнут препираться. — Он тоже не обычный физик, да? Сдается мне, он такой же физик, как вы аптекарь!

—Его полное имя граф Вилмос Хадик-Галанта, — ответил аптекарь. — После Первой мировой войны он остался сиротой, поэтому ему дали огромную сумму денег, немецкого гувернера и отправили учиться в Люксембург. Его гувернер, как ты только что изящно выразилась, не был обычным физиком, и он взял способного мальчика в ученики. У Вили оказался настоящий талант к работе.

—Как и у вас, — сказала я, посмотрев на Дзинь Ло. Она расплела свою косу и теперь расчесывала пальцами шелковистые пряди, спускавшиеся до самого пояса. Когда я расплетала свои косички, мои волосы оставались волнистыми, как шерсть у овцы, и от этого спасало только мытье головы, но у Дзинь Ло они были гладкие и ровные, как черная вода.

—Я познакомился с Вили, когда он приехал в Англию, чтобы поступить в Кембридж, — продолжал аптекарь. — Он был тогда обычным безалаберным юнцом.

Его не интересовало ничего, кроме попоек да катания по реке на яликах. Мой отец считал, что он позорит нашу профессию. Но, как многие мужчины, он со временем нашел свой путь и свою цель в жизни. И добился того, что все считали невозможным. Он научился останавливать время!

—Это невозможно, — тут же заявил Бенджамин.

—Пожалуй, — согласился его отец. — Точнее сказать, он замораживает время подобно тому, как при помощи охлаждения мы замедляем течение химической реакции. Наш Вили замедляет время в непосредственной близости от себя, а затем выходит за границы этой области, получая возможность действовать быстрее своего окружения. Это потрясающе! Вообще венгры творят чудеса в физике, как, впрочем, в музыке и математике. Наверное, это следствие того, что никто в мире не понимает их языка. Венграм волей-неволей пришлось найти внеязыковой способ общения с остальным человечеством! — Аптекарь улыбнулся своим мыслям.

—Значит, он замораживает время, — напомнил Бенджамин, возвращая его к рассказу.

—Да-да, и это будет нам очень полезно, — закивал аптекарь. — Даст возможность все как следует подготовить. Кроме того, Вили сказочно богат, что дает нам непосредственные преимущества прямо сейчас. Он зафрахтовал научно-исследовательский ледокол, который отвезет нас на север. Он также нанял надежную норвежскую команду и лодку для путешествия по

фьордам. Это наша единственная надежда подобраться к Новой Земле.

—Но сначала мы нуждаться цветы джайвал, — напомнила Дзинь Ло. Ее тонкие пальцы так и мелькали, заплетая волосы в черную шелковую косу.

—Да, конечно, — согласился аптекарь. — Начнем на рассвете, с первыми лучами солнца. А сейчас я предлагаю остаться здесь и поспать немного.

—Но мы же чай не пили! — сказал Пип.

Аптекарь растерянно захлопал глазами. Он умел превращаться в соляную пирамидку и надеялся обезвредить атомную бомбу, но, к сожалению, не мог достать ужин для трех детей с ветки шелковицы.

—Позавтракаем утром, — сказал он. — Сейчас никому из нас нельзя покидать сад. Мы все слишком много знаем.

Пип сощурил свои круглые лемурьи глаза, посмотрел в лицо аптекарю и отчеканил:

—Слушайте, мистер, вы как хотите, но я не привык спать на голой земле без чашки вечернего чая.

Послышался шорох ветвей, и он исчез, словно растаял в темноте.

Никто не бросился за ним — никто из нас все равно не смог бы поймать Пипа — и аптекарь грозно воззрился на нас с Бенджамином.

—Что вам известно об этом мальчике? — недовольно спросил он. — Откуда вы знаете, что его не подсадили к вам в камеру?

—Мы сначала так и подумали, — призналась я. — Но никто его не подсаживал.

—Ты за него ручаешься?

—Ручаюсь.

—Я тоже, — поддержал Бенджамин.

—Но что, если его поймают снаружи?

—Ему это грозит меньше, чем любому из нас, — хмыкнул Бенджамин.

—И все-таки, — не сдавался его отец, — было безрассудством привести его с собой!

—Не безрассудство, — сказала Дзинь Ло. — Я тоже ручаться.

Она туже обернула брезентовый комбинезон вокруг своей хрупкой фигурки, перекинула косу через плечо и свернулась калачиком, словно всю жизнь только и делала, что спала под деревьями.

Аптекарь, оставшийся в меньшинстве, улегся на спину, подложив под голову свой докторский саквояж. Нам с Бенджамином осталось примерно три фута свободного места.

Я расстелила на земле краденый голубой дождевик и свернулась клубочком, подложив руку под щеку. Мне было ясно, что я ни за что не усну. Сова громко заухала в ночном небе, и я подумала, что быть мелкой пташкой или еще какой-нибудь дичью все-таки хуже, чем мной. Земля была холодная, и вскоре я начала дрожать под рубашкой и свитером Бенджамина.

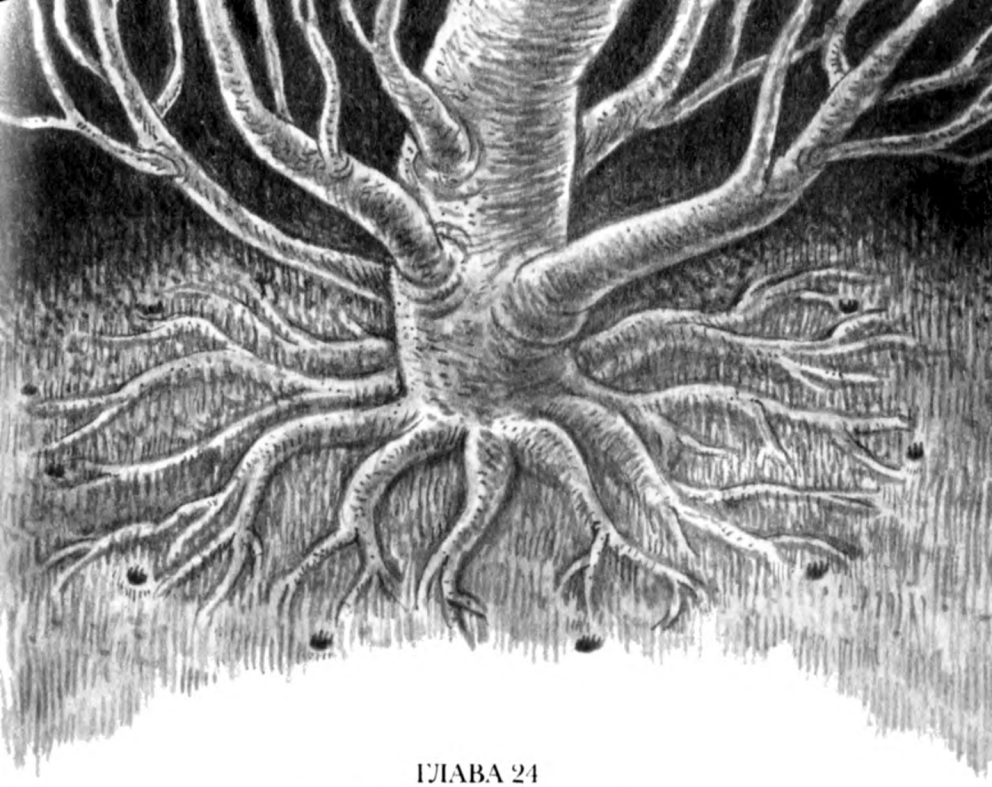
—Ты замерзла, — шепнул он, а потом положил свою руку мне под голову и накрыл меня полой своего пиджака. Там было тепло и пахло мальчиком. Кажется, Бенджамин хотел спать еще меньше, чем я.

—Бенджамин, — прошептала я.

—Что?

—Все будет хорошо?

—Надеюсь, — сказал он, и я почувствовала, как пульс его руки бьется под моей щекой. — Честное слово.



ГЛАВА 24

Темная энергия

Кажется, я все-таки уснула, потому что мне приснилось, как я плыву на лодке по огромному морю, среди тюленей и моржей, которые поднимались из воды и заговаривали со мной по-норвежски. Большую часть сна я переживала из-за того, что потеряла «Фармакопею», но когда нашла ее, то все страницы у нее оказались пугающе пустыми...

Я проснулась на рассвете от птичьей переклички и не могла понять, где очутилась, пока не увидела ря-

дом с собой заспанное лицо Бенджамина. Серый рассвет просачивался сквозь листву шелковицы.

Я села и увидела, что аптекарь и Дзинь Ло тоже проснулись. Дзинь Ло отряхивала комбинезон от земли. Похоже, никто из них не заметил, что мы с Бенджамином спали под одним пиджаком. Аптекарь был слишком погружен в свои мысли, а Дзинь Ло, по моему глубокому убеждению, никогда не снизошла бы до такого наблюдения.

—Этот ваш мальчик так и не вернулся! — заявил аптекарь. — Ваш так называемый друг!

—Он вернется, — твердо ответила я, хотя не была в этом уверена.

Мы осторожно выбрались из своей зеленой пещеры под ветвями и с облегчением убедились, что поблизости нет ни полицейских, готовых арестовать нас, ни прозревших Дэнби со Шрамом. Отец Бенджамина провел нас через мокрый от росы сад к голому дереву без единого листа, которое я не заметила раньше. Аптекарь разглядывал дерево в упор, как смертельного врага. Я тоже присмотрелась. На ветках дерева не было ни единой почки, а в цвете коры — ни намека на теплый оттенок коричневого. Это дерево легко можно было принять за скульптуру, сделанную из камня или бетона — переплетение совершенно гладких, голых серых веток, воздетых к небу.

—Вы можете заставить его зацвести? — спросила я.

Вместо ответа аптекарь стал методично распаковывать свой черный докторский саквояж.

Дзинь Ло отошла к сараю садовника и принесла посадочный кол с Т-образной деревянной рукояткой. Не говоря ни слова, она обошла дерево кругом, делая аккуратные глубокие лунки между узловатыми корнями. Аптекарь шел за ней со склянкой в руках и сыпал в лунки какой-то зеленый порошок.

Затем он обошел дерево во второй раз, теперь с бутылочкой прозрачного раствора, и залил лунки поверх порошка. Из земли тут же повалила зеленая пена, и вскоре вокруг корней и ствола дерева забурлило кольцо лопающихся пузырей.

Аптекарь обошел вокруг дерева в третий раз, на этот раз с совком, и засыпал все лунки грунтом, так что шипение и бурление оказалось заперто под землей. Потом он вернулся к нам и стал ждать. Я вспомнила стихотворение, которое мы читали в школе: «Сюда, скорей сюда, глядите, / О, как горят его глаза! / Пред песнопевцем взор склоните, / И этой грезы слыша звон, / Сомкнемся тесным хороводом...»*.

Но ничего не произошло. Мы стояли, смотрели и ждали.

—Так это и есть дерево джай-бабай? — раздался звонкий голос у меня за спиной, и, обернувшись, я увидела

* С. Кольридж. Кубла хан. Пер. К. Бальмонта.

Пипа с большим бумажным пакетом в руках. Никто из нас не заметил, как он появился, но теперь я увидела, что Пип успел обуться и сменить безразмерный комбинезон с подвернутыми рукавами и штанинами на обычную одежду.

—Ты вернулся! – обрадовалась я.

—А ты думала, я пропущу такое представление? На, возьми пончик.

Он протянул мне пакет, и я, отряхнув грязные руки, вытащила один пончик. Он оказался горячий, мягкий и такой головокружительно ароматный, что я почувствовала зверский голод.

—Где ты это достал?

—Одна португальская дама печет их на Кингз-Роуд, – сказал Пип, откусывая от своего золотистого пончика.

И тут Бенджамин воскликнул:

—Смотрите!

Я повернулась и увидела, что на ветках стали появляться крошечные зеленые листочки. Развернувшись, они продолжали стремительно расти, и вскоре все ветки оказались усыпаны плотной глянцевой листвой. Листья еще продолжали раскрываться, когда начали набухать первые цветочные почки.

—Ну-ка, подержи, – сказал аптекарь, протягивая Бенджамину стеклянный колпачок, которым укрывают растения. – Неизвестно, как долго будет продолжаться цветение.

На наших глазах цветочные почки превратились в тугие бутоны размером с мой кулак, которые вдруг разом распустились на всех ветвях. Казалось, огромное дерево внезапно вспыхнуло, как костер, одевшись пламенем белоснежных цветов размером с мою голову. В воздухе запахло дурманящей сладостью, как весной.

Аптекарь нагнул ветку, увенчанную единственным белым цветком, и знаком показал Бенджамину, как накрыть колпачком лепестки. Затем он отщипнул цветоножку. Так они срезали еще два цветка, а потом аптекарь аккуратно затянул открытое основание колпачка кусочком ткани и смочил ее какой-то жидкостью из бутылочки.

Не успел он запечатать три цветка, как откуда-то из глубины земли под корнями дерева послышался глухой рокот, и толстый ствол содрогнулся.

Аптекарь нахмурился.

—Отойдите, — велел он, и мы, словно загипнотизированные, дружно шагнули назад.

Один из белых цветов на дереве затрепетал и стал увядать прямо у нас на глазах. За ним последовали остальные. Лепестки съеживались, серели и сохли, от веток повалил густой серый дым. Аптекарь отважно бросился вперед и успел сорвать с ветки один из последних белых цветков, еще не тронутых увяданием. Он быстро рассек его перочинным ножом и выжал сок из чашечки в отдельный пузырек.

Затем он поднял голову, и мы все увидели, что серый дым, поднимавшийся от дерева, собрался наверху в темное облако. Снова послышался рокот, но на этот раз гремело из облака, как во время грозы.

Но это был не гром: это было больше похоже на недовольное ворчание. Я затрудняюсь описать это облако, но одно могу сказать точно – по-моему, оно обладало разумом. Оно казалось огромным существом, сотканным из черного клубящегося тумана и наделенным собственным устремлением или, если хотите, волей. Тогда эта мысль показалась мне бредовой, хотя я не могла отделаться от своих ощущений, теперь же все это совсем не кажется мне глупостью. Облако решительно поплыло прочь, как будто точно знало, куда направляется.

Аптекарь, задрав очки на переносицу, проводил взглядом черное облако, плывущее над Лондоном.

–Этого-то я и боялся, – пробормотал он.

–Чего этого? – спросил Бенджамин.

–Последствий насильственно вызванного цветения. Полагаю, это нечто вроде радиации, выделяющейся при расщеплении атомного ядра. В «Фармакопее» данный феномен назван Темной энергией.

–Она опасна? – поинтересовалась я.

–Не могу точно сказать, – ответил аптекарь. – Я никогда не сталкивался с ней раньше.

Он сорвал с ветки увядший серый цветок, чтобы получше его рассмотреть, но сухие лепестки рассыпались в пыль у него в руках.

Я посмотрела на три цветка, заключенные в стеклянный колпак, – их толстые глянцевые лепестки оставались все так же белоснежны, свежи и прекрасны.

–На ваши цветы эта энергия не подействовала, – заметила я.

–Я принял меры предосторожности, – ответил аптекарь. – Так, теперь мы должны быстренько собрать все необходимое и отправиться на корабль.

–Если мы хотим плыть на Новую Землю, нам понадобятся теплые пальто, – сказал Бенджамин. – И ботинки.

Аптекарь грозно воззрился на него из-под очков.

–Нам? – переспросил он. – Ты не едешь ни на какую Новую Землю!

–Еще как еду, – отрезал Бенджамин. – Я тебе нужен.

–Если Бенджамин едет, то и я тоже, – сказала я.

–И я! – воскликнул Пип.

Аптекарь, до сих пор не проявлявший никаких родительских чувств, призвал на помощь все свое отцовское негодование и даже, казалось, стал на несколько дюймов выше ростом.

–Вы думаете, что я возьму детей на испытание ядерной бомбы? – вскричал он.

–Мы можем вам помочь, – заметила я. – Дзинь Ло, скажите ему, что от нас много пользы!

Дзинь Ло пожала плечами. Честно говоря, мне успели порядком надоесть ее красноречивые пожатия.

–Они несколько помочь, – признала она.

–Не несколько, а очень даже много!

–Это не обсуждается, – поставил точку аптекарь. – Довольно, я сказал! Мне нужно свериться со своими записями. – Он похлопал себя по карманам, но ничего не нашел. Мы молча ждали.

–Они есть потеряться? – спросила Дзинь Ло.

–О, нет! – простонал аптекарь. – Они остались в «Фармакопее»!

ГЛАВА 25

Научная команда

Мы с Пипом и Бенджамином отправились в Сент-Беден за книгой, а аптекарь и Дзинь Ло пошли собирать все необходимое для путешествия. Через два часа они должны были встретиться с графом Вили на ледоколе «Конунг Олаф», ожидавшим их на пристани Темзы, – разумеется, в том случае, если Вили остался невредим и не похищен. Мы должны были принести туда же «Фармакопею» – опять же в том случае, если она была невредима и не похищена.

Было довольно рано, и уроки еще не начались, но ученики толпились группками во дворе, болтая между собой. Когда мы поднимались по лестнице, я все время искала глазами мистера Дэнби. Я пыталась держаться как ни в чем не бывало, словно это был обычный школьный день, но это было не так-то просто, учитывая, что мы все трое были без формы. На мне до сих пор была одежда Бенджамина, причем порядком измятая и испачканная, поскольку я в ней спала на земле. Какая-то мама, провожавшая свою дочь до школьных дверей, смерила меня неодобрительным взглядом.

Мы направились к кабинету химии, который стоял открытый настежь. Бенджамин заглянул внутрь и сделал нам знак рукой. В классе было пусто, и я с тревогой посмотрела на полку в дальнем углу, холодея при мысли, что мы можем подвести аптекаря.

К счастью, книга была на том же месте, где мы ее оставили. Потрепанный коричневый кожаный корешок «Фармакопеи» легко затерялся среди других толстых томов и переплетов. Бенджамин вытащил нашу книгу и сунул в свою сумку, куда она, как и раньше, не поместилась целиком.

—Доброе утро, — раздался у нас за спиной голос с сильным русским акцентом, и мы поспешно обернулись, ожидая самого худшего.

Но это был всего лишь Сергей Шишкин, стоявший в дверях кабинета химии. Сальные пряди волос падали ему на глаза, и вид у него был больной.

—Привет, Сергей, — сказала я. — Что случилось?

—Ничего! — выкрикнул он, и лицо его исказилось, словно он изо всех сил старался не расплакаться. — Я ничего не знаю!

—Что-то случилось с твоим отцом?

—Нет! — с излишней поспешностью выпалил он.

—Ты можешь нам рассказать, — сказала я. — Мы твои друзья.

Мы даже не заметили, как Пип на цыпочках вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь.

Сергей вздрогнул от этого звука.

—Я не могу ничего вам рассказать!

—Еще как можешь, — вкрадчиво возразила я. — У членов научной команды не может быть секретов друг от друга!

Признаю, это прозвучало довольно зловеще, но надо же было выяснить, что он знает!

Бенджамин вынул из лабораторного штатива пробирку, заполненную какой-то прозрачной жидкостью, и поднял ее над головой.

—Мы только что приготовили новую порцию «Запаха правды», — объявил он. — Совсем свеженькая!

—Не надо, прошу вас! — взмолился Сергей.

—Ты же знаешь, как действует эликсир, — сказала я. — Так что лучше выкладывай сразу.

—Я не могу!

—Что ж, ты не оставил нам выбора, — вздохнул Бенджамин и выплеснул жидкость на пол у ног Сергея, за-

брызгав его черные ботинки на толстой подошве. Я взмолилась про себя, чтобы это оказалась вода, а не какая-нибудь кислота. – Чувствуешь запах? – спросил Бенджамин. – Теперь тебе придется рассказать нам все начистоту!

Несчастный Сергей был в смятении. Мы преградили ему путь, и, чтобы убежать от лужи, ему пришлось бы сбить с ног одного из нас. Пролитая жидкость ничем не пахла, но медленно и грозно расползалась по полу.

–Ты видел, как твой отец сломался, – напомнил Бенджамин. – А он сильный мужчина. Ты-то и подавно не выдержишь.

Сергей закрыл руками лицо и застонал.

–Ну вот, сейчас ты уже должен почувствовать что-то странное, – безжалостно сказала я.

–Прошу вас, – взмолился Сергей. – Не заставляйте меня. Мне нельзя... Моя мама... – Он замолчал.

–Что с твоей мамой? – спросил Бенджамин.

И Сергей не выдержал. Наверное, необходимость поделиться с кем-нибудь своим отчаянием сыграла в этом не меньшую роль, чем вера в неодолимое воздействие «Запаха правды».

–Они ее схватили! – расплакался он. – Люди из МГБ. Советские спецслужбы. В Москве. Они знают про план твоего отца, им все известно! Они приказали моему отцу продолжать притворяться, чтобы помочь советским разведчикам захватить корабль, и пригрозили, что, если он откажется, они убьют мою мать и сестру!

Мы молча смотрели на Сергея.

—Это правда? — наконец спросил Бенджамин.

Сергей махнул рукой на лужу у ног.

—Как я могу вам соврать?

—Мы должны предупредить моего отца, — сказал Бенджамин.

—Нет! — закричал Сергей. — Если он узнает, он отошлет моего папу прочь, а он обязательно должен быть на борту! За ним следят, они должны видеть, что он отплыл!

—Значит, мы должны пробраться на борт и остановить его, когда корабль отойдет.

—Но как же моя мама? — заплакал Сергей.

—Мы придумаем, как ее защитить, — пообещал Бенджамин. — Не волнуйся.

Мы замолчали, обдумывая, как это можно сделать.

—Сначала надо пробраться на корабль, — сказал вновь появившийся Пип.

—Можно использовать... мусорный бак, — предложила я. Мне не хотелось говорить о невидимости при Сергее.

—Да мы замерзнем там насмерть, голышом-то! — фыркнул Бенджамин.

—Какой мусорный бак? — спросил Сергей, вытирая слезы. — И почему голышом?

—Нам срочно нужно раздобыть настоящую теплую одежду, — решила я. — Пальто на меху или что-то в этом роде, и каким-то образом пронести это на борт.

Мы озадаченно переглянулись – все, кроме Сергея, который был слишком измучен, чтобы озадачиваться. Прозвенел звонок, но в кабинет никто не вошел.

–Тут у вас есть одна девочка, Сара, – сказал наконец Пип.

–И что? – спросила я.

–А то, что это такая девочка, у которой точно есть шубы на меху.

–Но это не такая девочка, которая даст эти шубы нам.

–Забьемся на полкроны, что такая? – ухмыльнулся Пип. – Или я пойду стрясу свои полкроны с того прыщавого олуха из шахматного клуба. Выбирайте, что вам больше нравится.

Наша с Бенджамином школьная форма лежала в шкафу, поэтому мы быстро переоделись за классной доской, чтобы не привлекать к себе ненужного внимание. Мы решили, что Сергей отправится в класс и постарается держаться, как обычно, и не плакать. Пип пойдет искать Сару Пеннингтон, соблюдая осторожность, чтобы не нарваться на мистера Дэнби, а мы с Бенджамином останемся в кабинете химии и приготовим еще одну порцию эликсира невидимости. Мы не могли использовать его прямо в школе, потому что должны были сначала отнести аптекарю «Фармако-

пею», но решили взять с собой концентрат, чтобы потом незаметно развести его в какой-нибудь большой емкости.

Пип еще не успел выйти за дверь, когда я вспомнила, что мои сережки мы уже расплавили.

—Нам нужно золото!

—Это я тоже могу достать, — заявил Пип. — Только теперь забьемся на пять бобов!

Бенджамин открыл «Фармакопею» на странице с рецептом эликсира невидимости, и на этот раз мы справились с делом еще быстрее. Мы помнили все латинские слова, поэтому нам не понадобилось рыться в учебнике для начинающих, а я не тратила время на вздохи над бабушкиными сережками. И так мы растирали, смешивали и титровали до тех пор, пока Пип не вернулся вместе с Сарой Пеннингтон.

Они вошли в класс, не прерывая беседы, и хотя Пип был заметно ниже Сары, он вполне мог соперничать с ней самоуверенностью. Только его уверенность порождалась не деньгами, а их отсутствием и умением выживать. И прекрасная Сара Пеннингтон не могла отвести глаз от Пипа.

—Я и не знала об этом научном конкурсе, — сказала она.

—Да ты что! — удивился. — Наша команда победила в прошлом году, в моей старой школе.

Сара подняла глаза и только теперь заметила, что в классе есть еще какие-то люди.

—Привет, Джейни, — сказала она. — Ты тоже выиграла конкурс? У вас, в Калифорнии?

Я была сыта по горло ее насмешливым тоном.

—Почему ты все время так произносишь слово «Калифорния»?

Пип бросил на меня грозный взгляд, но я не вполне поняла, что именно его рассердило. Что я цепляюсь к его девушке? Или что мешаю ему выиграть пари?

—Как так? — пропела Сара.

—Как будто это какая-то шутка. Калифорния существует на самом деле!

Сара закатила глаза.

—Ну, извини, — сказала она. — Так в чем же заключается ваш проект?

—Мы должны расплавить какую-нибудь драгоценность, — ответил Пип. — А потом вернуть ее обратно, в том же виде, целехонькой.

Сара дотронулась пальцем до своей золотой цепочки с подвеской в форме сердечка.

—Точь-в-точь в прежнем виде виде?

—Это проект по теме «Закон сохранения материи».

—У вас есть свой ювелир, который воссоздаст изделие?

—Нет.

—В таком случае это невозможно.

—Нет, возможно.

—Нет, невозможно!

—Просто дай мне твой кулон, а я тебе покажу, — сказал Пип.

Сара плотно сжала губы. Потом наклонила голову, чтобы расстегнуть замочек на цепочке. Я украдкой покосилась на Бенджамина, чтобы посмотреть, будет ли он любоваться шеей Сары, но он смотрел в тигель. Сара положила цепочку в ладонь Пипа, и он на мгновение сомкнул пальцы вокруг сердечка.

—Оно еще теплое, — сказал Пип.

Сара рассмеялась.

—Да что ты говоришь? Вы в самом деле сможете вернуть ее обратно?

—Мы сможем сделать гораздо больше, — ответил Пип, и я подумала, что он почти не соврал. Мы действительно могли сделать гораздо больше — только не восстановить расплавленную цепочку.

Пип передал мне цепочку, и я поднесла ее к раскаленному керамическому тиглю. Я замешкалась на какую-то долю секунды, но Бенджамин посмотрел мне в глаза и кивнул. Что значила цепочка богатой девочки по сравнению с угрозой захвата его отца в Северном море или взрывом советской атомной бомбы на Новой Земле, грозящим произойти из-за того, что для Леонида Шишкина жизнь его жены оказалась важнее жизни аптекаря?

Я бросила цепочку в тигель. Сара запросто получит другую, еще лучше! Вряд ли это была цепочка ее бабушки.

—И когда вы вернете ее обратно? — спросила Сара.

—Во время конкурса, — ответил Бенджамин. — Это будет захватывающее зрелище.

—Ты пришла с урока мистера Дэнби? — спросила я Сару. Мне было интересно, перестала она обожать его или еще нет.

—Да, но сегодня у нас замена, мисс Уолш, — ответила она. — Знаете, я не верю, что вы сможете вернуть мою цепочку.

—Сара, мы хотим попросить тебя еще об одном одолжении, — сказал Пип.

—Вот как?

—Эти двое говорят, что ты ни за что нам не поможешь, — продолжал он. — Но я им не поверил! Я прямо сказал, что такая девочка, как ты, всегда придет на помощь.

—Я отдала вам свою цепочку, этого мало?

—Это еще важнее.

—Хм.

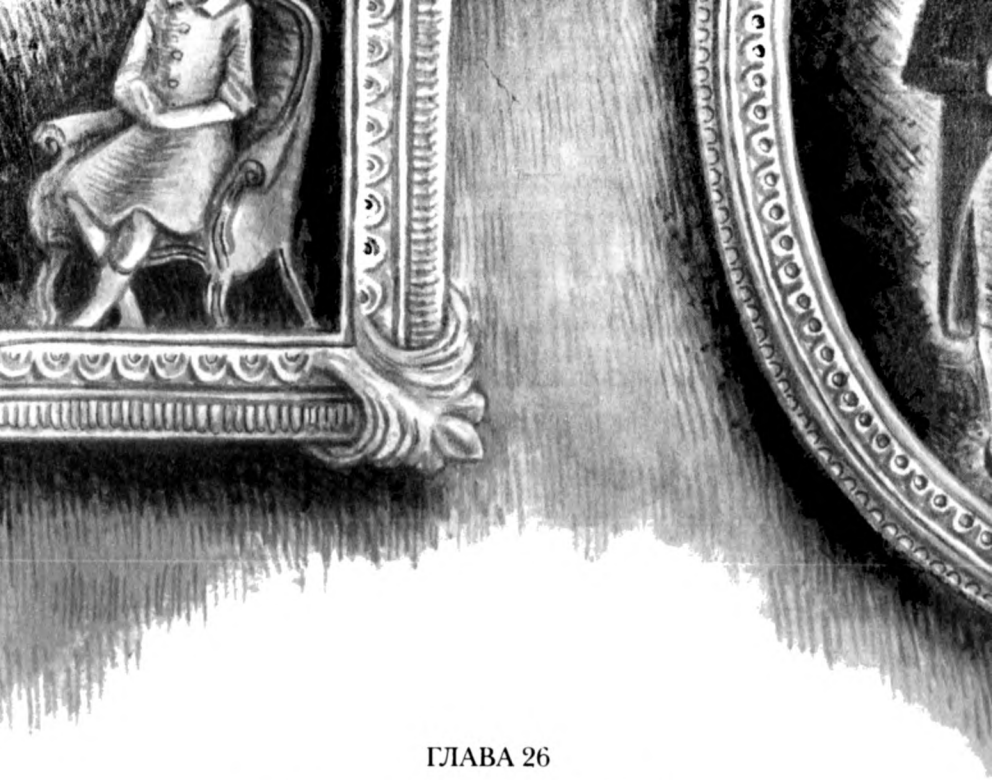
—Это очень важно, честное слово.

—Ну, хорошо, в чем дело?

—Представляешь, они даже не верят, что у тебя найдется то, что нам нужно!

Сара с досадой топнула по полу своей хорошенькой ножкой.

—Немедленно расскажи мне, в чем дело! — потребовала она.



ГЛАВА 26

В гостях у леди Сары

Никем не остановленные, мы спокойно вышли из школы, и Сара Пеннингтон повела нас к себе домой за теплой одеждой. Такое впечатление, что у Пипа был собственный волшебный эликсир, тайное приворотное зелье, заставлявшее надменную Сару послушно плясать под его дудку. Когда Сара отвернулась, Пип перехватил мой взгляд и красноречиво потер пальцами, изображая пересчет монет – ровно пять раз. Пять бобов. Я изобразила, как надеваю теплое пальто, давая понять, что

он получит свои деньги после того, как у нас будет все необходимое. Пип заливисто рассмеялся и нагнал Сару.

—Я даже не знаю, что такое пять бобов, — шепнула я Бенджамину. — На сколько я попала?

—Примерно на сотню долларов, — ответил он.

Я остановилась, как вкопанная, посреди тротуара.

—Что?

Бенджамин расхохотался.

—Шучу! — сказал он. — Примерно доллар. Идем!

Я догнала его.

—Между прочим, я поверила!

Бенджамин самодовольно ухмыльнулся.

—Смотрите по сторонам, не хотелось бы попасться на глаза школьным надзирателям, — крикнул Пип, обернувшись через плечо.

—Не волнуйтесь, к нам они не подойдут, — заверила Сара.

Семейство Пеннингтон обитало в самом огромном доме, который я когда-либо видела в жизни. Их особняк занимал почти целый квартал в районе Найтсбридж. Дворецкий, впустивший нас внутрь, подозрительно осмотрел Бенджамина и Пипа.

—Это мои друзья, — сказала Сара. — Им нужна теплая одежда для путешествия на корабле. Мы пороемся в старых шкафах.

Дворецкий кивнул.

—У вас сегодня нет занятий?

—Нас отпустили, — ответила Сара.

—Вот как, — кивнул дворецкий. — Взять ваши вещи?

Я почувствовала, как Бенджамин, стоявший у меня за спиной, судорожно вцепился в ремень своей кожаной торбы.

—Нет, спасибо, — покачала головой Сара. — Мы ненадолго.

Мы стали подниматься по роскошной лестнице мимо старинных портретов розовощеких юношей во фраках и стройных девушек в длинных платьях: бесчисленные поколения Пеннингтонов, неизменно самых богатых и самых красивых учеников в своих школах. На самой верхней площадке лестницы висел небольшой портрет маленькой девочки в голубом платье: она сидела, скрестив щиколотки, и смотрела на художника с поистине королевским достоинством.

Пип застыл перед портретом.

—Это ты, — сказал он.

—Ах, — смутилась Сара. — Позировать было так скучно!

—Ты выглядишь очень одинокой, — сказал Пип.

—Одинокой? Няня и гувернантка ни на секунду не отходили от меня!

Пип ничего не сказал, только выразительно посмотрел на нее.

—У меня было самое обычное детство, — сердито буркнула Сара.

Я едва удержалась, чтобы не напомнить ей, что наличие дворецкого, няни и гувернантки вряд ли можно назвать совершенно обычным делом. Но нам были нужны вещи, поэтому я промолчала.

Сара проводила нас по коридору в спальню с цветочными драпировками, кроватью под балдахином и огромным диваном у окна. Комната выглядела нежилой, но содержалась в идеальном порядке. Я подошла к окну и, отодвинув занавеску, выглянула на улицу. Двое мужчин в костюмах стояли на другой стороне Найтсбридж, и я сразу заподозрила, что они следят за домом. Но мужчины вскоре пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны, даже не взглянув в сторону окон. Я отпустила занавеску.

—Это комната моей тети Маргарет, — сказала Сара, открывая шкаф, занимавший целую стену. — В двадцатые годы она уехала в Америку, кажется, училась в Вассарском колледже или где-то еще и привезла оттуда кучу совершенно немыслимой одежды.

—Она умерла? — спросила я.

—Нет, что ты! — воскликнула Сара. — Всего лишь вышла замуж. Сейчас она старая, скучная и живет в Шотландии. Но когда-то она была тако-о-ой сногсшибательной!

Сара вытащила из шкафа нечто, напоминавшее прозрачный шелковый носовой платок на тонких лямках, расшитый серебряной нитью.

—Это одно из ее платьиц, рекомендую. Не думаю, что сейчас она сумеет втиснуть в него даже руку.

—Нам нужны теплые вещи, — напомнила я.

Сара бросила серебристый платок на пол.

—Так куда вы едете?

—Мой дядя рыбак, — сказал Пип. — Он берет нас в плаванье на своей посудине.

—Хм, — протянула Сара. — А я страдаю от морской болезни даже в ванне. Это страшный удар для моего папы, он у меня заядлый яхтсмен. — Она вытащила из шкафа что-то длинное, черное и на меху. — Это шуба из енота. В двадцатые годы все такое носили. Кажется, она мужская.

Сара протянула шубу Бенджамину, который надел ее и встал перед овальным зеркалом шкафа. Честно говоря, в этой шубе он был похож на медведя, сбежавшего из зоопарка, особенно когда поднял руки над головой, как изготовившийся к атаке гризли. Пип согнулся пополам от хохота.

—Думаю, вот это вполне подойдет для плавания, — сказала Сара, вытаскивая тяжелое шерстяное полупальто на подкладке, похожее на морской бушлат. — Ну-ка, Джейни, примерь.

Я натянула бушлат, и как ни странно, он сел, как влитой. Сунув руки в карманы, я выудила оттуда темно-синюю вязаную шапочку, которую тут же напялила на голову. Было очень приятно закутаться в тяжелую

шерсть военного покроя – отчего-то я сразу почувствовала себя защищенной.

Сара, склонив голову к плечу, оглядела меня.

–Знаешь, не так уж страшно, – подытожила она. – Вполне шикарно.

Я невольно нашла в зеркале Бенджамина, чтобы посмотреть на его реакцию. Он стоял, безвольно уронив руки по бокам своей черной меховой шубы.

–Что скажешь? – спросила я.

–Кажется, теплый.

–Только ногам будет холодно, – заметила Сара. Она вытащила из шкафа длинное шелковое нижнее белье и несколько пар толстых шерстяных панталон и бросила их в кучу на полу.

–Примерь, – сказала она. – Я уведу мальчиков в комнату брата.

Когда они ушли, я натянула под юбку самые толстые с виду панталоны. Размер был мой, поэтому я сложила остальную теплую одежду в стопку и присела на краешек кровати. Матрас был соблазнительно мягким, в комнате царила тишина, и мне страшно захотелось прилечь. Было так чудесно наконец-то побыть одной. Я легла на спину, растеклась по шелковому покрывалу и уставилась в цветочный узор на балдахине.

Наверное, было бы неплохо какое-то время пожить безмятежной жизнью Сары Пеннингтон. Ни те-

бе тревог, ни беготни голышом по февральским улицам, ни страха перед тем, что будет, если аптекарь нас застукает и высадит на берег. Я чувствовала, что все глубже и глубже проваливаюсь в мягкую постель, уносясь в глубокое забвение...

Услышав негромкое покашливание, я резко села на кровати и увидела длиннолицего дворецкого, стоявшего в дверях комнаты. Я почувствовала, что волосы у меня растрепались во сне, и кое-как пригладила их ладонью.

—Вы нашли все необходимое, мисс? — поинтересовался дворецкий.

—Кажется, да.

—Могу я спросить, собирается ли мисс Пеннингтон сопровождать вас во время лодочной прогулки?

—О, нет, ни в коем случае! У нее морская болезнь.

—Вы меня успокоили, — сказал дворецкий. — Видите ли, я отвечаю за нее перед ее отцом.

Сара вернулась в комнату в сопровождении мальчиков, похожих на эскимосов в тяжелых шерстяных штанах и лыжных куртках с отороченными мехом капюшонами. Оба были обуты в теплые ботинки.

—Нам понадобится чемодан, — заявила Сара.

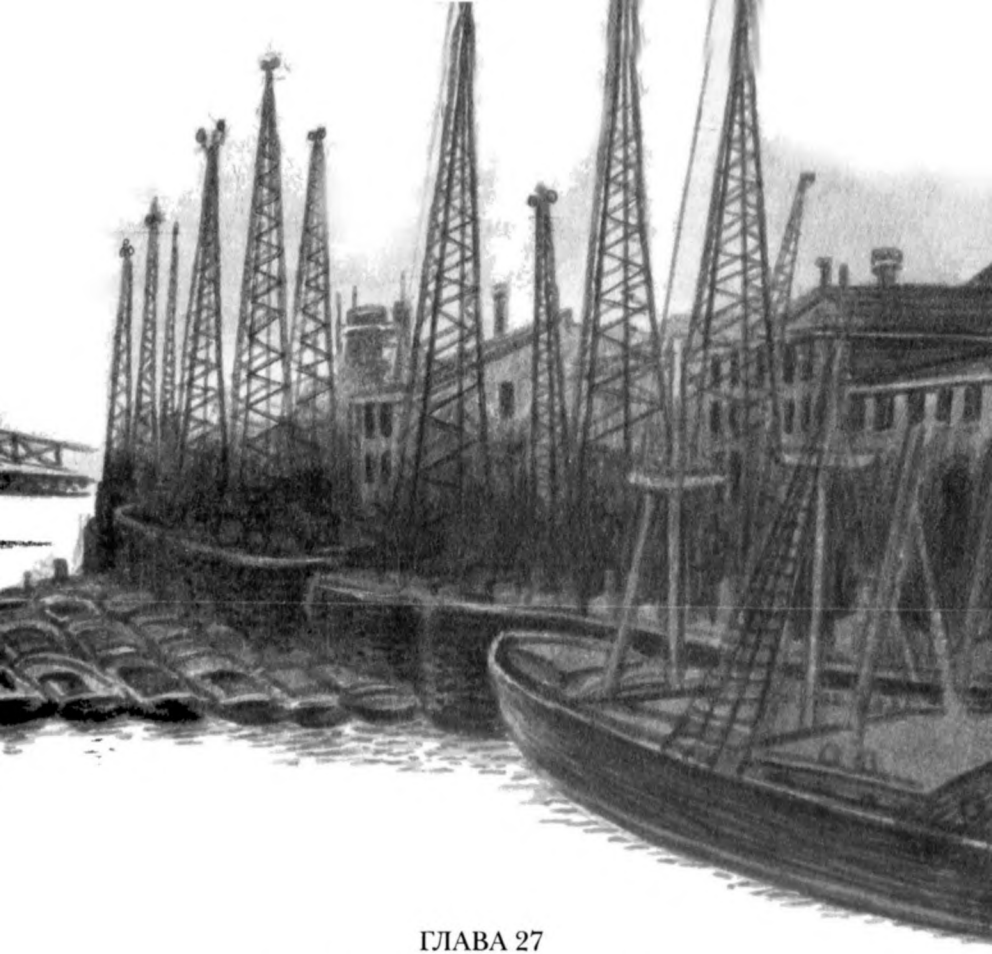
—Разумеется, — отозвался дворецкий. — Я упакую все вещи и отправлю их прямо на корабль.

Я посмотрела на Бенджамина и Пипа. Кажется, это могло сработать. У остальных пассажиров тоже бу-

дет багаж, так что команда вряд ли станет разбираться, чьи чемоданы откуда прибывают.

—Корабль называется «Конунг Олаф», — сказала я. — Он стоит в лондонском порту.

—Это норвежское судно? — уточнил дворецкий, задумчиво сдвинув брови. — В таком случае, у них на борту будет одна копченая треска. Я полагаю, вам следует позаботиться о подобающем питании.



ГЛАВА 27

Лондонский порт

Чемодан был отправлен на борт, а на подъездной дорожке перед домом Сары Пеннингтон нас ожидал «Даймлер» с шофером. Мы все набились на заднее сиденье, и Бенджамин сел слева от меня, так что его бедро прижималось к моему. Пип уселся справа, а Сара втиснулась между ним и дверью.

—Кто-нибудь из вас может пересесть вперед, — предложил шофер. Было очевидно, что за свою жизнь он повидал немало очаровательных карманников и его нисколько не умиляло желание Сары сблизиться с миром трущоб.

—Нам не тесно, — надменно отчеканила Сара.

Водитель вздохнул и тронулся.

Возле Сент-Бедена, когда водитель отвернулся, Пип нахально чмокнул Сару, а та вспыхнула и поспешно вышла из машины.

—Желаю хорошенько повеселиться! — прощебетала она на прощание, помахала нам рукой и взбежала по школьной лестнице.

Пип повернулся ко мне.

—Чего? — спросил он.

—Ничего, — кротко ответила я, стараясь не расхохотаться. — С меня доллар.

Бенджамин засмеялся, я почувствовала это по его ноге, прижимавшейся к моей. Нам больше не нужно было сидеть так тесно друг к другу, но и отодвигаться почему-то тоже не хотелось.

—В порт? — спросил шофер.

—В порт, — ответил Бенджамин, и машина покатила в сторону реки.

У ворот стоял охранник, но, увидев шикарный «Даймлер» с шофером, он молча махнул нам рукой. Мы медленно покатили мимо доков, посудин, барж и грузовых кранов. С одной стороны стояли небольшие

яхты, с другой — высились огромные грузовые пароходы, похожие на плавучие заводы.

Наконец мы увидели у причала огромный стальной корабль не меньше ста футов в длину. Он был выкрашен ярко-синей краской, с длинной белой рубкой сверху. На синем корпусе четкими белыми буквами было выведено: «Конунг Олаф».

У корабля был закругленный нос, как у саней, вероятно, предназначенный для прохода через льды, но само судно оказалось длинным и узким и, судя по виду, могло идти довольно быстро.

Два матроса несли по трапу чемодан Сары Пеннингтон с лоснящимися кожаными боками цвета красного дерева. Видимо, присутствие графа Вили на борту научило экипаж не удивляться дорогому багажу, поэтому матросов никто ни о чем не спросил. Что ж, это была половина успеха: по крайней мере, наша одежда попала на борт. Поблагодарив шофера, мы вышли из машины и направились к пристани, а «Даймлер» с тихим урчанием укатил восвояси.

Портовый грузчик с мотком каната на плече врезался в Пипа, так что тот отлетел на несколько шагов вперед.

—Не потерплю вонючих карманников в порту! — проворчал докер. — Проваливай, если не хочешь искупаться.

Пип крикнул ему вслед что-то ужасное.

Докер ухмыльнулся и ответил:

—Сам такой, братишка!

Я посмотрела на темные воды Темзы и вспомнила, как папа рассказывал, что эта река издавна служила городской канализацией и что все лондонские туалеты в конечном итоге до сих пор сливаются сюда. Нет уж, я определенно не хотела искупаться!

Заметив человека, стоявшего у коротких сходней, ведущих на борт «Конунга Олафа», мы втроем направились к нему. У мужчины были выгоревшие до белизны волосы, обветренное лицо и такие тонкие губы, что их не сразу и заметишь.

—Мой отец ждет нас на борту, — сказал Бенджамин. — Его зовут Маркус Барроуз. Я должен передать ему кое-что.

Мужчина обернулся и крикнул в сторону палубы:

—Эй, спросите графа, ждет он доставку или нет!

У поручней появился элегантный полный господин, которого мы уже видели в Гайд-парке. Как и в прошлый раз, он был одет очень импозантно: из-под распахнутого длинного пальто на черном блестящем меху выглядывал темно-зеленый костюм-тройка. Глаза полного господина смотрели на мир открыто и дружелюбно, и он совершенно не был похож на человека, за которым охотятся советские и британские власти.

—Ах да, это те самые дети! — воскликнул он. — Спасибо, Людвик, пошли их наверх. Эй, скажите-ка, видели ли вы когда-нибудь такой удивительный корабль? — Его голос почему-то напомнил мне дорогую мебель из

обстановки дома Сары Пеннингтон – такой же богатый и мягкий.

Матрос по имени Людвик посторонился, и мы поднялись на борт синего ледокола, прогромыхав по гулким металлическим сходням. Я отметила про себя, что нам нужно будет очень аккуратно ходить по этому трапу, когда мы станем невидимыми.

Аптекарь встретил нас на палубе, и по сравнению с довольным и благодушным графом он показался мне совершенно больным от тревоги.

–За вами следили? – первым делом спросил он.

–Вроде нет, – ответил Бенджамин.

–Книга у вас?

Бенджамин кивнул.

–Дзинь Ло все еще не вернулась, – сказал его отец. – Надеюсь, с ней все в порядке.

–Я уверена, что у нее все хорошо, – поспешила заверить я, потому что аптекарь просто не находил себе места от волнения.

«Конунг Олаф» нельзя было назвать роскошным кораблем, однако он был чистым и содержался в идеальном порядке, стальная палуба сверкала свежей краской, а отполированные до блеска металлические детали слепили глаза.

Командовал здесь капитан Норберг, и у него было грубое угловатое лицо моряка, много лет простоявшего на мостике, щурясь от ветра. Помимо него я насчитала еще пятерых членов команды, включая охранни-

ка, стоявшего у сходней, и все они, похоже, говорили по-английски. Капитанский мостик располагался в передней части палубной рубки, сразу за ним ютился тесный камбуз. Дальше находилась небольшая кают-компанию, которую Вили назвал «салоном», с прикрепленными к стенам диванами и квадратным столом посередине.

За салоном начинался коридор с дверями по обеим сторонам, и аптекарь повел нас в свою каюту. В целом все помещения на корабле были маленькими и тесными, и повсюду стоял запах вещей, которые не раз намокали и снова высыхали. Но граф Вили явно обожал эту посудину и долго пел дифирамбы ее полезности и эффективности, указывая в разные стороны своей узловатой тростью. Пока он разливался соловьем, Пип незаметно дотронулся до моей руки и кивнул на открытую дверь очередной каюты.

Она была забита матросскими сундуками и саквояжами, среди которых сразу бросался в глаза роскошный кожаный чемодан Сары Пеннингтон цвета красного дерева. Значит, эта каюта использовалась в качестве кладовки. Я молча кивнула. Когда мы проберемся на борт, то спрячемся здесь и без помех переоденемся.

—Здесь вы можете говорить без опаски, — сказал граф Вили. — Команда посвящена в наш план. Они все из Норвегии, которая в случае проведения испытаний примет на себя главный удар радиации. Пострадают северные олени и промысловая рыба, не говоря уже о детях.

Мы все набились в тесную каюту аптекаря, где с трудом помещались две койки и маленький умывальник.

Здесь едва хватало места, чтобы мы пятеро могли стоять одновременно. Бенджамин вытащил из сумки потрепанную «Фармакопею».

Граф Вили с благоговением взял ее в руки.

—Вы позволите? — спросил он. — Я не видел ее с тех пор, как учился на выпускном курсе. В то время я был слишком глуп, чтобы отнестись к этому сокровищу с должным уважением.

—Ты был слишком молод, — заметил аптекарь.

—Как и ты, — возразил граф Вили, присаживаясь на койку и закидывая одну пухлую ногу на другую, чтобы удобнее было держать книгу. — Но ты, в отличие от меня, не был так глуп.

—Ты потерял родителей, — вздохнул аптекарь.

—Помнишь, что писал Оскар Уайльд? «Потерю одного из родителей еще можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих уже похоже на небрежность».

—Как умерли ваши родители? — вырвалось у меня. Я не могла даже представить себя круглой сиротой, без родителей, которым искренне небезразлично все, что происходит в моей жизни. Наверное, на месте Вили я бы чувствовала себя лодкой, сорвавшейся с якоря и брошенной на волю стихии.

Граф Вили открыл книгу и впился взглядом в рисунок.

—Моя мать умерла от испанки, — сказал он бесстрастным голосом человека, много раз рассказывавшего одну и ту же историю, — во время эпидемии 1918 года. Как это принято среди аристократии, она появилась на свет от родителей, состоявших в некотором родстве, поэтому никогда не отличалась крепким здоровьем. Мой отец был казнен без суда коммунистами, пришедшими к власти в Венгрии после Первой мировой войны.

—Коммунисты казнили людей? — пролепетала я.

—А как же, — кивнул Вили. — Правда, вскоре они сами были казнены контрреволюционерами, которые называли себя «белыми». Это было страшное время в истории моей страны. Она до сих пор не вполне оправилась от него. Мне нравится рассказывать эту историю американцам. Они так очаровательно наивны, всегда искренне ужасаются.

—Он перелистнул страницу книги. — О, вот и птичий эликсир! Во времена своей беспутной юности я часто гадал, неужели человек в самом деле может превратиться в птицу...

—Может! — заверил Пип. — Это здорово!

—Ты пробовал? — спросил граф. — Какая чудовищная несправедливость, что я этого не испытал.

—А вы правда можете остановить время? — спросила я.

—Точнее сказать, ненадолго заморозить, — ответил граф. — К сожалению, мое открытие не избавляет от

морщин. – Он дотронулся до своего круглого гладкого лица, до того пухлого и полнокровного, что морщины явно ему не грозили.

–Как же вы это делаете? – спросил Бенджамин.

–Мой мальчик, на объяснение уйдет целая жизнь!

–Но вы сможете остановить бомбу?

–В этом и заключается наш план.

–Пожалуйста, возьмите нас с собой! – воскликнула я. Отчасти я сделала это потому, что именно так, по моим представлениям, должен был вести себя честный ребенок, который рассчитывает только на милосердие взрослых и не вынашивает никаких секретных планов. Но при этом я всей душой надеялась уговорить их – ведь если бы они уступили, нам не пришлось бы искать место, чтобы превратиться в невидимок, а потом бежать голыми по холодным улицам.

–Никогда и ни за что! – отрезал отец Бенджамина.

–А если ты не вернешься? – спросил его Бенджамин. – Что, по-твоему, я тогда буду делать? Я не хочу остаться сиротой!

–Ах, мой юный друг, быть сиротой – это еще не конец света, – бросил граф Вили, листая страницы «Фармакопеи».

–Вам легко говорить, – огрызнулся Бенджамин. – У вас-то был гувернер-волшебник и куча денег в придачу!

Граф Вили поднял глаза от книги и весело улыбнулся:

—А ведь верно! В таком случае мы просто обязаны вернуться целыми и невредимыми.

—Скажите, Бенджамин может пока пожить у кого-то из вас? — спросил аптекарь у нас с Пипом. — Под присмотром ваших родителей?

Мы переглянулись и хором ответили:

—Конечно!

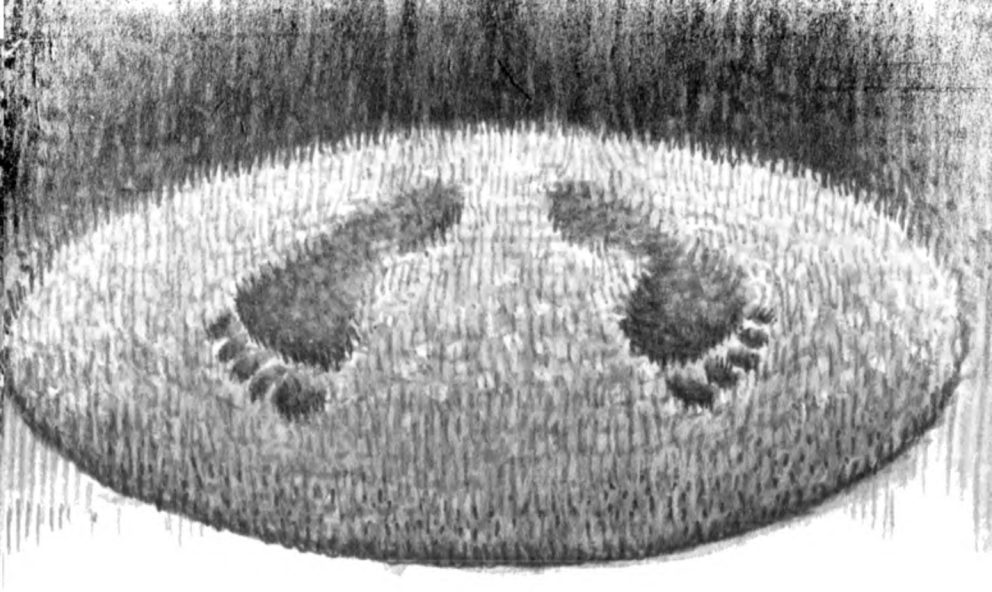
Тогда нас выставили из каюты и проводили в салон, куда как раз входила Дзинь Ло с полными руками сумок и свертков.

—Удачи вам, Дзинь Ло, — сказала я. — Удачи, мистер Барроуз.

—Прошу тебя, позаботься о моем сыне, Джейни, — пробормотал аптекарь. — И ты тоже, Пип.

После этого он отослал нас вниз по сходням. Мы прошли мимо белобрысого охранника, сошли на пристань и обернулись, чтобы взглянуть на корабль с круглым синим носом-ледоколом.

—Ну-с, — прошептал Пип, радостно потирая руки. — Не пора ли нам принять роскошную горячую ванну?



ГЛАВА 28

Взлом и проникновение

На другой стороне улицы Нижней Темзы, если смотреть от ворот лондонского порта, тянулась узкая улочка, а на этой узкой улочке стояли одинаковые домики, сросшиеся стенами друг с другом. Пип пристально осмотрел их все, выискивая пустующий, но все выглядели обитаемыми. Наконец он остановился перед домом с кружевными занавесками на темных окнах.

—То, что доктор прописал.

—Откуда ты знаешь? — спросила я.

—А откуда вообще люди что-то знают? Чувствую, вот и все.

—Может, нам лучше пробраться с черного хода? Как-никак день на дворе!

—С черного хода в дом входят воры и грабители, — наставительно сообщил Пип. — Ведите себя так, как будто не замышляете ничего дурного. Это дом нашей тетушки, и у нас есть свои ключи. Просто они немного заедают, такое бывает.

Делать было нечего, поэтому я постаралась напустить на себя самый беспечный вид и завела с Бенджамином какой-то разговор на крылечке, а Пип в это время ковырялся в замке, очень убедительно изображая борьбу с заевшим ключом. Наконец он распахнул дверь, и мы вошли в дом.

—Тетушка? — громко позвал Пип, однако он не ошибся, и в доме было пусто.

Это был тесный узенький домик с одной большой гостиной и двумя комнатками в глубине каждого этажа. Пип запер за нами дверь. Крутая лестница вела наверх прямо из коридорчика, а дверь в ванную оказалась сразу на лестничной площадке второго этажа. Сама ванна была старенькая, но чистая — по крайней мере, намного чище школьного мусорного бака.

Когда мы открыли краны, трубы оглушительно взвыли, а потом начали с грохотом извергать воду в ванну, и я взмолилась про себя, чтобы соседей не было дома. Бенджамин подрегулировал мощность струи, чтобы

меньше шумело, а потом вмешал раствор невидимости в воду, как масло для ванны. Я подумала о цепочке Сары Пеннингтон, сначала расплавленной, потом растертой в порошок, а теперь растворенной в воде. Еще недавно я бы непременно поддела Бенджамина, спросив, как же он может купаться в таком сокровище, но теперь это казалось как-то неправильно. Сара перестала быть тайной любовью Бенджамина, теперь она была... Действительно, кем она была? Неужели девушкой Пипа? Это не укладывалось у меня в голове.

Когда ванна наполнилась, мы выключили воду – и тут кто-то позвонил снизу.

–Миссис Дженкин? – раздался женский голос, приглушенный стеклом двери. – Вы дома?

Мы замерли.

–Миссис Дженкинс? – снова позвал голос.

–Давайте найдем другой дом! – в панике прошептала я.

–Не получится, – ответил Бенджамин. – Мы уже налили ванну!

–Ладно, я с ней потолкую, – решил Пип. – Залезайте в воду.

С этими словами он ушел.

Бенджамин снял пиджак.

–Я понимаю, что это неудобно, – сказал он. – Можешь отвернуться, если хочешь. Но тебе тоже придется раздеться. Я не буду смотреть, честное слово. Только мы должны сделать это как можно быстрее.

Я отвернулась к вешалке с единственным синим полотенцем, висевшим под деревянной рамкой с вышивкой, на которой была изображена корзиночка с цветами. Каждый цветок был вышит крошечными крестиками. Цепенея от стыда и неуверенности, я с тоской думала о классной доске на колесиках из кабинета химии.

—Здравствуйте! — донесся снизу голос Пипа. — Чем я могу вам помочь?

Я не слышала, что именно ответила женщина, но она явно была удивлена тем, что дверь ей открыл какой-то незнакомый низкорослый мальчик. Потом я услышала, как Бенджамин вошел в воду у меня за спиной, и представила, как его худощавое тело погружается в ванну. Тогда я торопливо сбросила школьный пиджак и швырнула его на пол. Потом скинула ботинки.

—Тетушки Дженкинс сейчас нет дома, — объяснял Пип внизу. Я заметила, что теперь он разговаривал слащавым детским голоском, и даже произношение у него стало почти как у Бенджамина. — Она скоро придет. Я как раз собирался принять ванну. Вы хотели что-то передать тете?

Женщина смущенно залепетала какие-то извинения.

Кое-как скатав трусы под юбкой, я запрыгала на одной ноге, стаскивая их со ступни. Я представила, что просто снимаю мокрый купальник под полотенцем после тренировки юношеского общества спасе-

ния на воде на пляже Санта-Моника в компании других ребят. Это абсолютно то же самое, твердила я себе, но, разумеется, это было совсем не так.

Плеснула вода в ванне, и, обернувшись, я увидела мокрые вмятины в форме ступней на ворсистом голубом коврике. Я стояла в юбке, чувствуя холодный сквозняк голыми ногами, и думала о том, что мне нужно еще расстегнуть блузку, а прямо передо мной стоит голый Бенджамин — невидимый, но все равно полностью голый. Я видела только его колено.

—Честное слово, я не буду смотреть, — сказал он. — Но тебе нужно поторопиться.

Какое-то время я неуклюже возилась с пуговицами, гадая, смотрит он или не смотрит, потом сбросила блузку, а за ней и плиссированную юбку. Когда я шагнула к ванне, то задела голым плечом невидимое голое плечо Бенджамина.

—Извини, — хором пробормотали мы.

Забравшись в ванну, я с закрытыми глазами окунулась в обволакивающее тепло, и весь мир стих, отступив прочь. Я оставила сухим кончик носа, а когда села и открыла глаза, то остальное мое тело исчезло.

Ко мне по воздуху подплыло синее полотенце, переданное невидимым Бенджамином. Резко поднявшись из ванны, я случайно зацепилась за рычажок, регулировавший пробку, и больно ушибла палец на ноге.

—Ой! — взвыла я.

—Джейни! — ахнул Бенджамин.

Скрытый в стене механизм открыл слив, и вода с пугающей быстротой хлынула в отверстие.

—О, нет! — я попыталась опустить рычаг, чтобы остановить слив, но механизм заело. Тогда я попробовала заткнуть слив, но пробка не хотела опускаться без рычага.

Я почувствовала, как рука Бенджамина влажно скользнула по моей руке, и поняла, что он тоже пытается опустить рычаг, но с тем же успехом. В отчаянии я закрыла слив ладонями, но он был такой большой, что вода стремительно уходила у меня между пальцев. Тогда я заткнула его пяткой и наконец-то остановила воду, но к этому времени ее осталось не больше двух дюймов — то есть заведомо меньше, чем нужно было Пипу, чтобы стать полностью невидимым!

—Что же нам теперь делать? — пролепетала я.

Снизу донесся голос Пипа:

—Значит, я передам тете, что вы заходили. А теперь мне пора в ванну. Спасибо, что зашли!

Мы услышали грохот шагов по лестнице, и Пип влетел в ванную.

—Вы тут? — спросил он, стягивая башмак. — Кажется, она мне не поверила. Так что может вернуться. — Тут он увидел ванну и услышал, как остатки воды утекают в слив. — Вы что, ничего мне не оставили?

—Я случайно задела ногой рычаг, и заглушка открылась, — выдавила я. — Прости меня, Пип!

Он уставился в пустую ванну.

—А раствора больше нет?

—Мы весь влили туда, — ответил голос Бенджамина.

Пип вздохнул.

—Ну ладно, что ж теперь. Значит, найду другой способ пролезть на корабль.

Я взяла у Бенджамина полотенце и подумала про себя, что если кто-то и может пробраться на ледокол, оставаясь видимым, то это только Пип.

А еще я подумала, что если бы Пип залез в ванну раньше меня, он бы никогда не выдернул затычку.

—Мне ужасно жаль, — сказала я.

—Да брось, — отмахнулся Пип. — Высуши волосы. На улице холодно.

И тут снизу снова постучали. Суровый мужской голос спросил:

—Кто здесь?

—Бежим! — скомандовал Пип.

—А как же одежда?

Наша школьная форма была разбросана по всему полу, но что еще хуже, она напрямую указывала, что мы из Сент-Бедена.

—Я ее возьму, — сказал Пип, хватая наши вещи под мышку. Затем он снова повернул кран и пустил воду.

Мы бесшумно спустились по лестнице и уставились на дверную ручку, дребезжавшую от рывков мужчины, стоявшего снаружи. Пип шепотом велел нам отойти в сторону, а сам встал у двери со стороны петель. Затем он тихонько отпер замок, и когда мужчина

в очередной раз дернул за ручку, дверь распахнулась, скрыв Пипа с грудой наших вещей.

—Эй! — крикнул мужчина, входя в дом.

Наверху из ванной доносился грохот воды. Мужчина на цыпочках стал подниматься по лестнице, чтобы застать врасплох купающегося мальчишку-домушника, а мы бесшумно выскользнули на крыльцо. Здесь Пип затолкал нашу одежду за ближайшую изгородь, и мы помчались в сторону порта. Холодный тротуар обжигал мои босые ступни, и я подумала про себя, что если мы будем и дальше практиковать невидимость, но нужно будет как-нибудь изобрести невидимые ботинки.

—Как вы думаете, сколько сейчас времени? — спросила я. Насколько я помнила, корабль отходил в три.

—Половина второго, — сказал Пип.

Я увидела новенькие часы, блестевшие у него на запястье.

—Где ты их взял?

—У тетушки Дженкинс, — охотно ответил он. — Боялся, что мы опоздаем.

Я так замерзла, что могла думать только о том, как бы поскорее пробраться на корабль и зарыться в безразмерную шубу на енотовом меху, но вдруг заметила знакомую машину, припаркованную на нашей стороне улице прямо напротив ворот лондонского порта.

—Смотрите! — крикнула я.

Это был все тот же зеленый седан, в котором сидели трое мужчин: двое впереди и один сзади.

—Идите, подслушайте, — решил Пип. — А я покараулю, чтобы корабль не ушел без нас.

Он спокойным шагом направился через улицу, а мы с Бенджамином невидимками подкрались к зеленому седану. Окно со стороны пассажира было опущено на несколько дюймов, чтобы мистер Дэнби мог выпускать наружу дым своей сигареты. Шрам сидел за рулем и следил за улицей в зеркало заднего вида. Пассажир, сидевший на заднем сиденье, оказался Леонидом Шишкиным, одетым в теплое шерстяное пальто.

Мистер Шишкин заметно нервничал и мял шляпу, лежавшую у него на коленях.

—Аптекарь очень умен, — услышали мы, подойдя к машине.

—Не спорю, — согласился Дэнби. — Сильный противник. Я уж было решил, что он навсегда оставит нас слепыми!

—И он мой друг.

—Именно это обстоятельство составляет вашу главную ценность, — ответил Дэнби. — Вы сможете привести его прямиком в руки советских спецслужб, целого и невредимого, на зафрахтованном им судне, без риска и ненужных жертв. Вы идеально подходите для этой роли. Гениальный ход Москвы!

—Если я потерплю неудачу, умоляю, попытайтесь спасти мою жену и дочь, — прошептал мистер Шишкин.

—Вы не потерпите неудачу.

—И прошу вас, позаботьтесь о Сергее. Он мой единственный сын и не самый умный мальчик на свете.

—Разумеется, даю слово.

Мистер Шишкин беспомощно посмотрел на свою шляпу.

—Вам известно, что девятый круг ада предназначен для тех, кто предает своих друзей? — тихо спросил он.

—Посмотрите на это с другой стороны, Леонид, — усмехнулся Дэнби. — Россия — ваша родина, а ваша семья — это ваша семья. Следовательно, речь идет не о предательстве, а о верности. Рано или поздно нам всем приходится делать выбор.

—Но Россия не ваша родина, — возразил Шишкин.

—Это родина моего сердца!

Меня так поразило заявление Дэнби, что я хотела переглянуться с Бенджамином, но убедилась, что зрительный контакт снова стал невозможен. Поверьте мне на слово, только став невидимкой, по-настоящему понимаешь, какую огромную роль играет в нашей жизни простой обмен взглядами!

—Но почему? — спросил Шишкин. — Что для вас Россия?

Дэнби задумчиво затянулся и долго не выпускал сигарету изо рта.

—Что для меня Россия? — переспросил он, выпустив дым. — Хороший вопрос. Раз уж мы упомянули Дантов ад, я тоже дам вам литературный ответ. Однажды летом, когда мне было пятнадцать лет, я прочел «Анну Ка-

ренину», и эта книга оказала на меня огромное воздействие. Я решил, что когда-нибудь непременно женюсь на женщине по имени Анна и у нее будут такие же полные округлые руки, темные глаза и та же страстность.

—Но позвольте, — пробормотал Шишкин, — родину не предают из-за «Анны Карениной»! И потом, той России больше нет.

—Да, конечно, — легко согласился Дэнби, стряхнув пепел в окно. — Была еще очаровательная балерина по имени Наталья, я познакомился с ней, когда учился в Ленинграде. У нее, кстати, были очень красивые руки, хотя и не такие округлые. Она тоже оказала некоторое влияние на мой выбор. Но решающую роль сыграли советские солдаты, с которыми я познакомился в лагере для военнопленных, когда меня сбили. Их держали отдельно от всех нас, за огромным проволочным забором. Красный Крест присылал нам продуктовые посылки и сигареты, но русские не получали ничего, и когда у нас была еда, мы бросали ее им через забор. Они голодали, их держали в плену, но эти русские парни с неистовой силой и искренностью верили в то, что после войны их страна будет великой державой. Да-да, вся та же страстность... Я восхищался ими до самозабвения. Они напоминали мне пылких толстовских юношей. Я хотел быть похожим на них, верить, как они, избавиться от своей вечной половинчатости, нерешительности, сдержанности — от своей английскости! Я хотел перестать быть англичанином.

Мистер Шишкин с грустью посмотрел на него.

—Вы ошиблись, — сказал он. — Обманулись русской страстностью.

—Возможно, — не стал спорить Дэнби. — Но Москве нужен аптекарь, а значит, он отправится в Москву. Если Англия узнает его секрет, то его тут же передадут американцам, которые в этом случае будут иметь слишком много — к уже имеющейся у них возможности уничтожить весь мир добавится способность помешать другим странам защититься от удара. Следовательно, они станут еще ужаснее, чем сейчас. Мы не можем этого допустить.

—Мы, — с горечью повторил Шишкин. — В этом деле нет никаких «мы».

—Еще как есть! — воскликнул Дэнби. — Мы все на одной стороне. А теперь вам пора идти. Не выводите судно из строя, прежде чем точно убедитесь, что вошли в советские воды. Нам не нужен международный конфликт! И помните о своей семье.

Шишкин вздохнул, натянул шляпу на свою крупную седую голову и вышел из машины. Постояв на светофоре, он перешел улицу и направился в сторону порта, неся в руке маленький коричневый чемодан, тяжело бивший его по здоровой ноге.

Шрам сказал что-то по-немецки.

—Он все сделает, как надо, — ответил ему Дэнби, выбрасывая в окно недокуренную сигарету. Я с негромким, но неосторожным звуком отпрыгнула от горяче-

го пепла, и Дэнби резко вскинул голову, но ничего не сказал.

Мы с Бенджамином перешли улицу и пошли за Шишкиным к портовым воротам и через причалы к «Конунгу Олафу». Для босых ног это расстояние показалось огромным.

—Как ты думаешь, что у него в чемодане? — шепотом спросила я. — Пистолет?

—Наверное, радиопередатчик, — ответил Бенджамин. — Чтобы сообщать советским агентам о местоположении судна.

Я вспомнила о том, как Бенджамин бредил шпионажем и презирал отцовскую профессию.

—Ты все еще не передумал быть шпионом? — спросила я. — Или, может быть, теперь хочешь стать аптекарем?

Бенджамин на секунду задумался.

—Пока не знаю, — сказал он. — Сейчас я что-то не вижу особой разницы между тем и другим.

Мы прошли через пристань, старательно обходя ржавые гвозди и осколки битого стекла, и были уже возле «Конунга Олафа», когда услышали вой полицейской сирены. Перепугавшись, мы с Бенджамином отпрыгнули в сторону от машины, а уже через секунду она с визгом тормозов остановилась прямо перед сходнями. Мистер Шишкин прирос к месту.

—О, нет! — прошептал Бенджамин.

Редковолосый детектив, арестовавший нас в школе, выскочил из полицейской машины и, не обращая внимания на Шишкина, направился к охраннику, стоявшему у сходней.

—Детектив Монтклер, Скотленд-Ярд, — представился он. — А это офицер О'Нэн. Мы получили от сотрудников порта сообщение о прогульщиках. Возле этого судна видели троих детей, двух мальчиков и девочку.

—Были тут такие, — кивнул Людвик. — Но ушли.

—В таком случае я должен обыскать судно.

—Прошу прощения, сэр, но мы уже отправляемся.

—Боюсь, что буду вынужден настаивать! — заявил Монтклер.

Граф Вили вышел на палубу и перегнулся через поручни.

—Какие-то проблемы, офицер? — спросил он своим бархатным голосом, в котором звучали учтивость и большие деньги.

Мистер Шишкин нерешительно топтался на месте, не зная, что хуже: сесть на корабль, который могут в любой момент обыскать, или ждать на пристани, рискуя вообще не попасть на борт.

—Мы разыскиваем троих детей, — ответил графу детектив Монтклер. — Они вчера сбежали из Тернбулл-холла, исправительной школы для несовершеннолетних.

—Что вы говорите? — мягко воскликнул граф Вили со своим непередаваемым акцентом. — В таком случае это никак не могут быть те дети, которые были здесь.

—Почему?

—Потому что тех детей я вчера на целый день брал на рыбалку.

—В Темзе? — с отвращением уточнил детектив Монтклер.

—Щуки и окуни, — ответил граф. — Главное, знать места, а рыба всегда найдется.

—Разве эти дети не ходят в школу?

—У них был выходной. А теперь они вернулись к учебе.

Монтклер насупился.

—Могу я поинтересоваться, откуда вы прибыли, сэр?

—Разумеется, — улыбнулся граф. — Из Люксембурга.

Детектив, похоже, сам не знал, что ему делать с этой информацией. У него не было никакого определенного мнения по поводу Люксембурга.

—Но все-таки я должен осмотреть корабль, — решил он, делая шаг к сходням.

Лицо графа Вили несколько утратило свое обычное благодушие. Описания аптекаря и Дзинь Ло, несомненно, были на руках у всех полицейских. Если детектив Монтклер поднимется на борт, он арестует их, и путешествие подойдет к концу, не успев начаться.

И в этот миг возле меня вырос Пип с лукавым блеском в глазах. Ума не приложу, как он смог меня заметить, когда я оставила видимым только кончик своего носа, однако за последнее время я привыкла не удивляться ничему, что проделывал Пип.

—Приготовься, — шепнул он.

Прежде чем я успела спросить: «К чему?», Пип сунул руки в карманы и небрежной походкой направился через пристань, как будто не замечая полицейских. Остановившись у края охраняемых сходней «Конунга Олафа», он задрал голову и крикнул графу, стоявшему у поручней:

—Эй, мистер! Я оставил у вас на борту мою кепку! Бросьте мне ее сюда, пожалуйста!

Вили посмотрел на детективов, стоявших у сходней. Пип проследил за его взглядом и вдруг совершенно достоверно вздрогнул от неожиданности, как будто только сейчас заметил детектива Монтклера.

—Уй ты, божечки! — театрально вскрикнул он. — Полиция!

Прошмыгнув между полицейскими, Пип бросился обратно в доки. Детектив Монтклер попытался схватить его за рукав, но промахнулся и ринулся в погоню. Офицер О'Нэн помедлил, бросил последний взгляд на корабль, а потом тоже присоединился к погоне.

Благодаря ловкому маневру Пипа, мы невидимками проследовали на корабль следом за Шишкиным, и наши тихие шаги были полностью заглушены грохотом деревянной ноги по металлическим сходням. Я обернулась, чтобы посмотреть, не возвращается ли Пип. Он далеко оторвался от детектива Монтклера и мчался к воротам лондонского порта, где детективы никак не могли его поймать. Малень-

кий карманник спас всех нас, позволив улизнуть от полиции и выйти в море.

На борту мы с Бенджамином, держась подальше от команды, прошмыгнули через салон в багажную каюту, где стоял наш чемодан. Дождавшись, когда в коридоре никого не будет, мы закрыли дверь, забрались на кучу вещей и стали рыться в чемодане. Я с наслаждением натянула длинное шелковое белье, шерстяные брюки и теплый бушлат на свое озябшее голое тело. Моторы «Конунга Олафа» ожили и зарычали.

—Скоро мы будем в море, — сказала я, сразу почувствовав себя теплее и увереннее.

—Скоро? — переспросил Бенджамин. Его невидимая голова скрылась в капюшоне лыжной куртки брата Сары, а невидимые кисти не показывались из рукавов. — Мы в Лондоне, Джейни. Нам нужно пройти сорок миль, прежде чем мы выйдем из Темзы.

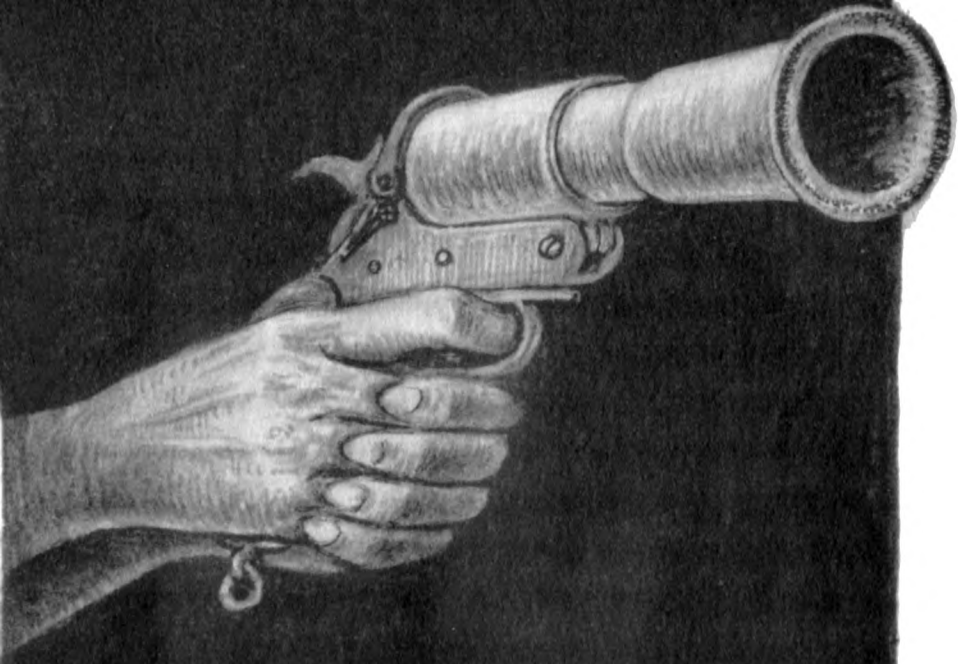
—Сорок миль?

—Ты когда-нибудь смотрела на карту Англии?

Я, конечно, смотрела, только не слишком внимательно. До сих пор я и подумать не могла, как велико расстояние, на котором полиция все еще может нас остановить, а аптекарь — высадить на берег, снабдив деньгами на льготный железнодорожный билет. Услышав громкие команды к отплытию, я осторожно отодвинула синюю занавеску на иллюминаторе, чтобы бросить прощальный взгляд на оживленный порт. Целый мир кораблей, пирсов и кранов медленно уплы-

вал прочь, по мере того как наш ледокол все дальше и дальше уходил в Темзу под рев двигателей, гулом отзывавшийся в стальной обшивке. От этого зрелища меня слегка замутило, и я задернула занавеску.

Я вытащила из чемодана одеяло и укутала ноги. Все нормально, нам просто придется сорок миль не показывать носа из багажной каюты, только и всего. А потом мы помешаем Шишкину вывести корабль из строя и выдать всех нас советским спецслужбам. Ну а после этого, наверное, поможем аптекарю претворить его план в жизнь. Тем временем мои родители вернутся домой со своих натурных съемок и нетрезвая миссис Пэрриш скажет им, что их дочка Джейни ушла ночевать к своей подружке Саре (или Сьюзен), Бесфамильной и Безадресной, чтобы подготовиться к уроку латыни, и с тех пор не возвращалась.



ГЛАВА 29

«Конунг Олаф»

Дворецкий Сары Пеннингтон положил нам в чемодан сверток с едой. В нем был консервированный лосось и крекеры из магазина «Фортнум энд Мейсон», несколько бутылок с яблочным сидром и колода игральных карт. Я немного помечтала о том, как было бы здорово иметь дворецкого, предупредительно заботящегося обо всех моих нуждах, но потом вспомнила, что с этой ролью до сих пор успешно справлялись мои родители.

Мы сидели среди пустых чемоданов и молча резались в «джин рами», ожидая, когда «Конунг Олаф» выйдет из бесконечной Темзы.

Бенджамин постепенно проявлялся, кусок за кусочком, и в какой-то момент я увидела, как его песочные брови щеточками вылезли изо лба. Они придавали лицу Бенджамина чрезвычайно любопытный и внимательный вид, словно он пристально и несколько скептически рассматривал окружающий мир. Затем на левом крыле его носа появились две веснушки. Несмотря на нашу беготню по причалам, аккуратные ногти Бенджамина оставались чистыми после купания. Он заметил, что я разглядываю его поверх карт.

—Что? — шепотом спросил Бенджамин.

—Ничего.

—У меня на лице что-то? — Он потер щеку тыльной стороной ладони.

—Нет.

—Я уже весь тут?

—Да, — ответила я. — Ты весь...

—Шшш! — шикнул он, поворачивая голову к двери. В коридоре разговаривали несколько человек, и среди них был Шишкин.

Мы не слышали слов, но судя по голосам и стуку деревянной ноги, Шишкин занимал соседнюю каюту. Неужели никто не замечал волнения в его голосе? Я отчетливо чувствовала его даже через дверь, не разбирая слов.

Голоса смолкли, и мы снова вернулись к игре. Постепенно в коридоре стало тихо, наверное, все легли

спать. За иллюминатором лежало огромное море — корабль вышел из Темзы и двигался на север.

Мне удалось собрать отличную комбинацию, три восьмерки и четыре последовательные карты одной масти, поэтому я с нетерпением ждала своего хода.

Бенджамин хмуро тасовал свои карты в руке, словно от перестановки они могли каким-то чудом измениться. Я испытывала странную пьянящую радость от того, что мы с ним занимаемся таким обыденным делом, как игра в карты.

Должно быть, Бенджамин тоже чувствовал нечто похожее, потому что вдруг сказал:

—У меня комбинация, как радиация! — При этом он глотал гласные, как заправский американский игрок в покер, так что у него получилась: «Умня мбинация как рдиациа».

Я так и покатилась со смеху, до того меня развеселили его представления об американцах и то, как он это изобразил.

—Шшш! — шикнул Бенджамин.

—Ты сам начал! — прошипела я.

Но он поднял руку, призывая меня замолчать. В тихом коридоре послышалось какое-то движение. Мы затаились, обратившись в слух, но звук не повторился. Прошло не меньше минуты, прежде чем я осмелилась перевести дух.

Но не успела я это сделать, как дверь в багажный отсек распахнулась, и разъяренная Дзинь Ло грозно

уставилась на нас поверх широченного, совершенно мультяшного, дула пистолета. Узнав нас, она опустила пистолет и свирепо зыркнула глазами.

—Вы что здесь?

Я так оторопела, что не нашла слов.

Бенджамин с трудом выдавил:

—Чтобы помочь вам!

—Аптекарь говорит нет!

—Но мы ему нужны! — воскликнул Бенджамин. Даже в этот критический момент, совсем не располагавший к размышлениям, я все-таки отметила про себя, что Бенджамин поступил очень мудро, не упомянув о том, что мы можем пригодится и самой Дзинь Ло.

—Это настоящий пистолет? — спросила я.

—Сигнальный, — сказала Дзинь Ло. — Для сигналов. — Она недоверчиво покачала головой. — Я так и видеть, что здесь беда! Иду рассказать аптекарю.

Она повернулась к двери.

—Постойте! — прошептала я. — Беда не в нас, а в Шишкине!

Резко обернувшись, Дзинь Ло посмотрела на нас, потом вернулась и закрыла дверь. Бенджамин шепотом рассказал ей все, что мы узнали о Шишкине: о том, что он проник на корабль, как диверсант, что советские спецслужбы держат в заложниках его семью и приказали ему вывести корабль из строя в советских территориальных водах, чтобы без лишнего шума за-

хватить аптекаря. И что мы обещали Сергею придумать, как спасти его семью.

Дзинь Ло внимательно выслушала нас, а потом сказала:

—Мы вышвырять его за борт!

С этими словами она повернулась и вышла из каюты.

—Нет, постойте! — вскрикнул Бенджамин.

Пока мы выбирались из багажного отсека, перелезая через сундуки и чемоданы, Дзинь Ло уже ворвалась в каюту Шишкина и стащила его с койки. Перед сном он отстегнул свою деревянную ногу, что дало Дзинь Ло определенное преимущество, но я все равно поразилась ее силе. Она очень ловко и очень болезненно завернула Шишкину руку за спину, пока тот с трудом пытался устоять на ногах, вернее, на одной ноге. Дзинь Ло приставила свой пистолет к голове Шишкина.

—Ты... *бу яолянь*! — произнесла она. — Не имею знания, как это сказать на английском. У тебя нет стыда!

—Стыда? — недоверчиво переспросил Шишкин. — Я рисковал жизнью ради вас, а вы были неосторожны! Вас разоблачили. — Он не мог видеть лица Дзинь Ло, которая выкрутила ему руку, поэтому в бешенстве смотрел на нас с Бенджамином.

—И моя семья не будет расплачиваться за это! И я тоже не собираюсь расплачиваться!

—А я не собираться попадаться в русскую тюрьму! — огрызнулась Дзинь Ло.

—В таком случае не надо было мешать их ядерной программе, — ответил Шишкин. — Если я не буду посылать радиосигналы каждые шесть часов, они поймут, что меня разоблачили.

—Считаешь, я глупа? — спросила Дзинь Ло, еще сильнее выкручивая ему руку. — Я знаю, ты будешь посылать им сигнал приходить!

Шишкин сморщился от боли.

—Они все равно придут, что бы вы ни делали.

Не в силах расцепиться, противники стояли посреди каюты, пойманные в капкан взаимного гнева и презрения.

—Находить веревку, — наконец приказала нам Дзинь Ло. — Его надо завязать.

Шишкин попытался вырваться, но Дзинь Ло дала понять, что, не моргнув глазом, выкрутит ему руку из плечевого сустава. Мы с Бенджамином отыскали в багажном отсеке длинный шпагат, и Дзинь Ло, скрутив Шишкина со сноровкой и скоростью чемпиона по стреноживанию телят, напоследок крепко примотала его к койке. Выходя из каюты, она предусмотрительно забрала с собой деревянную ногу Шишкина. Затем закрыла дверь и решительным шагом направилась в каюту аптекаря.

Заспанный отец Бенджамина в наспех наброшенном халате открыл нам дверь. Его глаза казались голыми без очков, но уже через мгновение они выкатились из орбит.

—Бенджамин! — вскричал аптекарь.

Мы сели на свободную койку и рассказали ему про Шишкина.

Отец Бенджамина слушал и качал головой.

—Почему вы не рассказали мне об этом раньше?

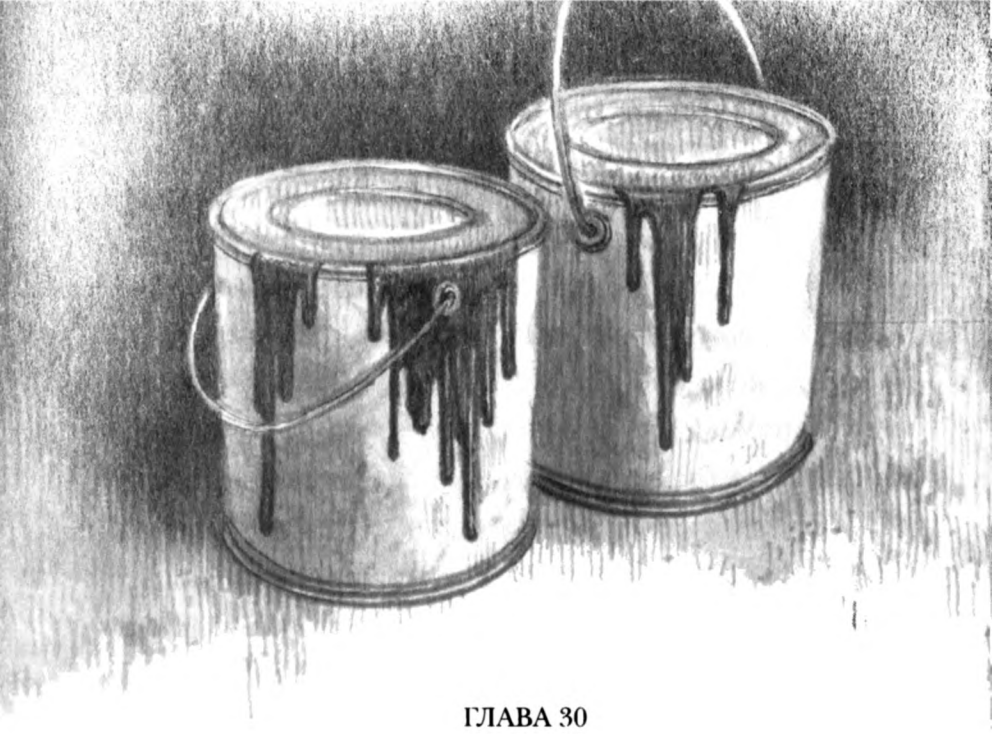
—Тогда ты не взял бы Шишкина на борт, — ответил Бенджамин. — И его семья погибла бы!

—Мы могли бы отказаться от нашей миссии.

—Ты готовил ее целых три года, — напомнил Бенджамин. — Я хочу тебе помочь.

Какое-то время мы сидели молча, слушая рокот двигателей. Аптекарь, похоже, совсем пал духом.

—Нужно поговорить с капитаном Норбергом, — сказал он.



ГЛАВА 30

«Анникен»

Мы разбудили капитана Норберга, который спал, не раздеваясь, и мгновенно проснулся, увидев на борту двух «зайцев». Аптекарь извинился за наше присутствие и коротко сообщил капитану, что Шишкин завербован советской разведкой и получил задание вывести «Конунга Олафа» из строя.

Капитан зарылся пятерней в свою соломенную шевелюру, обдумывая услышанное.

—Полагаю, вы должны чувствовать себя польщенным, — сказал он, обращаясь к аптекарю. — Выходит, они вас боятся. Если бы не вы, они могли бы без труда

арестовать нас в советских водах, не засылая на борт диверсанта.

Аптекарь покачал головой.

—Они переоценивают мои возможности. Я не могу тягаться с советским флотом!

Капитан Норберг внимательно посмотрел на нас с Бенджамином.

—За все годы, что я бороздил моря, ко мне на борт ни разу не пробирался безбилетник крупнее кошки!

—Просим прощения, сэр, – сказал Бенджамин.

Капитан вздохнул.

—Я не могу вести своих людей в западню, не предупредив, что их ждет, – объявил он. – Сейчас я разбужу всех, кто не на вахте, соберу их на капитанском мостике и дам вам возможность объяснить ситуацию. – Он надел китель и фуражку и направился в сторону кубрика.

Аптекарь остался стоять посреди коридора, мрачно глядя себе под ноги.

—Нужно отказаться от нашего плана, – глухо сказал он.

—Нет, – отрезала Дзинь Ло. – Мы очень-очень далеко зашли.

Аптекарь только головой покачал.

Мы с Бенджамином оставили их в коридоре, а сами отправились будить графа Вили. Мы объяснили ему все, пока он протирал глаза и натягивал шелковый халат глубокого винного цвета поверх своей полосатой пижамы.

—Шишкин? — переспросил граф. — Признаться, я ему доверял.

—У него семью захватили, — сказала я.

Граф зевнул.

—Вот почему лучше оставаться свободным от привязанностей. Намного безопаснее, можете мне поверить. Как вы пробрались на корабль?

—Невидимыми, — ответил Бенджамин.

—Ах, вот оно что, — протянул граф. — А вы крепче, чем я думал, раз смогли носиться голышом по такой-то погоде! Значит, на ледяной Новой Земле будете чувствовать себя, как дома — если, конечно, мы доберемся до Новой Земли.

—Там кто-нибудь живет? — спросила я.

—Самоеды, или ненцы, — ответил граф. — Они были лучшими в мире оленеводами на материке, пока советская власть не переселила их на Новую Землю, заставив работать в коммунах. Они восстали, и их расстреляли с самолетов. Прелестно, не находите?

—Как же русские собираются испытывать бомбу там, где живут люди?

Граф пожал плечами.

—Вы, американцы, поступили точно так же, почему им нельзя? И потом, если они могли расстреливать безоружных людей с самолетов, то вряд ли их должно сильно заботить то, что оставшиеся будут отравлены радиацией. Как думаете, на мостике холодно? Самое неподходящее время для собраний, доложу я вам!

—Я думаю, вам следует самому поговорить с экипажем, — предложила я. — Вы сможете воодушевить и уговорить людей! Мне кажется, что аптекарь... он пал духом.

—Не переживайте, он отлично справится, — ответил граф, надевая пальто на меху поверх халата и нашаривая свою трость.

Но я не разделяла его уверенность.

В тесной рулевой рубке собрались члены экипажа — все по-разному заспанные и наспех одевшиеся. Похожий на пирата матрос с серебряными колечками в обоих ушах стоял за штурвалом, а вокруг него выстроились тощий паренек на вид не старше семнадцати лет, выгоревший под солнцем Людвик, еще один матрос с носом, похожим на комок теста и старый кок, которому, судя по виду, давно пора было на пенсию. Не было никаких сомнений в том, что у каждого из них найдутся дела поинтереснее, чем провести остаток жизни в тюрьме в Сибири.

Аптекарь, стоявший перед ними, нервно протирал очки рукавом.

Граф Вили нашел себе местечко в рубке, но нам с Бенджамином и Дзинь Ло пришлось встать в камбузе, и широкие мужские спины почти полностью закрывали от нас аптекаря. Я переживала из-за того, что у нас не было возможности проинструктировать его, подсказать нужные слова, а главное, воодушевить хотя бы искрой того пыла, с которым Бенджамин противостоял служительнице в столовой.

Наконец аптекарь снова нацепил свои очки.

—Как вы знаете, — скучно начал он, но рев двигателей и ветер заглушили его слова.

—Говори громко! — крикнула Дзинь Ло.

Аптекарь откашлялся.

—Как вы знаете, — сказал он чуть громче, — наш план заключается в том, чтобы локализовать взрыв ядерной бомбы во время испытаний на Новой Земле и нейтрализовать ее разрушительное воздействие. Мы много лет работали в этом направлении, и я практически уверен, что нам удалось найти правильный подход к решению поставленной проблемы...

Люди ждали. Это все они уже знали, но аптекарь продолжал читать им лекцию тоном нудного школьного учителя. Зачем он использовал так много длинных слов? Неужели не чувствовал, что теряет свою аудиторию?

—Но только что выяснилось, что наш друг Леонид Шишкин был подослан советской разведкой с целью остановить нас. В данный момент он заперт в своей каюте, но о наших планах стало известно. Русские знают, куда мы направляемся.

Люди молча переглянулись.

—Я знаю, что у многих из вас в Норвегии остались дети, — продолжал аптекарь. — И понимаю, что в данных обстоятельствах, когда опасность нашего путешествия превысила все мыслимые пределы, у меня нет никакого права просить кого-нибудь из вас рисковать своей жизнью ради меня. Я искренне советую вам от-

везти нас обратно в Англию, а оттуда поскорее вернуться домой, к своим семьям.

Я сморщилась. Одно дело — не суметь подчинить себе слушателей, но совсем другое — пытаться отправить их по домам! Почему он не сказал им о радиации, о рыбе, о северных оленях, о ненцах и детях? Вот о чем нужно было вести речь!

—Строго говоря, это мое требование, — тихо сказал аптекарь. — И единственный разумный выход из создавшегося положения.

И тут сбоку от меня раздался звонкий и сильный голос.

—Это не есть наше требование! — объявила Дзинь Ло. — Я так не требую!

—Я тоже, — поддержал ее граф Вили, подняв воротник своего пальто и опираясь на трость в дверях рубки.

Аптекарь смешался, услышав возражения. Похоже, за долгие годы одиночества, заполненного работой и перепиской с безликими учеными, он успел позабыть о том, что на свете бывают друзья и коллеги.

—В таком случае... — смущенно залепетал аптекарь. — Я полагаю... полагаю, мы могли бы продолжить... Об этом я и собирался попросить вас в самом начале. Но серьезность угрозы, которая... — он замолчал, и я увидела, что он смотрит на Бенджамина, стоявшего за спинами моряков. Аптекарь смешался, взгляд его потеплел, и что-то в нем изменилось.

Когда он снова заговорил, его голос обрел незнакомую прежде силу и убедительность.

—У вас есть дети, — сказал он. — И вы стремитесь защитить их. Поверьте, я всей душой хочу, чтобы вы могли вернуться домой и сделать это. Но при этом я искренне верю в то, что хотели сказать мои коллеги — в то, что мы не должны ограничивать свое стремление защитить наших детей только узкими границами нашего маленького мирка. Да, мы хотим, чтобы они гуляли по безопасным улицам, жили за прочными стенами и ели досыта. Это совершенно естественные желания, — аптекарь снова замолчал. — Но если мы действительно желаем для них безопасности и благополучия, то нам придется изменить большой мир. Так случилось, что всем нам каждую секунду угрожает опасность, и мы не можем ее избежать, запирая двери своих домов, честно зарабатывая на жизнь и укрывая своих детей на ночь.

Я верю, что если наше путешествие увенчается успехом, мы сможем сделать большой мир безопаснее. Но я не могу гарантировать вам этот успех. Как я уже сказал, советский военно-морской флот ждет «Конунга Олафа». У них есть описание нашего корабля, и мы вряд ли сможем избежать встречи. Поэтому я хочу, чтобы вы сами приняли решение.

Никто не произнес ни слова, и «Конунг Олаф» в полной тишине продолжал двигаться на север, навстречу советским судам. Внезапно я услышала свой

тоненький голосок в тесной рубке, полной взрослых мужчин:

—А нельзя сделать наш корабль невидимым?

Все обернулись посмотреть, кто это сказал, и я покраснела до ушей.

Аптекарь покачал головой.

—Боюсь, он слишком велик.

Тогда матрос с серьгами в ушах сказал:

—Можно его замаскировать.

—Простите? — переспросил аптекарь, растерянно моргая за стеклышками своих очков.

—Да корабль же! — подсказал тощий парнишка. — Замаскировать. Перекрасим его, как делали пираты и военные.

—Но это очень сложно, — сказал аптекарь.

—Не очень, — возразила Дзинь Ло.

—Попробовать можно, — кивнул капитан.

—Нужна краска, — сказала Дзинь Ло. — Не синяя, не белая.

Моряки энергично взялись за дело, хлопая крышками рундуков. В конце концов, они вытащили из-под канатов две жестянки красной краски и несколько кистей.

—Не такие, — объявила Дзинь Ло, отталкивая кисточки. — Слишком медленные.

Она отнесла жестянки с краской в кубрик, отыскала самую большую кастрюлю и решительно перелила туда краску.

—Да я ж в ней овсянку варю! — горестно вскричал кок.

—Твоя овсянка на вкус и так, как клейстер, — хохотнул Людвик. — Как-нибудь переживем, если теперь она будет, как краска!

На борту царило настроение лихорадочного ожидания и крепнущей готовности. Аптекарь принес из каюты свой черный докторский саквояж и присоединился к Дзинь Ло, которая взяла у него склянку серого порошка и высыпала немного в кастрюлю с краской.

—Что это? — полюбопытствовала я.

—Как магнит, — ответила она. — Но не магнит.

Она помешала в кастрюле, понюхала смесь, потом добавила туда еще что-то из докторского саквояжа. Краска ожила и заволновалась. Дзинь Ло высоко приподняла деревянную ложку, чтобы оценить на глаз густоту сбегающей с нее краски. Красная жидкость слегка потускнела и стала более жидкой.

—Хорошо, — решила Дзинь Ло.

Аптекарь помог ей перелить раствор из кастрюли обратно в банки. Корабль продолжал идти на север сквозь ночь и ветер, но Дзинь Ло попросила капитана до предела замедлить ход. Тот кивнул своему подчиненному с серьгами, и вскоре корабль почти остановился. Дзинь Ло отнесла банку с краской на нос и перегнулась через поручни правого борта. Она подождала, пока вся команда соберется вокруг — уж кто-то, а Дзинь Ло обладала безукоризненным чувством момента и превосходно владела аудиторией — а потом стала осторожно лить краску через перила на борт.

Вы не поверите, но красная краска не закапала и не хлынула вниз, а стала быстро и равномерно расползаться по вертикальному борту судна, словно лужа воды по горизонтальному полу. Насколько я могла видеть, точно так же краска вела себя и под ватерлинией, и вода ей нисколько не мешала.

Мужчины зачарованно смотрели на это чудо. Они тратили годы жизни, отскребая и крася корабли, а эта краска все делала сама и вела себя так, будто могла покрыть любую поверхность.

—Вы научите нас такому? — спросил Людвик.

—После Новая Земля, — ответила Дзинь Ло. — Тогда тебя учить.

Оттащив вторую банку к левому борту, она вылила краску, проследила, как она растекается по корпусу, а потом придирчиво осмотрела результат. Заметив пропущенное пятнышко, Дзинь Ло добавила немного краски в нужное место, пока не осталась полностью довольна своей работой. Остатки волшебной жидкости пошли на корму, и вскоре корабль полностью преобразился. Надпись «Конунг Олаф» тоже исчезла.

Команда молча смотрела на Дзинь Ло и аптекаря, глаза людей сияли. На эту работу им пришлось бы угробить неделю в сухом доке. Если у кого-то еще оставались сомнения в возможностях аптекаря, то теперь они полностью исчезли.

И тут тощий парнишка неожиданно сказал:

—Ему нужно новое имя.

—Кому нужно? — не понял аптекарь.

—Кораблю. Это же неопровержимая улика — корабль без имени!

И снова повисла тишина.

—Анникен, — вдруг сказал белобрысый Людвик.

—Это подходящее имя для корабля?

—Это имя моей дочурки. Она у меня боевая, никому спуску не даст. — Он обвел взглядом своих друзей. — Я всегда говорил ей, что однажды назову корабль ее именем. Только не думал, что это случится так скоро. Но раз такое дело, то я иду на это ради нее.

—Это означает, что вы пойдете с нами? — спросил аптекарь. — На «Анникен»?

Моряки переглянулись, а потом разом вскинули руки, и над палубой загремели радостные крики:

—«Анникен»! «Анникен»!

Голоса срывались от волнения. Я посмотрела на Бенджамина, стоявшего рядом со мной, и увидела, что он гордится своим отцом.

Граф Вили пихнул меня в бок.

—Видела? — спросил он. — Я с самого начала подозревал, что ненавязчивая реклама сделает свое дело!

—Ну, не знаю, — прошептала я в ответ. — Мне кажется, это все фокусы Дзинь Ло с краской!

Ошеломленный аптекарь растроганно моргал, глядя на моряков.

—Значит, «Анникен», — сказал он.

Загорелое лицо Людвика озарилось ослепительной улыбкой. Раздувшись от гордости, он отправился выводить имя своей дочери на борту корабля. Капитан встал у штурвала, а остальные стали потихоньку расходиться досыпать по каютам. Было так поздно, что уже становилось рано: полоса рассвета зажглась над морем на востоке. С борта донесся изумленный крик Людвика:

—Краска-то уже высохла!

—Мы должны придумать, как выручить семью Шишкина, — сказала я.

—У меня есть одна задумка, — отозвался Бенджамин. — Кто у нас самый симпатичный? Самая добрая душа?

—Дзинь Ло, — мгновенно отозвался граф Вили, а когда мы с Бенджамином непонимающе уставились на него, он покатился со смеху, наслаждаясь собственной остротой. Это была шутка в духе моего папы, поэтому я тоже улыбнулась.

—Я думаю, Джейни, — сказал Бенджамин.

—Разумеется, это Джейни, — согласился граф. — Это не ты и уж точно не я.

Я насупилась, втайне польщенная.

—Я не настолько симпатичная.

—Вот что мы сделаем, — начал Бенджамин.

ГЛАВА 31

Казнь

Утром, после завтрака, я тихонько постучалась в дверь каюты Шишкина. Мужчины, вооруженные пистолетом, по очереди охраняли ее, и сейчас на страже стоял тощий паренек по имени Нильс. Я кивнула ему и вошла в каюту. Шишкин безучастно лежал на своей койке, руки и ноги у него были связаны, голова покоилась на подушке. Я прикрыла за собой дверь.

—Смотрите, кто пришел, — произнес Шишкин. — Маленькая девочка, которая думала, что спасает мир, и походя погубила мою жизнь.

Я заставила себя проглотить это, подавив приступ чудовищного раскаяния.

—Я пришла попросить вас. Может быть, вы передумаете и поможете нам? — робко спросила я.

—Ха-ха-ха, — горько отчеканил Шишкин.

—Вы же раньше верили в аптекаря, — напомнила я.

—Это было до того, как мою семью взяли в заложники.

—Команда согласилась помочь нам.

Шишкин перекатился на бок и впервые посмотрел на меня.

—Я мог бы солгать и сказать, что согласен, — сказал он. — Но твои друзья все равно мне не поверят. Дзинь Ло лучше других знает, что каждый из нас действует только ради себя и своей семьи.

—Аптекарь делает это не для себя.

—Ошибаешься! Ради себя и своей погибшей жены. Каждую минуту каждого дня он живет ради своей мертвой жены.

—Он хочет спасти человечество.

Шишкин презрительно фыркнул.

—Оно не стоит того, чтобы его спасать.

Повисла пауза. Наконец я осторожно сказала:

—Они хотят вас убить. Я пыталась их отговорить, но они меня не слушают. Они беспокоятся за нашу жизнь.

Шишкин сел, насколько позволяли веревки.

—Джейни, — с тревогой в голосе сказал он. — Развяжи мне руки. Ты должна дать мне возможность послать сигнал!

—Я не могу.

—Радиопередатчик у меня в чемодане. Джейни, выслушай меня. Если советские спецслужбы решат, что я помог аптекарю, моя жена и дочь погибли! Но если они будут думать, будто меня убили на задании, то, может быть, они сжалятся над моей семьей и отпустят их?

Я заколебалась, делая вид, что не готова так быстро ему уступить.

—Поклянитесь жизнью Сергея, что только пошлете сигнал и больше ничего!

—Клянусь жизнью Сергея.

Все шло, как по маслу. Я развязала ему руки, и он с наслаждением потер запястья, разгоняя застоявшуюся кровь.

Я повернулась, чтобы пододвинуть к нему чемоданчик с рацией, как велел мне сделать Бенджамин, но Шишкин каким-то чудом успел ослабить веревку, которой его ноги были привязаны к койке, и бросился на меня. Сильная рука схватила меня за шею. Я хотела закричать, но Шишкин заткнул мне рот второй рукой.

—Скажи им открыть дверь, — приказал он.

—Ммпф!

—И без глупостей или, клянусь, я тебя убью, — прохрипел он, убирая руку от моего рта.

Что мне оставалось делать?

—Я выхожу, — дрожащим голосом крикнула я.

Нильс осторожно открыл дверь, держа пистолет перед собой, но Шишкин схватился рукой за ствол и

вырвал его. Я завизжала, и Шишкин зажал мою голову локтем, глуша крик. Он наставил пистолет на Нильса.

—Руки на голову, — приказал он. — И найди мою ногу.

Нильс поднял тощие руки.

—Я не знаю, где она!

—Найди, я сказал, — повторил Шишкин. — Или я убью ее.

—Бенджамин! — закричала я, давясь шерстью колючего шишкинского пиджака. — Дзинь Ло!

Шишкин ударил меня в висок рукояткой пистолета, так что у меня слезы брызнули из глаз, и еще крепче сжал локтем мое лицо. Я не сомневалась, что он легко может сломать мне шею, если захочет. Нильс скрылся в глубине каюты, ища ногу, и мы остались одни в коридоре.

Граф Вили вошел в салон и сказал по-русски что-то умиротворяющее, но Шишкин даже бровью не повел. Вили, демонстрируя миролюбие или покорность, поднял обе руки: одну — пустую, а другую — с болтающейся в ней тростью. В своих огромных одеждах и с ненужной прогулочной тростью он выглядел вызывающе нелепым, рыхлым и эксцентричным по сравнению с твердостью и отчаянием человека, которому было нечего терять.

—Товарищ, — сокрушенно сказал граф. — Друг. Прошу тебя.

В это время вернулся Нильс с протезом.

—Пристегни, — приказал Шишкин, кивая на свое левое бедро. — И без шуточек, а то убью!

Руки Нильса ходили ходуном, когда он неуклюже возился с незнакомыми креплениями, пытаясь прикрепить ногу.

Бенджамин выбежал из рулевой рубки с криком:

—Джейни!

Шишкин все еще держал пистолет у моей головы, а у меня в сознании крутились какие-то странные мысли. Могла ли я когда-нибудь подумать, что умру такой экстравагантной смертью: буду убита в море одноногим мужчиной, пока мальчик-матрос будет пытаться прицепить ему протез! И кто объяснит все это моим родителям?

И тут произошло нечто еще более странное. Звуки возни с ремнями вдруг смолкли, и мертвая тишина воцарилась в коридоре.

Я больше не слышала громкого сопения Шишкина, и все вообще стихло. Корабль перестал покачиваться, птицы перестали кричать. Нельзя сказать, что я не могла пошевельнуться — но почему-то не шевелилась. И сердце у меня не билось.

Все замерло, кроме графа Вили, который бросился к нам так быстро, что просто мелькнул в воздухе. Прежде чем я успела опомниться, он вышиб тростью пистолет из руки Шишкина и оттолкнул меня в сторону. Пистолет неподвижно повис в воздухе.

Как раз в тот момент, когда я сообразила, что граф заморозил время, меня оглушил шум. Все пришло в движение, граф Вили поймал летящий пистолет, и

инерция его толчка швырнула меня к стене коридора. Я едва успела выставить вперед руки, чтобы не удариться лицом.

Лишившись меня, одноногий Шишкин потерял опору и рухнул на пол. Над ним с пистолетом в руке стоял Вили – не стремительный сверхъестественный вихрь, а толстый венгерский граф в мятом костюме-тройке.

Бенджамин, оцепеневший посреди салона, бросился вперед. Он насел на Шишкина сверху и обеими руками схватил его за горло.

—Прекрати! – донесся сдавленный голос Шишкина.

—Бенджамин! – сказал Вили.

—Со мной все в порядке! – завопила я, испугавшись, что Бенджамин убьет Шишкина голыми руками. Я знала, что он не хотел этого делать и никогда не простил бы себя потом. – Правда, Бенджамин, я в порядке!

—Снимите... его... с... меня, – прохрипел Шишкин, как мне показалось, на последнем дыхании.

Вили оттащил Бенджамина прочь и рывком поставил на ноги, а молодой матрос связал Шишкину руки профессиональными морскими узлами. Бенджамин не смотрел на меня. Я видела, как желваки на его щеках перекатываются от гнева, а может быть, от смущения.

Когда Шишкина отволокли обратно в каюту, я осторожно вложила свою руку в руку Бенджамина.

—Спасибо, — шепотом сказала я. Мне не хотелось, чтобы он стыдился себя, хотя я понимала, как он сожалеет о своем нападении на Шишкина.

Шишкин разрешил нам дать сигнал советской стороне и сообщить им, что его раскрыли и приговорили к казни. Казалось, он сдался и смирился со своей судьбой, и я страшно жалела его, несмотря на то что он четверть часа назад держал пистолет у моей головы. Вили, знавший русскую азбуку Морзе, отослал сообщение.

Когда Шишкин дал сигнал окончания передачи, граф Вили снял наушники и выключил приемник.

—Получилось замечательно, — сказал он. — Очень трогательно и патриотично. Теперь вы умрете героем, и ваша семья потеряет всякую ценность для Советов. Если повезет, они отпустят вашу жену и дочь. А если повезет еще больше, они не узнают, что вы остались живы.

Шишкин моргнул.

—Вы не собираетесь меня застрелить?

—А вы думаете, мы варвары? — вопросом на вопрос ответил Вили. — Дети пообещали вашему сыну, что попытаются помочь вашей семье. А мы, в свою очередь, хотим помочь им сдержать слово.

Шишкин в изумлении уставился на нас с Бенджамином. Дзинь Ло выбросила его радиопередатчик за борт, и мы услышали, как он с плеском ушел под воду.

—Надеюсь, вы понимаете, что нам придется держать вас под замком, — продолжал Вили. — Приношу

вам за это свои извинения. Но и вы постарайтесь нас понять, нельзя же позволить вам и дальше захватывать заложников!

Но Шишкин закрыл лицо руками и, похоже, не слышал ни слова, обессиленный и опустошенный немыслимым облегчением. Возможно, он не считал человечество достойным спасения, однако это не означало, что он не был счастлив остаться в живых.

ГЛАВА 32

Гений

Холодный и ясный рассвет занимался над Северным морем, и красная «Анникен» мерно рассекала волны, следуя на норд-норд-ост. Чайки, перекликаясь, кружили в вышине, две из них дрались за рыбу в воздухе, то кружа, то бросаясь друг на друга. Свет так ярко сверкал на воде, что глазам было больно смотреть.

Один из моряков замерял высоту солнца при помощи секстанта, чтобы, сверившись с картой, точно определить наше местоположение и избежать преждевременного захода в советские воды. В кильватере нашего ледокола летел огромный альбатрос. За послед-

ние несколько дней у меня появилась привычка смотреть на птиц новым, подозрительным взглядом, но этот, кажется, был самой настоящей птицей. Он мчался в воздушном потоке, созданном движением корабля, ради чистого удовольствия полета, без малейших усилий выписывая бесконечные восьмерки своими огромными крыльями.

Дзинь Ло показала мне небольшой пузырек, который она приготовила на случай, если мы сядем на мель. Она обмакнула хлопковую нить в прозрачный раствор и опустила ее, мокрую, в пробирку с морской водой. На конце нити тут же начали конденсироваться соляные кристаллы, которые стремительно росли, пока не превратились в подобие леденца, болтавшегося на веревочке в пробирке. Дзинь Ло вытащила затвердевшую соль и протянула мне пробирку.

—Пей.

—А это не вредно?

—Да, я тебя отравлять.

Я уже успела привыкнуть к юмору Дзинь Ло, поэтому улыбнулась и выпила воду. Она оказалась холодной, чистой и серебристой на вкус и при этом ни капельки не соленой.

—Это можно использовать на благо людям! — в восторге воскликнула я. — По всему миру!

Дзинь Ло насупилась.

—Очень новинка. Трудно сделать больше, чем совсем чуть-чуть.

Днем мы наблюдали, как Дзинь Ло подбрасывала в воздух свои крупицы, чтобы потренироваться в управлении сетью. Граф Вили объяснил, что для резкого сокращения сети нужны большие выбросы радиации, а при низких уровнях, например, как от солнечного излучения, сеть паутинкой зависала в воздухе. Она была едва различима, но наполняла воздух золотистым сиянием.

Экипаж бывшего «Конунга Олафа», знавший толк в хороших рыболовных сетях, попросил Дзинь Ло поймать немного свежей рыбки.

—Не назначена сеть для этого, — сказала она.

—Ну, хоть попробуйте! — пристал Людвик.

Дзинь Ло вздохнула.

—Хорошо, — сдалась она. — Вы разыскать рыбу.

И вот матросы стали зорко всматриваться в волны, пока не заметили стаю серебристых чаек, круживших впереди.

—Там должен быть косяк, — уверенно сказал Людвик. — Птицы свое дело знают.

Они направили «Анникен» в сторону чаек и заглушили моторы. Внизу, под чайками, мы увидели мелких рыбешек, которые с серебристыми всплесками выпрыгивали из воды, спасаясь от зубов рыбы покрупнее. Большие рыбины тоже выскакивали на поверхность, порой показываясь целиком, а над ними, как бе-

зумные, метались чайки, пытаясь схватить на лету скачущую мелочь.

Дзинь Ло, не проявив ни малейшего интереса к этому представлению, показала двум морякам, как держать практически невидимые золотые концы сети. Вместе они развернули ее над морем, и мне показалось, будто слепой дождь упал на поверхность волн. После нескольких попыток моряки вытащили на палубу золотую сеть, тяжелую от жирной блестящей рыбы, бешено бившейся в невидимой ловушке.

Кок зажарил рыбу на рашпере прямо на палубе, сварливо причитая себе под нос, что отец Бенджамина выжил его из камбуза, который превратил в лабораторию. Аптекарь уже извлек Квинтэссенцию из белых цветов, сохраненных в стеклянном колпачке, и теперь экспериментировал с ней.

От мыслей о том, с каким самоотречением аптекарь занимался своим делом, я невольно перешла к невеселым размышлениям о своих собственных родителях: о том, как скоро они вернутся в Лондон, как узнают о моем исчезновении и что будут делать дальше.

Когда рыбу, горячую, соленую и восхитительную, сняли с решетки, мы с Бенджамином и графом Вили взяли свои тарелки и сели на рундук. Полуденное солнце ненадолго вышло из-за облаков, и граф, держа свою рыбу за хвост, обрывал с нее мясо зубами, как огромный вальяжный кот, неживший под припекающими лучами. Я очень привязалась к графу за время нашего

путешествия. В моих глазах его язвительность и пресыщенность с лихвой искупались неукротимым желанием получать удовольствие от жизни.

—Даже короли не наслаждались лучшим обедом, — сказал он, облизав жирные пальцы. — Уж я-то знаю, можете поверить.

—Что вам известно о бомбе, которую хотят испытать русские? — спросила я.

—Только то, что ее изобрел физик по имени Андрей Сахаров, — ответил Вили. — Молодой советский гений. Мне бы очень хотелось познакомиться с ним при других обстоятельствах. Я полагаю, у него чрезвычайно гибкий ум. Одно время мы думали привлечь его к своей работе. Но, боюсь, он слишком глубоко укоренен в советскую систему.

—Может быть, он заинтересуется, когда увидит, что вы сделаете? — предположила я.

Граф насмешливо скривил губы.

—То есть когда мы погубим его работу? Не знаю, Джейни, каким образом ты заводишь друзей, но мне представляется, это не лучший способ.

Я вспомнила еще кое о чем, что уже давно не давало мне покоя.

—Когда аптекарь заставил цвести дерево джайвал, — сказала я, — чтобы получить Квинтэссенцию, он выпустил нечто такое, что назвал Темной энергией. Она была похожа на облако.

Граф явно был поражен.

—Ты видела это своими глазами?

—Мы смотрели, как облако уплывает, — ответила я. — Только на самом деле оно не совсем уплывало. Мне показалось, что оно точно знало, куда идет.

Быстрая тень прошла по лицу графа. Он нахмурился.

—Скажите-ка, вы сталкивались с какими-нибудь пагубными последствиями экспериментов с «Фармакопеей»?

Мы с Бенджамином переглянулись.

—У тебя на шее недоставало перьев, — сказал Бенджамин, — когда ты была птицей.

—Это из-за того, что Дэнби схватил меня за шарф, — ответила я, мысленно перебирая остальные наши эксперименты. — Я случайно открыла слив, прежде чем Пип успел стать невидимкой, но это случилось из-за моей неуклюжести, кроме того, нет худа без добра, потому что Пип остался видимым и смог отвлечь полицию.

—Масло памяти парализовало Дзинь Ло, — вспомнил Бенджамин.

—Вмешательство в законы природы неизбежно влечет за собой последствия, — сказал граф. — Чем значительнее нарушение, тем сильнее следствие. Название вашей «Фармакопеи» происходит от древнегреческого слова «фармакон», обозначавшего и лекарство, и яд, то есть способность исцелять и причинять вред. Мне никогда не доводилось видеть Темную энергию в виде облака. Но я видел ее воздействие, правда, в довольно

скромных масштабах. Мой наставник, его звали Константин, рассуждая о таких материях, вспоминал римское понятие гения или духа-хранителя. Он полагал, будто в каждой материи обитает такой гений и, изменяя материю, мы тем самым выпускаем на свободу ее гения.

Константин не увидел бы ничего странного в том, что ваше облако будто бы знало, куда направляется. Освобожденные гении обладают неким подобием разума, а порой могут иметь довольно злобный или вспыльчивый характер. Но при этом они наделены своеобразной верностью. Сам факт, что они вообще дают себе труд наказывать нас негативными последствиями, означает, что они по-своему тесно привязаны к тем, кто их побеспокоил, если вы понимаете, что я имею в виду. Разумеется, это лишь мои предположения. Мы работаем в темноте — мы делаем, что умеем, как писал Генри Джеймс.

—Мистер Дэнби советовал мне прочитать Генри Джеймса, — сказала я.

—Вот видишь? — улыбнулся граф Вили. — Ужасный мистер Дэнби читает хорошие книги. Выходит, даже самая темная сила никогда не бывает беспросветно черной.

Вечером того же дня мы с Бенджамином, ежась от холода, стояли в темноте у перил и смотрели, как вода

расступается и пенится перед носом «Анникен». Она разбегалась вдоль бортов, ярко-белая на фоне черного моря, и казалось, будто у нашего корабля выросли крылья. В вышине сверкали звезды – небывало ясные, намного ярче звезд туманной Англии и задымленного Лос-Анджелеса, и при взгляде на них я испытывала странное чувство, как будто у меня душа разворачивалась в груди.

Бенджамин первым нарушил молчание.

–Джейни, мне стыдно, что я вчера потерял самообладание. Я просто не смог сдержаться, это было так ужасно – видеть, как Шишкин приставил тебе к голове пистолет, и быть не в силах хоть что-то сделать! Это из-за моего плана ты оказалась в такой опасности, вот я и сорвался.

–План был отличный, – возразила я. – Просто я была недостаточно осторожна.

–Ты была очень храброй.

–Совсем не была! Я перепугалась до смерти.

–Он тебе поверил и ни разу не усомнился. Ты никогда не хотела стать актрисой?

Я вспомнила глупую и тщеславную деву Марион, с ее искусственными ресницами и безыскусными заигрываниями, и ее многочисленных американских сестер, игравших в разных телесериалах по сценариям моих родителей.

–Нет, – ответила я. – Если честно, одно время я тренировала походку, как у Кэтрин Хепберн. Но те-

перь я понимаю, что мне больше хотелось походить на героинь, которых она играла, чем на нее саму.

—Покажи мне походку! — попросил Бенджамин.

Я замотала головой. Мне не верилось, что я могла вот так просто рассказать ему о походке Хепберн!

—Ну, пожалуйста!

—Нет!

Бенджамин улыбнулся.

—Ладно, в другой раз.

Я тоже вдруг улыбнулась.

—Ладно, может быть.

Мы еще немного постояли, молча глядя на носовую волну, а потом Бенджамин сказал:

—Слушай, Джейни. Помнишь, что я говорил про Сару Пеннингтон? Тогда, под воздействием «Запаха правды»?

Я кивнула. Мое сердце тревожно заколотилось под бушлатом.

—Я просто хотел тебе сказать... — продолжал Бенджамин, пристально глядя на бегущую внизу волну, — что... короче, что ты единственная, с кем я хотел бы оказаться здесь.

Это были те самые слова, которые я втайне от себя мечтала услышать вечность тому назад, когда у меня было время переживать по поводу чувств Бенджамина. Но теперь, услышав их наяву, я растерялась. Бенджамин повернулся ко мне, и серьезный взгляд его темных глаз подействовал на меня так же, как в первый

день в школьной столовой. Ветер бросил прядь волос мне на щеку, и Бенджамин с улыбкой убрал ее.

—Вот это я и называю американскими волосами, — сказал он, легонько дернув меня за прядку. Его пальцы коснулись моего лица, скользнули за шею, а потом он притянул меня к себе и поцеловал.

Его губы были теплыми и мягкими, а ночь — холодной. Дрожь пробежала по моей спине от того места, где пальцы Бенджамина, зарывшись в мои волосы, прижимались к шее. Это было невыносимо приятно. Мы плыли к месту ядерных испытаний, вооруженные ни разу не опробованным противоядием. Советский военно-морской флот послал на наши поиски подводные лодки и самолеты-разведчики, мои родители вот-вот должны были начать сходить с ума от тревоги, но в этот момент я не променяла бы палубу ледокола ни на какое другое место на земле. И даже сейчас, с высоты долгих прожитых лет, я могу сказать только одно: это было самое лучшее место для первого поцелуя в моей жизни.

Бенджамин оторвался от меня, вихрь чувств прошел по его лицу. Казалось, он хмурился и улыбался в одно и то же время. Я знала, что он думает о том же, что и я. Потом он снова поцеловал меня, и весь мир исчез.

Когда мы так устали и замерзли, что больше не могли оставаться на палубе, Бенджамин ушел в каюту своего отца, а я отправилась в свою, которую делила с

Дзинь Ло. Когда я вошла, она открыла один глаз, потом второй, и я заподозрила, что она вообще не спала. Дзинь Ло смерила меня быстрым проницательным взглядом.

—Что-то хорошее происходило? — спросила она.

—Гм, — промычала я. — Да.

—Это хорошо, — сказала Дзинь Ло.

Я сняла с себя все, кроме шелковых панталон, забралась на узкую койку и какое-то время лежала на спине, разглядывая заклепки в переборке.

—Дзинь Ло? — не выдержав, позвала я.

—Ммм?

—Вы все еще тоскуете по своим родителям?

В темной каюте воцарилось молчание.

—Иногда, — наконец отозвалась Дзинь Ло.

—Вы хорошо их помните?

Снова повисла тишина.

—Помню запах отцовской рубашки, — ответила она. — Как мать расчесывает волосы. Иногда неясно вижу лица. Мне восемь. Я помню пятки младшего брата. И крошечные пальчики на ногах, очень смешные.

—Как его звали?

—Шунь Лю, — сказала Дзинь Ло. — Означать «ивовое дерево». Только Шунь Лю очень толстый, совсем не ива.

—Может быть, он вырос бы высоким и стройным, — прошептала я. Дзинь Ло не ответила, и я испугалась, что сказала лишнее.

—Твоя мама знать, где ты есть? — спросила Дзинь Ло после долгого молчания. — Твой папа?

—Нет.

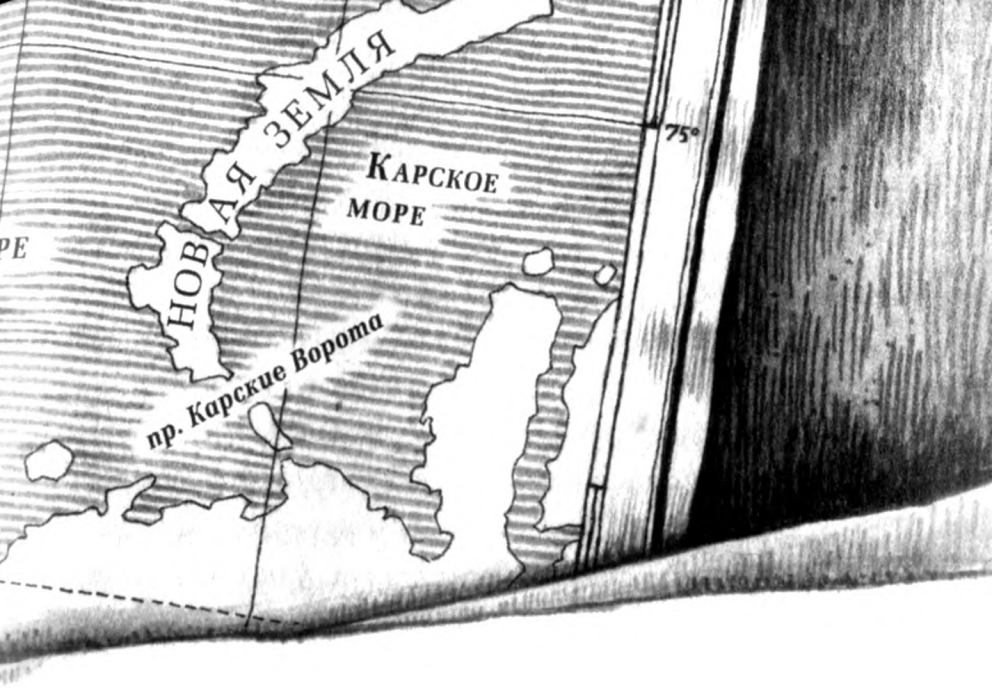
—Они в тревоге.

—Я знаю.

—Ты не знаешь! — отрезала она. — Ты — дитя.

Я немного обиделась, хотя понимала, что Дзинь Ло права, и я даже представить себе не могу тот кошмар, который предстояло пережить моим родителям. Некоторое время я пыталась успокоить свою совесть, но вместо этого снова и снова представляла, как сердятся и волнуются мои мама и папа, а об этом мне совсем не хотелось думать. Я беспокойно ворочалась на своей тощей подушке. Потом мои мысли снова вернулись к взгляду, которым Бенджамин смотрел на меня на палубе, к его теплым губам и теплой руке, коснувшейся моей щеки на свирепом холоде. Я не заметила, как уснула.

Норвежское море
Баренцево
Киркенес
Полярный круг
Норвегия
Швеция
Финляндия
Осло
Стокгольм
Хельсинки
Ленинград
Северное море
Балтийское море
Дания
Лондон
Берлин
Москва
СССР
Зап. Германия
Вост.
Польша
0°
15°
30°
45°



ГЛАВА 33

Новая земля

На следующее утро мы пересекли невидимую границу, за которой колючее дыхание Арктики уже не просто чувствовалось в каждом глотке воздуха. Теперь Артика крепко схватила нас своими ледяными зубами и не собиралась отпускать. Даже закутавшись в меха и шерстяные пальто, невозможно было стоять на палубе, не пряча лицо и не сутуля плечи от пронизывающего ветра. При каждом глубоком вдохе казалось, будто в легкие втыкаются невидимые сосульки. Настоящие сосульки намерзали на ресницах, когда ветер выжимал слезы из глаз, а если я

снимала перчатки, то уже через несколько секунд у меня от холода немели пальцы.

Кок постоянно держал на плите горячие кофе и какао и без устали разливал обжигающие напитки по кружкам. Матросы обращались с двигателями с такой предупредительностью, словно те вдруг превратились в балованных детей, которые в любой момент могли раскапризничаться или, того хуже, насмерть обидеться, отказавшись выполнять просьбы своих нянек.

Моряк с секстантом попытался, как обычно, выполнить измерения, но небо в полдень было настолько плотно затянуто тучами, что прибор оказался бесполезен. Моряк мрачно уставился в карту.

—Мы рядом с советскими водами, — сказал он. — Но я не знаю, насколько рядом. Возможно, мы уже зашли в них.

Не прошло и часа, как впередсмотрящий прокричал:

—Патрульное судно, сэр!

Капитан Норберг взял у него бинокль и вгляделся в горизонт. Аптекарь встал рядом с ним. Я тоже увидела судно. Оно было далеко, на горизонте, но двигалось прямо к нам.

—Советское, — сказал капитан, не отнимая от глаз бинокля. — Как бы там ни было, вы должны исчезнуть с корабля, и немедленно. Дети тоже. На судне нет такого места, где бы пограничники их не нашли.

Мы бросились в каюту аптекаря, где вместо Дзинь Ло нас встретила шустрая птица с сердитыми глазами

и шапочкой черных перьев на головке. Должно быть, китаянка сбежала вниз и приняла птичий эликсир сразу после того, как впередсмотрящий заметил патруль.

—Сокол! — воскликнул граф Вили. — Вот это да!

—Просто безобразие, что ты до сих пор ни разу не удосужился испробовать этот эликсир! — заворчал аптекарь. — Надеюсь, ты не превратишься в какого-нибудь бесполезного пингвина!

—Боже мой, неужели такое возможно? — пробормотал граф Вили. — Мне бы очень не хотелось остаться здесь! Я с нетерпением жду встречи с Андреем Сахаровым.

—Потому что хочешь помочь нам обезвредить его бомбу, — напомнил аптекарь. — У нас тут не заседание клуба поклонников!

—Разумеется, я хочу его остановить! — обиженно воскликнул Вили. Потом он взял бутылочку эликсира, выпил и громко ахнул от изумления. На наших глазах его сияющее лицо и дородное тело стали съеживаться и меняться. Через тридцать секунд перед нами стояла большая серая птица с крючковатым клювом и огромным размахом крыльев, точь-в-точь как у альбатроса, который недавно несся у нас в кильватере. Это была именно та птица, которой хотел бы стать Вили, и когда он в восторге раскинул свои крылья, то нечаянно хлестнул сокола по лицу кончиком махового пера. Дзинь Ло обожгла его бешеным взглядом. Альбатрос поспешно сложил крылья и виновато склонил крупную серую голову.

Аптекарь протянул мне другую бутылочку.

—Джейни, — попросил он, — будь добра, отнеси это Шишкину.

—Он пойдет с нами?

—Мы не можем оставить его здесь.

—Спорим, он превратится в подсадную утку? — хмыкнул Бенджамин.

Я бросилась в каюту к Шишкину. Он все еще был связан, но поскольку никакие путы не могли бы удержать птицу, в которую ему предстояло превратиться, я не стала возиться с веревками.

—Советский патруль приближается, — сказала я. — Нельзя допустить, чтобы они вас захватили. Вам придется выпить вот это.

Шишкин хмуро уставился на бутылочку.

—Что это?

—Нет времени объяснять. Просто выпейте, и все будет хорошо. Я обещаю.

Я помогла ему выпить и стала ждать медленного и удивительного превращения, но вместо этого в каюте громыхнул небольшой взрыв. Я зажмурилась и закрыла глаза рукой. Когда я убрала руку, Шишкина на койке не было. Веревки, которыми он был связан, были пусты.

Я обвела взглядом каюту, гадая, не превратился ли Шишкин в какую-то редкую русскую птицу, но не увидела никакой птицы. А потом заметила на покрывале крошечную соляную пирамидку. Я пересыпала ее в пузырек, тщательно собрав все до последней крошечки,

туго заткнула резиновую крышечку и помчалась в каюту аптекаря.

—Это жена Лота! — с порога закричала я. — А я думала, вы дали ему птичий эликсир!

—Шишкин никогда бы не согласился превратиться в соль, — сказал аптекарь. Он деловито укладывал вещи. — А мы не можем допустить, чтобы его нашли советские пограничники. Будь добра, положи его в маленький рюкзак.

Я взяла маленький рюкзачок с миниатюрными лямками, прикрепленными к твердому цилиндрическими футляру, обшитому кожей, и опустила пробирку с Шишкиным внутрь. Этот рюкзак с миниатюрными пряжками могла нести крупная птица.

—Где вы его достали? — спросила я.

—Немного переработал конструкцию, изобретенную одним немецким аптекарем. — Отец Бенджамина поставил свой докторский саквояж на дно матросского сундука и забросал его сверху свернутыми одеялами. — Он пользовался таким рюкзаком, чтобы пересылать лекарства голубиной почтой. Вы не поможете мне сложить остальные склянки?

Каждая из бутылочек, выстроенных на койке, легко ложилась мне в ладонь, и я по очереди ссыпала их все в рюкзак, рядом с пузырьком, где хранился мистер Шишкин.

В одном пузырьке было что-то золотое, цвета мерцающей сети Дзинь Ло. В другом плескалась прозрачная

жидкость, в которой я узнала Квинтэссенцию. Даже через плотно притертую пробку я чувствовала ее нежный запах. Еще одна бутылочка обожгла мои пальцы холодом, и мне пришлось брать ее через рукав. Может быть, там была заморозка времени графа Вили? Пятый пузырек был заполнен незнакомой мне янтарной жидкостью.

—Аварийный запас птичьего эликсира, — ответил на мой молчаливый вопрос аптекарь. — На случай, если действие нашего закончится раньше времени.

Я хотела спросить его, успеем ли мы достать эликсир из рюкзака и выпить его до того, как замерзнем насмерть на ледяном архипелаге, но Бенджамин вдруг воскликнул:

—«Фармакопея»! Куда мы ее спрячем?

Мне не пришлось ломать голову над этим вопросом.

—Поставим к лоциям капитана Норберга! — выпалила я. — Как в кабинете химии.

Бенджамин выбежал из каюты, унося с собой книгу.

Аптекарь обвел глазами каюту, желая убедиться, что не оставил ничего подозрительного, потом посмотрел на меня.

—Ты будешь самой мелкой птицей, Джейни, — сказал он. — Бомба хранится в деревянном сарае на южной оконечности Новой Земли. Сарай стоит там уже давно и выглядит совершенно обычно, чтобы не привлекать внимания самолетов-разведчиков. Нам нужно выяснить, как бомба приводится в действие и сколько у нас будет времени до взрыва. Если ты сумеешь пробраться в са-

рай, я бы хотел, чтобы ты выяснила все это. Поверь, я ненавижу себя за то, что собираюсь снова подвергнуть тебя опасности, и Бенджамин никогда мне этого не простит, но может так случиться, что ты окажешься единственной, кто сможет пробраться в хранилище.

—Я проберусь, — пообещала я. — Мне хочется вам помочь!

—Спасибо. — Аптекарь протянул мне рюкзачок. — Помоги мне с этим, — попросил он и проглотил эликсир. Через несколько мгновений он стал уменьшаться и меняться, пока не превратился в белоснежную сипуху с лицом в форме сердечка и умными черными глазками.

Я так нервничала, прилаживая сбрую, что нечаянно ущипнула сипуху за крыло, и та пребольно клюнула меня в руку.

—Ой! — взвизгнула я. — Простите, я не нарочно!

Совиное лицо виновато понурилось, и я поняла, что аптекарь клюнул меня инстинктивно.

Вернувшийся Бенджамин в первое мгновение оторопел при виде белой совы, но потом узнал отца.

—Капитан Норберг говорит, что простоит у Новой Земли до заката, на случай, если получится нас подобрать. Если нет, то он будет ждать нас в Киркенесе, в Норвегии, напротив советской границы.

Сипуха кивнула и клювом пододвинула к нему пузырек.

Мы с Бенджамин допили остатки эликсира и снова превратились в полевого жаворонка и малиновку.

Бенджамин догадался оставить открытой дверь из каюты в коридор и на палубу, поэтому мы все пятеро без помех вылетели наружу и взмыли над носом «Анникен» как раз в тот момент, когда советский патруль приблизился к борту.

Несколько матросов «Анникен», разинув рты, провожали нас ошеломленными взглядами, пока товарищи не пихнули их в бока. Опомнившись, матросы твердо уставились на патрульных, делая вид, будто не случилось ничего необычного. Да и что необычного может быть в том, что простые норвежские моряки сбились с курса в пасмурный день и случайно зашли в советские территориальные воды?

Небо было затянуто тучами, воздух насквозь продувал мои перья, однако птицей я мерзла гораздо меньше, чем девочкой. Я была меньше остальных птиц, поэтому мне было трудно лететь наравне с ними. Порывы ветра сдували нас с курса, но вскоре мы заметили, что Бенджамин, летевший чуть выше, резко вырвался вперед. Поднявшись к нему, мы поймали сильный северный ветер и, подхваченные им, мчались по небу до тех пор, пока не увидели перед собой огромный серый корабль с орудийными башнями и уродливым серым вертолетом, стоящим на палубе. Граф Вили говорил, что русские выставят у берегов Новой Земли эсминец, с которого будут наблюдать за испытаниями, и я догадалась, что под нами тот самый корабль, а значит, мы уже неподалеку от острова.

Вскоре наши зоркие птичьи глаза разглядели впереди Новую Землю. Никогда в жизни я не видела более безотрадного места: холодного, голого, без единого деревца и продуваемого свирепыми ветрами. Невозможно было поверить, что здесь могли жить люди. Длинное северное побережье архипелага омывалось открытым морем, зато с юга и востока льды почти полностью соединяли его с материком. Вдоль южной оконечности тянулась взлетная полоса. На севере виднелись скопления крошечных домишек, наверное, там жили ненцы.

Неподалеку от взлетно-посадочной полосы стоял ничем не примечательный сарай, служивший, по словам аптекаря, тайным хранилищем бомбы. Расчет был превосходен: сарай выглядел настолько убого, что никому и в голову не могло прийти, что в нем может произойти нечто важное.

Снизившись, мы увидели часового, стоявшего под небольшим навесом. На нем был зимний маскировочный костюм: белый полушубок и белая шапка, и судя по всему, он был единственным стражем бомбы. Рядом с сараем над снегом возвышалась насыпь, и, подлетев ближе, мы поняли, что в ней скрывается бункер с дверью, выдолбленной в мерзлой земле. Вероятно, там часовой спал.

Когда он отвернулся, мы опустились на снег за бункером, но я не сразу сумела остановиться и врезалась в Дзинь Ло. Сердитый сокол надменно переступил когтями и отошел в сторону, пока я беспомощно кувырка-

лась в снегу. Без всяких слов было ясно, что Дзинь Ло считает нас всех беспомощными дилетантами.

Внезапно в воздухе раздался стрекот вертолетных винтов, а потом появилась и сама машина. Она зависла возле сарая с бомбой, как огромная злая стрекоза. Часовой туже натянул на голову белую шапку, спасаясь от ветра, поднятого пропеллером. Затем вертолет сел, взметнув столбы снега в студеный воздух.

Из него вылезли два советских офицера, один из которых был в летном шлеме и в очках, и трое мужчин в штатском.

Один из штатских был высок и выглядел элегантно даже в тяжелых зимних одеждах, и я сразу его узнала.

Это был Дэнби, а с ним — немец со шрамом!

Пятый, и последний, гость оказался щуплым молодым мужчиной в длинной косматой шубе и серой шерстяной шляпе. Он держался обеспокоенно и немного рассеянно, его длинные волосы выбивались из-под полей шляпы. Я догадалась, что это и был тот самый Андрей Сахаров, русский гений, с которым так хотел познакомиться граф Вили. В затянутых в перчатки руках молодой физик нес небольшую металлическую коробку.

Пилот вертолета принес с собой термос с чем-то горячим, и обрадованный часовой, усевшись на трехногую табуретку, принялся за еду. Офицер постарше, с лицом загорелым и жестким, как кожа на старых ботинках, отпер дверь сарая при помощи нескольких раз-

ных ключей и кодовой комбинации, после чего мужчины все вместе вошли внутрь и заперли за собой дверь.

Я посмотрела на сипуху, и та кивнула мне своей белоснежной головой. Настал мой час, теперь мне предстояло выяснить, сколько у нас времени. Я облетела сарай в поисках какого-нибудь лаза, а Бенджамин увязался за мной. К счастью, часовой был настолько занят своим супом, что не обратил внимания на пролетевших мимо птиц. Наконец я отыскала узкую щель между стеной и крышей, с некоторым трудом протиснулась в нее и опустилась на карниз с другой стороны. Щель оказалась слишком тесна для Бенджамина-жаворонка, но я увидела, что он сел снаружи. Я была рада, что он рядом.

Я не сразу смогла как следует осмотреться в сарае. Там было темно, и один из офицеров включил фонарик. На полу посередине помещения лежал длинный цилиндр, а рядом с ним ящик, формой напоминавший гроб. Ящик был примерно восемь футов длиной и выкрашен темно-серой краской. Я ожидала увидеть закругленный нос и стабилизаторы, как на той бомбе, что мы сбросили на Хиросиму, но эта модель не предназначалась для сбрасывания с самолета. Ее не нужно было перемещать. Она не производила шума, и на ней не было никаких отметок, однако эта бомба была окружена зловещей, смертоносной аурой. Мне было неприятно даже находиться в одном помещении с ней.

Сахаров поставил свой маленькую металлическую коробочку у одного конца бомбы. Молодой пилот вер-

толета почтительно открыл для него ящик с инструментами, словно врач, ассистирующий знаменитому хирургу. Сахаров выбрал гаечный ключ.

Мистер Дэнби кружил вокруг бомбы, разглядывая ее со всех сторон.

—Она прекрасна, — восхищенно сказал он. — Создана по той схеме, что я достал? — Дэнби так явно напрашивался на похвалу, что вдруг показался мне жалким, как какой-нибудь отстающий ученик из его латинского класса, выклянчивающий работу на дополнительные баллы. Сахаров, не поднимая головы, что-то быстро сказал по-русски.

—Зачем вы называете меня предателем? — обиделся Дэнби.

—По моему мнению, вы вполне точно подходите под это определение, — ответил Сахаров, прикручивая что-то к бомбе. — Почему мы говорим по-английски, если вы понимаете русский?

—К сожалению, я немного подзабыл язык, — признался Дэнби. — Я понимаю лучше, чем говорю.

—Позвольте вам не поверить.

—Товарищи, товарищи, — примирительно сказал офицер. — У нас важное дело!

Сахаров закрутил небольшой винт, выпрямился и встал.

—Схема тут такая, — бросил он, не скрывая своего презрения к предателю, который не был физиком и не говорил по-русски. — В атомной бомбе мы раска-

лываем атом. Это называется расщеплением. Вот в этой, революционной водородной бомбе мы тоже расщепляем атом и соединяем произведенную при этом энергию с энергией слияния легких элементов в более тяжелые. Это называется синтезом. Затем мы используем высвободившуюся энергию для второй реакции расщепления, и в результате получается взрыв в двадцать раз мощнее того, что сравнял с землей Хиросиму.

Так что да, моя идея имеет определенное сходство с той, которую американцы передали англичанам. Но это не тот проект, который вы у них выкрали – кстати, он в любом случае имел определенный изъян, хотя вы вряд ли могли это понять. Как я уже не раз говорил, без вас можно было бы обойтись. Мы с американцами пришли к сходным выводам. Это потому, что с атомом столько всего можно сделать! Расщепить, синтезировать или, скажем, оставить в покое. – Он протянул пилоту гаечный ключ.

Я лихорадочно пыталась понять смысл сказанного Сахаровым и наконец сообразила, что если его бомба действительно такая мощная, то аптекарское противоядие может с ней не справиться. Я уже собралась протиснуться в щель обратно и предупредить наших, когда в темноте сарая вдруг раздался грубый голос Шрама, который заметил бесстрастным тоном, каким обычно говорят о погоде:

–Тут птица.

Я почувствовала резкий порыв воздуха, а потом вокруг стало темно. Я оказалась в каком-то тесном, пахнущем затхлостью месте, где не могла даже расправить крылья. Затем возникла полоса света, и я увидела перед собой лицо со шрамом. Я сидела в шляпе Шрама!

—Это американская малиновка, — сообщил мой похититель.

—Вы уверены? — спросил Дэнби.

—Здесь не должно быть никаких животных, — рассердился советский офицер. — Я доложу об этом!

—Тут дело серьезнее, — отрывисто рявкнул Шрам. — Наша птичка не из этих мест. Это шпион!

После этого дикого заявления повисло изумленное молчание. Затем офицер быстро спросил:

—На ней камера?

—Она человекообразная, — сказал Дэнби. — То есть это человек, который превратился в птицу.

Старший офицер откашлялся и очень осторожно, как будто имел дело с опасными сумасшедшими, сказал:

—Пусковой механизм установлен. У нас есть двадцать минут. Мы должны немедленно вернуться на корабль.

—Постойте! — воскликнул Дэнби. — Необходимо обыскать остров и найти всех остальных птиц. Они могут попытаться сорвать испытания!

—Мы немедленно уходим, — сказал офицер.

Шрам в шляпе вытащил меня из сарая. Я не знала, слышал ли Бенджамин все, о чем здесь говорилось, и никак не могла предупредить его о том, что советская

бомба может оказаться слишком мощной для золотой сети Дзинь Ло. Затем заработал вертолет, и я поняла, что даже если закричу, грохот винтов все равно заглушит мой тоненький птичий голосок.

Это был мой первый в жизни полет на вертолете, и поверьте моему опыту: перелет вслепую, в не слишком чистой шерстяной шляпе, на коленях у убийцы со шрамом, со знанием важнейшей информации, от которой может зависеть жизнь ваших друзей, – не лучший способ это сделать. Шляпа пахла потом, а шумный дребезжащий вертолет тошнотворно болтало в воздухе.

Наконец мы приземлились на какую-то поверхность, и я сообразила, что это может быть только палуба эсминца.

–Нам нужна коробка или клетка, – раздался голос мистера Дэнби.

Чья-то рука грубо схватила меня за грудку и вытащила из шляпы. Свет ударил в глаза, и я затравленно огляделась по сторонам. Корабль оказался гигантским, ничего общего с той детской игрушкой для ванны, какой он казался с высоты. На палубе было пусто. Я попыталась вырваться и даже клюнула Шрама в ладонь, но он так сильно сжал меня, что я захрипела. Мне стало страшно, что он переломает мне все кости.

Молодой пилот выбежал на палубу и сунул в руки Дэнби пустой ящик для инструментов.

—Мы спускаемся в трюмы, ниже уровня воды, — сказал он и кивнул в сторону Новой Земли. — Бомба, так ведь? Много радиации.

—Да, я в курсе, — пробурчал Дэнби.

Парень убежал, а Дэнби открыл пустой металлический ящик, оказавшийся размером с буханку хлеба. Они собирались посадить меня туда! Если бы процесс превращения в человека застал меня в этой коробке, меня раздавило бы насмерть. Я умерла бы страшной смертью — получеловеком, полуптицей, задушенной своей тесной темницей. Крепко зажмурившись, я изо всех сил попыталась представить, что превращаюсь в человека уже сейчас — вот мое сердцебиение замедляется, вот крылья становятся руками...

Но ничего не произошло, и Шрам посадил меня в ящик. Он ненадолго задумался, соображая, можно ли закрыть крышку, не вынимая оттуда руки, или вытащить руку, не выпустив при этом меня. Я протестующее защебетала.

И тут началось. Мое сердце забилось медленнее, кости отяжелели, череп стал раздуваться, перья втянулись под кожу, и я рухнула на палубу в шерстяном бушлате и зимних ботинках. Ящик для инструментов загрохотал рядом, а Шрам так опешил, что уронил шляпу, которую тут же понесло ветром по палубе. Он бросился за беглянкой и едва успел поймать ее в возду-

хе. Я с трудом встала, чувствуя скованность в человеческих конечностях.

—Я так и знал! — заорал Дэнби, хватая меня за плечи. — Где аптекарь? Он на Новой Земле?

—Он не добрался, — соврала я. — Он упал в море.

Дэнби впился взглядом в мое лицо, пытаясь понять, вру я или говорю правду.

—Мне одной удалось долететь до острова, — добавила я. — Я не смогла их спасти. — Настоящая слеза скатилась по моей щеке, и я не стала ее вытирать. На этот раз мне не нужно было изображать отчаяние, у меня в самом деле не осталось никакой надежды. Что еще я могла сделать, кроме как постараться выиграть немного времени для аптекаря?

Эсминец издал протяжный гудок, и усиленный громкоговорителем голос отдал какую-то команду по-русски. Я невольно подумала, защищен ли корабль каким-то образом от радиации или же нас спасет только толща воды, когда мы спустимся в трюм.

И тут Шрам сказал:

—Оставим ее на палубе.

Я похолодела от страха.

—Нельзя меня оставлять! Я облучусь и умру!

—Одной проблемой меньше, — хмыкнул Шрам.

Дэнби улыбнулся и отпустил мои плечи.

—Так и есть, — кивнул он. — Я завидую тому, что тебе предстоит увидеть своими глазами, Джейни. У нас, конечно, есть фотоаппараты, но изображение на пленке

никогда не сравнится с реальностью. О, это будет так прекрасно – и так близко!

–Зачем вы это делаете, мистер Дэнби? – спросила я. – Ведь не из-за того же, в самом деле, что вы прочли «Анну Каренину», когда вам было пятнадцать!

Дэнби, похоже, слегка удивился тому, что мне известно о его обращении в толстовство, однако он задумался над моим вопросом.

–А разве может быть лучшая причина? – спросил он наконец. – Я хочу, чтобы народ, создавший эту великую книгу, выжил, а не был стерт с лица земли жестоким и невежественным американским правительством!

–Но эту книгу создал человек! – возразила я. – Не народ. Это и есть... – тут я осеклась, сообразив, что говорю об аптекаре в настоящем времени. – Это и было самым лучшим качеством аптекаря! Он работал не ради одной страны. Он старался спасти всех людей во всем мире!

–Как и я, – ответил Дэнби. – Советские ядерные силы – это единственный способ держать американцев в узде и гарантировать, что они никогда не пустят в ход собственное оружие. США нуждаются в сдерживающей силе. Думаю, твои родители горячо со мной согласились бы. А теперь мне действительно пора.

–Не оставляйте меня здесь! – закричала я. Внезапно у меня в памяти всплыли латинские слова, написанные мелом на классной доске. – *Decipimur specie recti!* «Мы обманываемся видимостью правильного», по-

мните? Вы думаете, что поступаете правильно, но вы ошибаетесь!

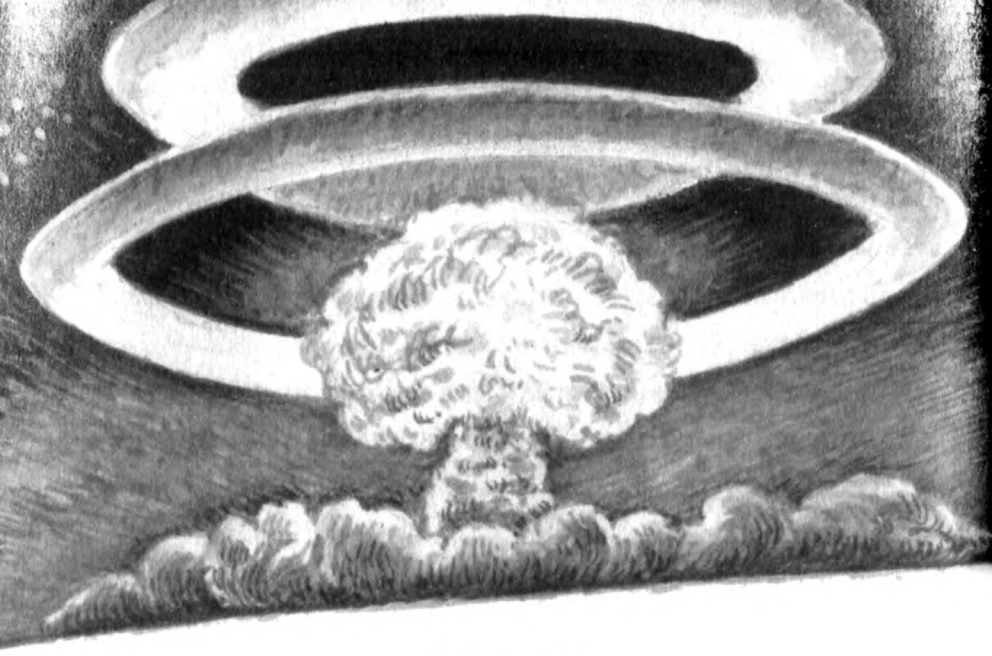
Дэнби улыбнулся мне.

—Я не зря считал вас подающей надежды ученицей, мисс Скотт. Желаю удачи.

С этими словами он следом за Шрамом направился к последней открытой двери, ведущей вниз. Мне хотелось броситься за ним и попытаться прорваться в трюм, но разве я могла бы справиться с Дэнби?

Поэтому я повернулась к перилам. До сих пор я притворялась, будто верю в то, что бомба непременно взорвется, ибо ее уже некому остановить, но теперь мне оставалось только уповать на то, что этого не случится. Мне приходилось верить в то, что у аптекаря хватит возможностей остановить силу, оказавшуюся в двадцать раз мощнее, чем он рассчитывал. Я была одна на серой палубе эсминца, в огромном сером море, и мне хотелось держаться храбро. Пошел снег. Я чуть-чуть расправила плечи и попыталась зажечь свой взгляд частицей огня Бенджамина.

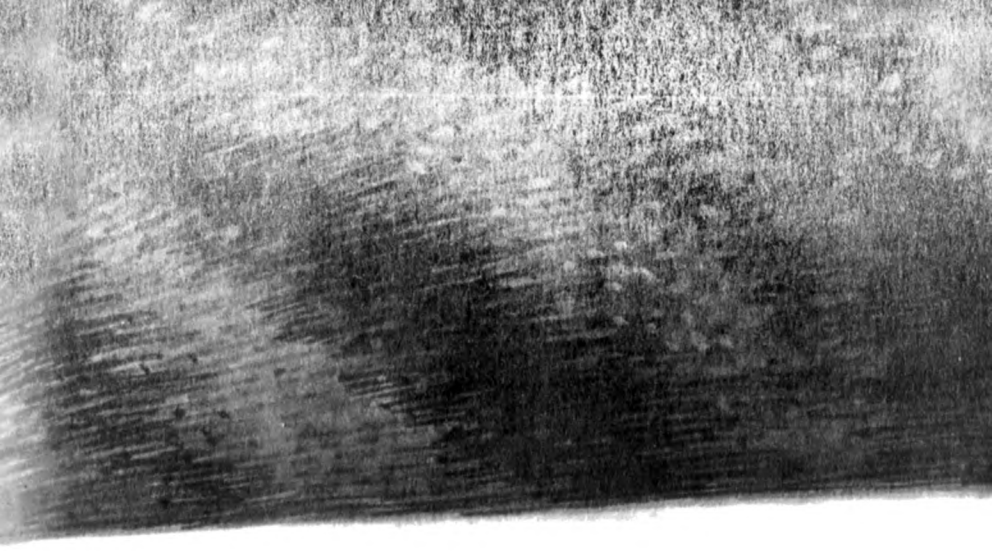
Потом я посмотрела в сторону Новой Земли и стала ждать.



ГЛАВА 34

Бомба

Мне показалось, что я очень долго пробыла на палубе в полной тишине. Затаив дыхание, я стояла у поручней, смотрела на остров сквозь падающий снег и надеялась, что Бенджамин и его отец успешно выполнят свой план – сеть Дзинь Ло сработает, а Квинтэссенция поглотит радиацию. Думать о том, что они продолжают действовать, помогало мне держаться. Они не опустят руки, у них все получится, они спасут себя и ненцев на острове, северных оленей, птиц, рыб и норвежских ребятишек – и заодно меня, оставленную без защиты на пустой палубе эсминца.



Я не думала о том, что будет дальше, когда им придется покинуть Новую Землю. Умом я понимала, что они вряд ли смогут спасти меня с советского военного корабля, и эта мысль вызывала во мне горькое чувство покинутости.

Я честно пыталась не быть эгоисткой и думать только о безопасности Бенджамина, поскольку они с отцом как-никак пытались спасти мир. Но на самом деле мне больше всего хотелось, чтобы мы все были в безопасности и подальше от этого окаянного места. К сожалению, я не видела никакой возможности исполнить это желание.

Так я стояла, до боли в глазах вглядываясь в горизонт, пока он не начал меняться. Что-то маленькое стало вырастать прямо над поверхностью Новой Земли, расцветая оранжевым и красным, словно чудовищный цветок, распускающийся на фоне гаснущего дневного света. Этот цветок медленно и зловеще тянулся в небо.

Затем раздался звук взрыва, превратившийся в долгий, слабеющий рев, и корабль задрожал на поверхности моря.

Я вспомнила, как Бенджамин сказал в столовой: «Мы сгорим дотла и превратимся в пепел».

Мысль о том, что они все погибли мгновенно – Дзинь Ло с ее свирепой одаренностью и глубоко скрытой печалью, добродушный граф Вили, добрый и несчастный аптекарь и Бенджамин, мой Бенджамин – была слишком чудовищна для меня. Я знала, что радиация вот-вот хлынет на меня смертельными волнами, но, поверьте, это было ничто по сравнению с гибелью моих друзей.

Оранжевое облако росло и клубилось с какой-то болезненной неторопливостью, и я отчаянно надеялась, что граф Вили заморозил время на Новой Земле. Это означало бы, что он все еще жив – что они все живы. Я решительно отбросила назойливую мысль о том, что медленный рост облака является характерной особенностью ядерного взрыва, и лелеяла в душе маленькую крупицу надежды.

Затем огненное цветение стало перетекать во второе облако, стремительно разбухавшее и поднимавшееся ввысь до тех пор, пока оба облака не оказались связаны лишь тонкой нитью оранжевого света. Эти облака не казались разумными, как Темная энергия, зато определенно выглядели живыми. Они клубились дымом и неумолимо, неудержимо росли.

А затем, вместо того чтобы вздыматься еще выше, облака вдруг перестали увеличиваться. Я вспомнила, как Дзинь Ло закидывала свою мерцающую сеть над морем, и стала надеяться, что она сумеет поймать в нее бомбу. Если бы ей это удалось и все получилось, то радиация запустила бы реакцию сокращения полимеров и поймала бы взрыв в ловушку. Я ждала, затаив дыхание.

Затем наступило мгновение зыбкого спокойствия, и верхнее облако мягко соединилось с нижним. Затем они снова слились в единую светящуюся массу, которая, в свою очередь, начала медленно уменьшаться.

Это было похоже на научный киножурнал о ядерном взрыве, снятый в цвете и прокрученный задом наперед.

Облако стремительно сжималось, становясь все меньше и меньше, и вскоре совсем исчезло, как и оранжевое солнце, скатившееся за море. На пустой палубе воцарилась странная тишина: ни криков птиц, ни плеска волн.

А потом ветер принес запах. Даже сейчас, спустя много лет, я могу сказать, что это был самый прекрасный аромат, который я когда-либо вдыхала. Он был слаще запаха апельсинового цветения и белого ночного жасмина. И при этом он пах жизнью: зеленой травой и солнечным светом, птичьими трелями и сладкой болью, которая сжимает сердце, когда приходит настоящая любовь.

И я сразу поняла, что это Квинтэссенция, извлеченная из цветов Аптекарского сада, впитывает радиацию. Я даже видела крошечные крупицы, мерцавшие в гаснущем дневном свете среди падающих снежинок.

Грибовидное облако исчезло, а я задрожала от гордости и облегчения. Взрыв, даже подавленный, был чудовищным, и мои друзья, возможно, погибли. Но даже если они выжили, то как я могла вернуться к ним? И все-таки они сделали это! Я тщетно напрягала зрение, пытаясь заметить хоть какое-то движение на острове, но ничего не увидела.

Наверное, прошло еще не меньше часа, прежде чем на эсминце все пришло в движение. Несколько человек, переговариваясь по-русски, с опаской вышли на палубу, ступая с такой осторожностью, с какой подходят к неразорвавшейся противопехотной мине. Один из молодых моряков был в наушниках, подсоединенных к металлическому ящику, в котором я узнала счетчик Гейгера для измерения уровня радиации, который не раз видела в киножурналах.

Некоторое время он прислушивался, непонимающе хмуря брови, потом протянул наушники кому-то еще, чтобы удостовериться, что не ошибся: радиации не было!

Я старалась держаться уверенно и по-мальчишески, надеясь сойти за младшего члена команды в своем бушлате и вязаной шапке, но кто-то грубо схватил меня за руку и развернул лицом к себе.

—Что тут произошло? — прошипел Дэнби, в упор глядя мне в лицо. — Мы почувствовали взрыв, но ничего не случилось! Фотографии ничего не проясняют!

—Это было потрясающе! — воскликнула я. — Такая красота! А вы все пропустили, потому что струсили.

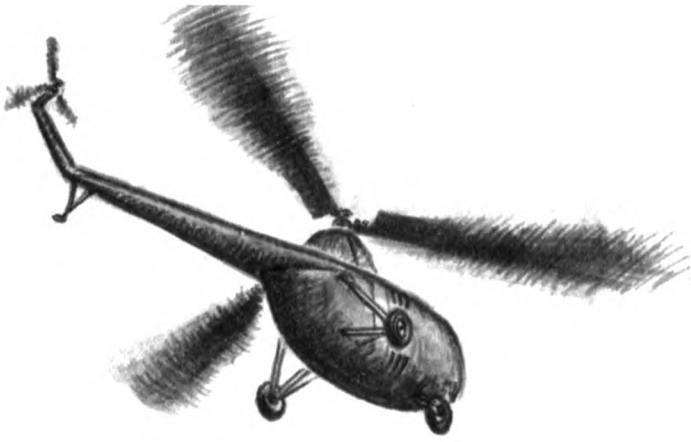
Бешенство сверкнуло в глазах Дэнби.

—Это все аптекарь устроил на острове?

—Откуда я знаю? — спросила я. — Я же все время была здесь, не забыли?

Дэнби за руку потащил меня к вертолету. Шрам пошел за нами.

—Где Сахаров? — прокричал Дэнби. — Где этот чертов пилот? Принесите счетчик Гейгера! Мы возвращаемся.



ГЛАВА 35

В ледяном море

Перелет на вертолете не стал приятнее от того, что я превратилась в человека и могла смотреть в окно. Дребезжащая машина страшно болталась от каждого порыва ветра, скрипела и громыхала, грозя развалиться прямо в воздухе. Шум стоял такой, что разговаривать в полете было невозможно, поэтому Сахаров и Шрам мрачно смотрели на расстилавшееся внизу море.

Чтобы не поддаться тошноте и страху, я пыталась уцепиться взглядом за какую-нибудь неподвижную точку, как всегда делала, когда меня укачивало в машине. Вот тогда-то я и заметила за окном неподвижное черное облако. Оно было идеально круглым и, похоже, старалось держаться особняком от своих собратьев. Я вспомнила разговор с графом Вили о гении и облако Темной энергии, целеустремленно удалявшееся от дерева джайвал.

Тут вертолет резко накренился, так что мой желудок подскочил к горлу, и мы начали снижаться. Новая Земля была такой же пустынной и безлюдной, как и раньше, только на месте, где стоял деревянный сарай, теперь появился огромный выжженный круг.

Крошечные домишки ненцев едва виднелись вдали и выглядели нетронутыми, как и чахлые сосны, торчавшие на севере острова. Вертолет пролетел над выжженным пятном и приземлился на мерзлой земле чуть поодаль. Все выбрались наружу, а Дэнби вытолкнул меня на снег.

Мужчины в зловещем напряжении направились к месту испытаний и уставились на воронку в почерневшей земле. Снег растаял даже за границами выжженного круга, однако нигде не было и следа тех разрушений, которые должна оставить ядерная бомба. Дэнби держал меня за руку, чтобы я не сбежала, хотя куда я могла убежать? Моих друзей нигде не было видно, и я старалась убедить себя, что они улетели и теперь далеко отсюда. Голая выжженная земля казалась самым подходящим местом для горькой надежды, что меня бросили, чтобы спастись самим. Мое сердце было опустошено, как бывший сарай.

Молодой пилот вертолета приволок серый металлический ящик счетчика Гейгера, чтобы измерить радиацию. И озадаченно покачал головой.

—Чисто, — по-русски сказал он.

Сахаров сорвал с него наушники и приложил к своему уху, послушал какое-то время, потом с досадой отшвыр-

нул. Наушники повисли на шнуре в руке пилота. Едва уловимый сладковатый запах Квинтэссенции еще держался в воздухе. Сахаров обвел глазами пустынную равнину.

—Как такое возможно? — закричал он по-английски. — Это невозможно!

Его умное лицо было искажено страданием. Он заставлял атомы плясать под свою дудку и не привык сталкиваться с проблемами, которых не понимал.

—Девочка знает, — сказал Дэнби.

—Девочка! — фыркнул Сахаров. — Откуда она вообще тут взялась?

—Она была птицей, — ответил Дэнби. — Я же говорил, что нужно остаться и обыскать остров!

—Значит, она была птицей?

—И она знает, что здесь произошло.

—Ничего я не знаю, — выпалила я. — Меня здесь не было.

—Вы сгниете в советской тюрьме, мисс Скотт, если будете продолжать в том же духе, — пригрозил Дэнби. Он с такой силой тряхнул меня за руку, что я прикусила язык и почувствовала во рту металлический привкус крови. — Что сделал аптекарь?

—Не знаю!

—Боюсь, я не понимаю, что это за аптекарь такой, — сказал Сахаров.

—Он не обычный аптекарь, — прошипел Дэнби. — Он... он нечто вроде алхимика. Или волшебника.

—Вы сказали «волшебника»?

—Нет, он ученый, — встряла я, поскольку Сахаров казался мне единственной надеждой. — Как и вы. Он бы вам понравился. Они хотели с вами познакомиться и думали, что вы поймете, чем они занимаются.

—Они? — переспросил Сахаров. — Кто такие эти «они»? И чем же они занимаются, помимо того, что уничтожают мою работу и научную репутацию?

Внезапно мы услышали крик, не совсем похожий на человеческий, и у меня оборвалось сердце. Я не могла понять, откуда доносится звук, ясно было только, что откуда-то сверху. Вопль ужаса повторился, но на этот раз его унесло ветром. Запрокинув голову, я посмотрела вверх и увидела мальчика, камнем падающего с неба.

—Бенджамин! — завопила я. Окаменев от ужаса, я смотрела, как он камнем падает в волны.

—Как поучительно! — заметил Дэнби. — Вот что бывает с мальчиками, которые слишком высоко заносятся.

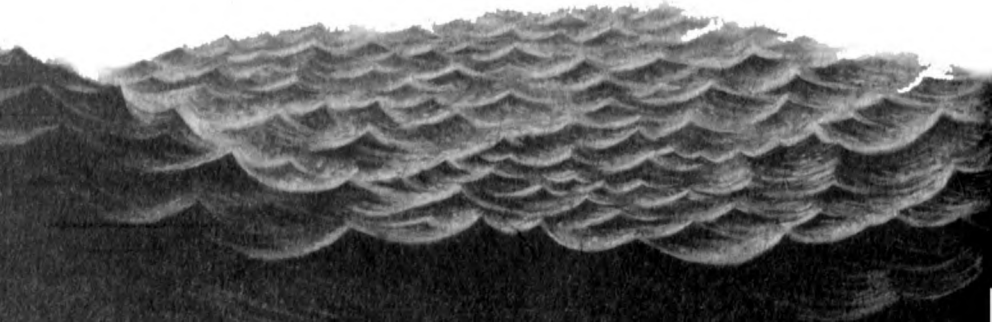
—Это был мальчик? — переспросил Сахаров.

Я хотела вырвать свою руку из клещей Дэнби, но он только крепче сжал пальцы.

—Нужно его спасти! — кричала я.

—Он разбился при падении, — ответил Дэнби. — А если нет, то мгновенно утонул, в такой-то ледяной воде!

—Нет! — взвизгнула я, молотя Дэнби по груди свободной рукой, но он перехватил мое запястье. Я была бессильна перед этим непрошибаемым равнодушием. Ему было наплевать, что я любила Бенджамина, что он был храбрый, умный, верный и бесстрашный и что он



пытался вернуться за мной! Значит, я должна была в считанные секунды найти какой-то способ заставить Дэнби захотеть спасти Бенджамина. – Он знает все секреты! – выпалила я. – Он знает все о работе своего отца!

На этот раз по лицу Дэнби промелькнула тень интереса. Я повернулась к Сахарову.

–Этот мальчик, который упал, он сын аптекаря! – сказала я, стараясь, чтобы мой голос не очень дрожал. – Он был его учеником и ближайшим союзником! Этот мальчик может вам объяснить, что произошло с бомбой – как ее обезвредили и почему не было радиации. Вы просто обязаны его допросить! Неужели вы не хотите узнать, что случилось?

Я отдавала себе отчет в том, что если они схватят Бенджамина живым, то заставят его выдать отцовские секреты, а может быть, и самого аптекаря. Это было бы ужасно, но альтернатива была еще ужаснее. Неужели я могла допустить, чтобы он умер у меня на глазах, утонув в ледяном море?

Дэнби и Сахаров смотрели на меня. Пилот ждал.

Наконец Сахаров принял решение:

–Поднимайте вертолет.

Мы бегом бросились к железной душегубке. Болтаясь под ветром, она поднялась в воздух и полетела над морем к тому месту, куда упал Бенджамин.

–Вот он! – заорала я, перекрикивая грохот винтов. Я едва успела заметить мокрый от воды песочный затылок Бенджамина и его руки, взметнувшиеся над во-

дой в слабеющем гребке, когда новая волна скрыла его из виду. Желудок у меня съежился от страха, как будто его с силой завязали в несколько узлов, и я беззвучно молила Бенджамина продержаться на плаву еще чуть-чуть, пока мы не доберемся.

Из вертолета сбросили веревочную лестницу, и Шрам полез вниз. Он спустился примерно до середины, когда лестницу с силой завертело на ветру и Шрам повис, резко отвернув лицо. Я никогда не думала, что буду болеть за этого убийцу, но сейчас я всей душой желала ему удержаться и продолжить спуск. Наконец он добрался до последней перекладины лестницы, но до Бенджамина все равно оставалось не менее десяти футов. Сахаров обернулся через плечо и что-то крикнул пилоту. Вертолет опустился еще ниже.

Я потеряла Бенджамина из виду в серых сумерках, среди вздымающихся волн и взмахов болтающейся лестницы. Потом мне показалось, будто он плывет в противоположную сторону, словно не хочет, чтобы его спасали!

—Бенджамин! — закричала я. — Вернись!

Вертолет накренился, и лестница снова зависла над головой Бенджамина, но он упрямо пытался уплыть. Тогда Шрам ударил его по лицу и чуть не сорвался в воду с бешено заплясавшей лестницы.

Затаив дыхание, я молилась про себя, чтобы Бенджамин сдался, а Шрам не потерял хватку.

—Хватай его! — нетерпеливо проорал Дэнби, но ветер отнес его крик в сторону.

Потом я увидела, как Шрам одной рукой поднимает из воды что-то тяжелое. Он перекинул Бенджамина через плечо, как скатанный ковер, и с усилием подтянулся на одну перекладину, потом еще на одну. Смотреть на этот подъем было выше моих сил – только не теперь, когда неподвижный Бенджамин казался мертвым, а Шрам мог в любую секунду уронить его.

Чтобы не смотреть, я стала думать об аптекаре и гадать, есть ли у него какие-нибудь целительные средства, которые могут вернуть Бенджамина к жизни. Я вспоминала о сладком аромате Квинтэссенции, пахнувшей самой жизнью, и спрашивала себя, хватит ли ее дыхания, все еще растворенного в воздухе, чтобы хоть немного помочь Бенджамину.

Когда Шрам добрался до верхней ступеньки лестницы, Дэнби с Сахаровым помогли втащить Бенджамина в его тяжелой, пропитанной водой зимней одежде, в вертолет. Сахаров прижал пальцы к его шее, щупая пульс, и прислушался, есть ли дыхание. Потом он быстро перевернул Бенджамина на спину и нажал кулаками под грудину, выгоняя морскую воду. Бенджамин закашлялся, изверг из себя воду и судорожно втянул воздух, но его губы оставались лиловыми от холода, и он не приходил в сознание.

Шрам тоже закоченел и с трудом ловил ртом воздух, тем временем пилот развернул вертолет в сторону эсминца.

–Нам понадобятся водка и одеяла, – сказал Сахаров.

Я была уверена, водка — это последнее, что нужно Бенджамину, и еще я точно знала, что на палубе эсминца нас не ждет ничего, кроме боли и смерти. Эти люди спасли Бенджамина только для того, чтобы допросить его, но я не могла позволить им причинить ему боль или заставить выдать отцовские секреты.

В сумке, висевшей на спинке кресла, лежали разрозненные инструменты, высыпанные пилотом из ящика, в том числе тяжелый разводной ключ, которым Сахаров затягивал пусковой механизм бомбы. Шрам едва дышал, а Дэнби и Сахаров суетились вокруг Бенджамина, пытаясь привести его в чувство. Никто не заметил, как я вытащила ключ. Сахаров накрыл своим пальто Бенджамина, который трясся всем телом. У меня не было никакого плана, кроме смутной надежды, что если мне удастся избавиться от Дэнби, то, может быть, я смогу уговорить остальных вернуться на Новую Землю...

Дальше я не успела придумать, потому что Дэнби вдруг обернулся. Я увидела, как на лице его отразилась догадка, поэтому поспешно замахнулась и с отвратительным звуком ударила его разводным ключом по голове. Дэнби закричал от боли и неожиданности, а я схватила его свободной рукой за воротник. Я хотела отшвырнуть его к двери, но Дэнби оказался слишком тяжел и слишком упорен. Он вырвал у меня ключ и в бешенстве взмахнул им, как булавой. По лбу у него струйкой текла кровь. Я на четвереньках отползла назад и закрыла голову рукой, ожидая удара.

Но тут пилот что-то закричал по-русски, и Дэнби отвернулся.

Покосившись на окно, я увидела уже знакомое черное облако, которое мчалось нам навстречу.

Оно было одно во всем небе и, похоже, сознательно перемещалось в воздухе, словно готовилось к чему-то. Вот оно зловеще проплыло мимо лобового стекла и влетело в открытую дверь. На меня дохнуло туманным холодом, но эта стужа совсем не походила на откровенный арктический мороз, она была зла и коварна, и я почувствовала, как влажные пальцы тумана впились в мое сердце. Темный пар окутал вертолет. Он сделал это намеренно. Он знал, чего хочет – он нападал.

Пилот, которому облако закрыло лобовое стекло, закричал что-то по-русски. Вертолет резко накренился на бок, Дэнби выронил ключ, и мы все ухватились за что попало, лишь бы не выпасть. Я одной рукой вцепилась в ремень безопасности, а второй в Бенджамина, обхватив его за холодную грудь и под плечо. Вертолет стремительно несся к воде.

Воцарился хаос, мужчины выкрикивали какие-то приказы друг другу. Бенджамин начал выскальзывать у меня из-под руки, и я поняла, что мне его не удержать. Он был слишком тяжелый, а вертолет слишком сильно кренился к плещущимся внизу волнам. Очень скоро я оказалась перед выбором: ремень или Бенджамин. Я разжала руку, схватила его за второе плечо, и мы вместе заскользили к открытой двери.

Последовало кошмарное падение, а потом мы ударились об воду и ушли на глубину. Я погрузилась в ледяную кашу. Работая ногами, я вырвалась на поверхность, прижимая к себе Бенджамина. Когда моя голова вынырнула из воды, я попыталась вдохнуть, но парализованные холодом мышцы гортани отказались повиноваться. Я с трудом старалась не паниковать.

Волны были такие высокие, что я не видела места, где вертолет ударился об воду, и берега тоже не видела.

Держа голову Бенджамина над водой, я начала грести ногами в том направлении, где, как мне казалось, мог находиться берег. При этом я пыталась вспомнить, как далеко мы от него отлетели — на сотню ярдов? На две? Неизвестно. Гортань у меня расслабилась настолько, что пропускала чуть-чуть воздуха, но ноги так онемели, что с трудом повиновались приказам мозга. Когда-то давно, в Лос-Анджелесе, в юношеском обществе спасения на воде нас учили, что, спасая утопающего, нужно сбросить с себя всю тяжелую, сковывающую движения одежду, но это было летом, в теплой Калифорнии — нет, здесь я не осмелилась так поступить. Я знала, что мне понадобится одежда, если мы каким-то чудом доберемся до берега.

Я работала ногами, тянула и тонула, но каждый раз с трудом вырывалась на поверхность, чтобы увидеть краешек острова, который ни на дюйм не становился ближе.

Новая волна накрыла нас, темная, соленая и ледяная, и я снова заработала ногами, чтобы вынырнуть на

воздух. Вдруг я услышала, как Бенджамин кашляет и отплевывается, приходя в сознание.

—Как... холодно, — прошептал он.

—Я знаю, — прохрипела я. — Работай ногами! Помогай мне!

Пока я с трудом буксировала его к берегу, Бенджамин обвел глазами волны и, кажется, понял, что происходит.

—Я не могу, — сказал он. — Брось меня.

—Нет! Греби!

—Отпусти меня, Джейни, — повторил он. — Спасай себя.

—Работай ногами! — закричала я, вытаскивая его на поверхность. Но я знала, что Бенджамин прав. Я должна была принять решение. Мои кисти и стопы полностью онемели. Наверное, у меня еще был шанс спастись самой, но если бы я продолжила бороться за Бенджамина, то вскоре мы оба пошли бы ко дну.

«Самое главное — не превратиться из спасателя в утопающего», — учили нас опытные пловцы со спасательной станции в те смешливые, солнечные дни на пляже, когда сама мысль о таком повороте судьбы казалась невероятной.

—Прошу тебя, Джейни, — сказал Бенджамин, и тут новая волна накрыла нас с головой.

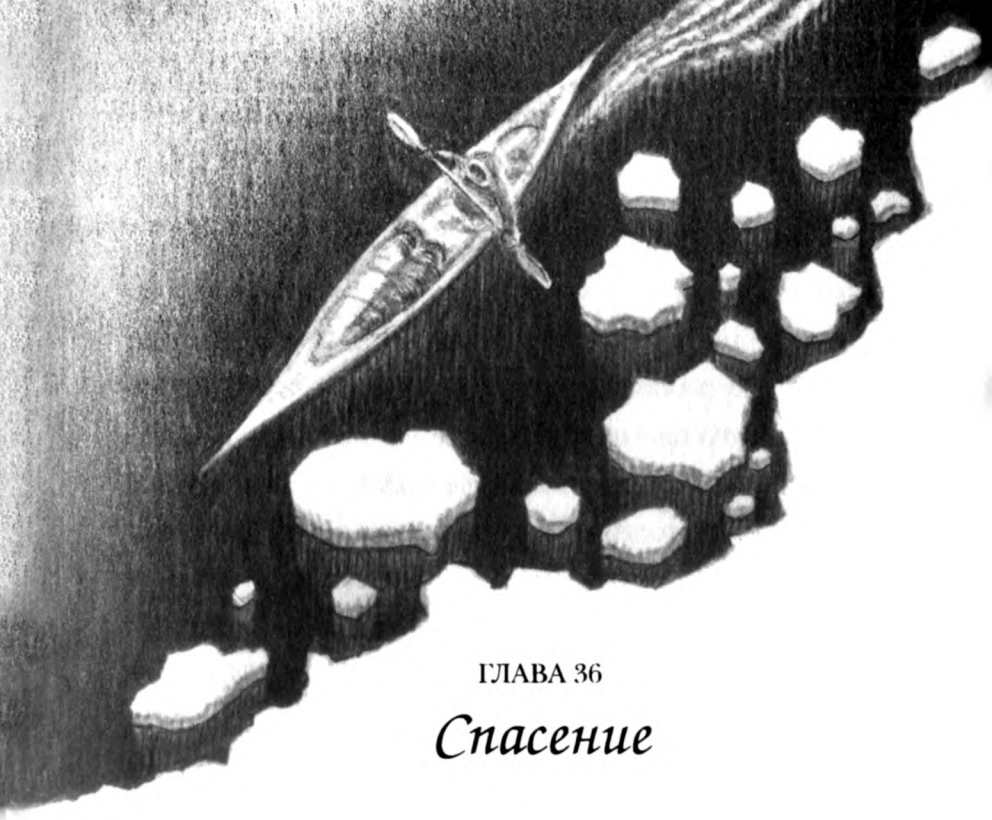
Она утянула нас вниз, забила мне рот и нос морской водой, и мы стали тонуть. Вода была слишком темна и солона. Я еще пыталась вырваться на поверхность, но поверхность куда-то пропала. Странное спо-

койствие охватило меня, и я стала погружаться, продолжая обнимать Бенджамина. Что ж, по крайней мере, мы умрем вместе.

И тут меня вдруг с силой схватили за волосы и выдернули из воды, так что мое лицо вновь очутилось на поверхности. Я стала судорожно хватать ртом воздух, давясь кашлем, в то время как меня протащили спиной по чему-то твердому. Я хотела крепче вцепиться в Бенджамина, но его тоже подняли куда-то вверх – и я перестала чувствовать его тяжесть в своих окоченевших руках.

Мы были на лодке. Это была очень узкая лодка, и втащил нас в нее незнакомый мужчина в отороченном мехом капюшоне, затянутом вокруг круглого лица. На мужчине была куртка, сшитая из шкур, а в руках он держал двухлопастное весло; он забросил нас с Бенджамином в свою лодку и погреб в сторону берега. Мои мокрые ресницы тут же оледенели на ветру, мешая смотреть, поэтому я закрыла глаза, всего на секундочку, чтобы растопить лед.

А потом я провалилась куда-то во тьму, глубже ледяного океана, и все исчезло.



ГЛАВА 36

Спасение

Путешествие в Норвегию по сей день осталось в моей памяти, как страшный сон, лишь часть из которого я запомнила. Я то проваливалась в забытье, то вновь выныривала в реальность, растормошенная кем-то, кто хотел меня накормить или проверить, жива ли я еще. Смутно помню задымленную хижину, где я лежала, завернутая в одеяла, а огромная белая собака придавливала меня сверху, согревая своим телом. Помню круглолицую женщину, кормившую меня супом. Иногда я видела бледное и бесчувственное лицо Бенджамина, лежавшего под второй собакой. Потом я как-то очутилась на носу еще од-

ной лодки, глубоко осевшей в воду, слышала плеск весла за спиной и чувствовала качку волн.

В следующий раз я очнулась, когда встало солнце, и увидела, что наш спаситель спит сидя, положив весла на борта своей лодки.

Он был круглолиц, как и женщина, кормившая меня, но выше ростом и отличался более смуглой кожей, покрытой на скулах рябинками и пятнами, как от обморожений или солнечных ожогов. Его отороченный мехом капюшон был туго завязан под подбородком, а губы даже во сне сжимались в плотную, решительную линию. Рядом с мужчиной на носу узкой лодки, похожей на каноэ, сидела белая собака. Заметив, что я проснулась, собака подняла морду и заскулила, а потом снова опустила тяжелую белую голову на вытянутые лапы.

Бенджамин, завернутый в одеяла, спал рядом со мной на носу. Со всех сторон простиралось огромное серо-синее море, и я почувствовала себя совсем маленькой и ничтожной. Никто не заметит, если море поглотит нашу лодчонку, никто не узнает, если Бенджамин тихо угаснет в жару. Лицо у него было жуткого серого цвета. Я потрогала его лоб, который оказался холодным, но Бенджамин никак не ответил на мое прикосновение. Глаза его оставались закрыты.

Наш спаситель проснулся и сказал что-то на своем языке.

—Я не понимаю, — ответила я. — Как вы думаете, он выживет?

Но мужчина не понял, что я спросила.

Тогда я показала знаками.

—Бенджамин, — сказала я. Почему-то в тот момент мне казалось очень важным, что если Бенджамину суждено умереть в окружении всего двух человек, они оба непременно должны знать его имя.

—Бендамин, — повторил мужчина. Потом он прижал руку к своей груди. — Хирра.

—Хирра, — повторила я и таким же жестом дотронулась до своего бушлата. — Джейни.

—Дейни, — сказал Хирра. Звук «дж» в обоих именах вызвал у него затруднения. Он наклонился, потрогал лоб Бенджамина и разразился длинной тирадой.

Я догадалась, что он сказал что-то обнадеживающее, хотя не услышала особой уверенности в его голосе.

Делать было нечего. Я убрала под капюшон мокрые от жара волосы Бенджамина, свернулась рядом с ним и снова провалилась в тяжелый бредовый сон.

Когда Хирра разбудил меня в следующий раз, я увидела над нами борт какого-то корабля и услышала голоса, кричавшие с палубы. Я попыталась сесть, решив, что советский эсминец все-таки нашел нас, но потом поняла, что корабль был не серый, а ярко-красный. Это была замаскированная «Анникен», а с палубы нам кричали аптекарь и граф Вили. И тут я смутно вспомнила, как пыталась описать красный ледокол доброй ненецкой женщине, поившей меня супом, и как чертила на полу карту Киркенеса, хотя никогда по-на-

стоящему не верила в то, что мы когда-нибудь туда доберемся.

На каноэ опустили какую-то похожую на гамак шлюпку, меня положили в нее и подняли на борт, туго завернутую в одеяло, как мумию. Я пыталась сказать нашим, что Хирра спас нам жизнь и что Бенджамину нужен врач, но на меня зашикали и велели не разговаривать.

Последнее, что я помню, это как меня внесли в мою старую каюту и положили в спальный мешок, а аптекарь при свете лампы отмерил несколько капель какой-то жидкости из маленького пузырька. Вторая койка была пуста.

—Где Дзинь Ло? — спросила я.

Но аптекарь заставил меня выпить какую-то горькую микстуру, и я тут же уснула.

Когда я проснулась, мы были уже в маленьком самолете, и аптекарь сидел возле меня. Он выглядел мрачным и отчужденным; склонив голову, он что-то быстро писал в тетради своим мелким неразборчивым почерком, уже знакомым мне по пометкам на полях «Фармакопеи». Бенджамин, завернутый в одеяла, спал на другой стороне узкого прохода. А я впервые после крушения вертолета и падения в море по-настоящему пришла в сознание.

—Он поправится? — спросила я аптекаря.

—Жар спал, — ответил тот тоном человека, привыкшего доверять фактам, а не строить прогнозы.

—Вы дали ему какое-то исцеляющее снадобье?

—Дал, — кивнул аптекарь. — Но это было непросто. Он был на волосок от смерти.

Вили занимал сразу два кресла впереди нас и, кажется, тоже спал. Дзинь Ло не было в самолете, и я испугалась, что она погибла на Новой Земле, а от меня это скрывали, пока я находилась в критическом состоянии. Я подняла глаза на аптекаря, и он угадал мой вопрос.

—С ней все в порядке, — сказал он. — Она просто пока осталась в Норвегии. Там для нее безопаснее. В Лондоне она слишком узнаваема.

Я с облегчением перевела дух.

—Ты же понимаешь, — добавил аптекарь, — что мы ничего не могли сделать против советского эсминца?

—Понимаю, — ответила я. — Вы сделали правильный выбор.

Аптекарь покачал головой.

—Бенджамин выпил двойную дозу эликсира, чтобы вернуться за тобой. Я должен был догадаться, что он это сделает! Никогда не прощу себе своей слепоты. Я совершил столько ошибок...

—Но ведь все получилось.

Аптекарь сделал неопределенный жест — пожал плечами, признавая мою правоту, и в то же время с досадой покачал головой.

—В следующий раз я все сделаю лучше!

Услышав о «следующем разе», я тут же почувствовала чудовищную усталость.

—Можно мне посидеть рядом с Бенджамином? — спросила я.

Аптекарь кивнул. Я попробовала привстать с кресла и поразилась тому, какими слабыми стали мои руки.

—Джейни, — начал аптекарь. — Полиция будет искать нас в Лондоне. По поддельным документам мы теперь одна семья. Когда мы прилетим в Хитроу, то моего сына будут звать Джеймс, а ты будешь его сестрой, Викторией.

Я улыбнулась.

—Думаю, мы сумеем изобразить какую-нибудь семейную ссору.

—Очень хорошо. И вот еще что, Виктория...

—Да?

Аптекарь очень серьезно посмотрел на меня из-под очков.

—Я не знаю, как благодарить тебя за спасение моего сына.

Но мне не нужна была никакая благодарность. Я села в кресло рядом со спящим Бенджамином и взяла его за руку. Через несколько минут он пошевелился, переплел свои пальцы с моими и повернул ко мне голову.

—Джейни, — хрипло выговорил он.

Я была так счастлива снова услышать его голос, что у меня слезы брызнули из глаз.

—Ты очнулся!

Бенджамин попытался сесть и сморщился, словно от боли.

—Ой, — простонал он, хватаясь за лоб.

—Не шевелись, — попросила я. — Просто сиди.

Бенджамин снова закрыл глаза.

—Ты здесь, — прошептал он. — Отец не захотел возвращаться за тобой.

—Он пытался спасти тебя, — ответила я. — Но ты все равно вернулся.

—Я не смог долго оставаться птицей. Я пытался, но все равно упал.

—Я знаю.

—Мне это все время снится.

—Мне тоже.

—Но теперь мы в безопасности?

Я кивнула.

—А остальные?

—Тоже. Дзинь Ло осталась в Норвегии, а Вили спит. Твой отец здесь. Он так счастлив, что ты спасен.

Аптекарь протянул мне через проход маленький пузырек и попросил напоить Бенджамина. Через несколько минут щеки больного порозовели, и он смог сидеть, не морщась от боли. К тому времени, когда наш самолет ударился о посадочную полосу, Бенджамин уже мог самостоятельно ходить.

Мы медленно прошли через аэропорт Хитроу, миновали таможню, и у меня екнуло сердце, когда офи-

цер взял наши документы. Я надеялась, что сумею с убедительным английским акцентом поздороваться и назваться Викторией. Однако пограничник ни о чем нас не спросил. Он молча проштамповал наши документы и со скучающим видом вернул их нам.

Выходя из аэропорта, мы прошли мимо портрета молодой королевы Елизаветы II, который мы с родителями видели месяц назад, когда прилетели в Англию. Мой папа тогда сказал, что все могло быть гораздо хуже – например, я могла бы быть королевой. Но королева на портрете выглядела сухой, чистой и не озябшей, и за ней уж точно не охотилась полиция. Похоже, ее положение было не так уж плохо.

–Что мы расскажем моим родителям? – спросила я у аптекаря.

–А что ты хочешь им рассказать?

–Все, – ответила я. – Хотя они вряд ли поверят.

Он кивнул.

–Мы все страшно устали, – сказал аптекарь. – Сейчас мы отвезем тебя домой, и ты как следует выспишься. А завтра мы встретимся и расскажем нашу историю. Надеюсь, ваш друг Пип тоже сможет прийти.

ГЛАВА 37

Вино леты

Мы доехали на такси до нашей квартиры, и я одна вошла в дом. Я ожидала, что мама с папой будут в ярости, но они бросились меня обнимать – сначала папа, потом мама – и плакали, и прижимали меня к себе так крепко, словно больше никогда не хотели отпускать. И я, конечно, тоже заплакала, глядя на их слезы. Они, кажется, даже не заметили, что моя одежда насквозь пропахла морской водой и оленьим жиром. Папа так разволновался, что не сразу нашел слова, что было совершенно на него непохоже.

—Мы извелись от страха, Джейни, — сказала моя мама, вытирая слезы.

—Эта нелепая миссис Пэрриш сказала, что ты осталась у какой-то Сары, но Сара из твоей школы сказала, что вы отправились в морское путешествие с чьим-то дядей. Чей дядя? Что за путешествие? В школе никто ничего не знает! Как ты могла вот так взять и уехать, Джейни?

—Отец Бенджамина хочет завтра встретиться с вами, — сказала я. — И мы расскажем вам все.

—Я оторву голову этому мальчишке, — пригрозил папа.

—Он спас мне жизнь, — ответила я. — Ты все поймешь, когда мы расскажем тебе, что случилось.

—Когда мы пришли в полицию, нам сказали, что тебя арестовали! — не унималась мама. — Нам сообщили, что вас взял на поруки школьный учитель, но вы сбежали, и нам с папой угрожали депортацией, потому что мы не могли сказать, где вы! Хотя это мы пришли к ним с этим вопросом! Ах, Джейни, мы чуть с ума не сошли.

—Я знаю, простите, — сказала я. — Но я ужасно устала и не могу сейчас рассказать вам все. И еще я ужасно хочу поскорее принять ванну.

Похоже, мои родители боялись, что я снова могу исчезнуть, если они будут мне перечить, поэтому не стали ни на чем настаивать. Только открыв кран, я по-настоящему поняла, какая это роскошь — иметь квар-

тиру с собственной ванной. Стараясь не задеть рычаг, открывающий слив, я впервые за долгое-долгое время с наслаждением выкупалась – одна, в горячей воде, без Пипа и Бенджамина, ожидающих моего превращения в невидимку.

Когда я вылезла и вытерлась, родители поцеловали меня на ночь, еще раз напомнили, какой ужас они пережили, и вырвали обещание завтра же утром выложить всю историю, без утайки.

Потом я залезла в кровать. Мой дневник лежал под матрасом, где я его оставила, и я первым делом дописала его – начиная с того, как Бенджамин миллион лет тому назад забрался в мое окно, и заканчивая перелетом домой. Я так и уснула, сжимая в руке свою маленькую красную тетрадку.

Следующим днем было воскресенье, и когда я проснулась, желтый свет солнца вовсю лился в мое окно. Я с наслаждением потянулась, радуясь тому, что лежу в своей постели, в Лондоне, в квартире родителей – я едва не подумала «дома», хотя еще недавно была уверена, что никогда не смогу назвать домом какое-то другое место, кроме Лос-Анджелеса. На завтрак мама приготовила яичницу-болтунью – соленую, горячую и восхитительную, показавшуюся мне вкуснее всего на свете.

Зазвонил телефон, это был Бенджамин.

–Мы с папой в час дня будем в кинотеатре документальных фильмов на вокзале Виктория, – сказал он. –

Ты и твои родители сможете прийти? – Он говорил немного странно, но я не могла понять, в чем дело.

–Ты в порядке?

–Просто устал, – ответил Бенджамин. – Мы мало спали. Послушай, твой дневник у тебя?

–Да.

–Ты не могла бы принести его с собой? Хочу сверить кое-какие события со своими записями.

Мне уже тогда нужно было насторожиться. И вообще, мне следовало быть более бдительной. Но я была так счастлива, что Бенджамин цел и невредим, мне так хотелось поскорее увидеть его и поговорить обо всем, что мы пережили вместе, что я, не раздумывая, сделала бы все, о чем бы он ни попросил.

Ранние нарциссы желтели в цветочных ящиках за окнами, мимо которых мы с родителями шагали к метро. День выдался холодным и ясным, но по сравнению с Арктикой погода стояла райская, и мне было приятно идти по улице в такой прекрасный день. Родителям не терпелось выслушать рассказ отца Бенджамина, и они пребывали в поразительно приподнятом настроении, как будто аптекарь уже угостил их микстурой, вызывающей повышенное благодушие. Они даже начали строить догадки о настоящей причине моего исчезновения.

–Ты путешествовала с бродячим цирком, – предположил папа.

–Нет, ты поступила в труппу странствующих трубадуров, – сказала мама.

—А может, работала укротительницей слонов? — спросил папа. — Или ходила по канату? Не могу выбрать, что лучше.

—Наберитесь терпения, — посоветовала я. — Честное слово, правда намного удивительнее, чем все ваши догадки.

Приехав на вокзал, мы вошли в темный зал кинотеатра документальных фильмов, и в мерцающем свете новостного журнала о войне в Корее я заметила Бенджамина, аптекаря и Пипа, сидевших в заднем ряду. Пип улыбнулся до ушей и замахал мне рукой из прохода.

—За вами следили? — шепотом спросил Бенджамин.

—Вряд ли, — ответила я. Мы с родителями тихонько сели на свободные места в конце ряда.

Первый выпуск закончился, начался следующий. Фильм был не о неудавшемся испытании советской ядерной бомбы на Новой Земле, а о последних новинках женской моды. Модели демонстрировали пышные юбки с узкими поясами, похожие на те, что была на деве Марион во время моего первого визита на студию «Ривертон», сто лет тому назад.

Голос комментатора за кадром пел дифирамбы творческой фантазии, воплотившейся в этих удивительных платьях и юбках. Мои родители начали терять терпение.

Должно быть, аптекарь хотел убедиться, что никто не войдет в зал следом за нами, потому что через какое-то время он встал и шепотом сказал:

—Давайте выйдем в буфет.

Кинотеатр располагался в бельэтаже над вокзалом, столики буфета пустовали в это время дня и были скрыты от людского потока, безостановочно текущего внизу.

—Спасибо, что помог нам сбежать с пристани, — сказала я Пипу.

—Эх, до сих пор об этом жалею — я же все пропустил!

—Полицейские тебя поймали?

—Нет, конечно! Жирные старые бобби!

—Это наш друг Пип, — сказала я родителям. — Папа, ты уже знаком с мистером Барроузом, аптекарем. А это моя мама, Марджери Скотт.

—Я очень рад, что вы пришли, — воскликнул аптекарь. — Я обязан объясниться перед вами.

—Вот тут вы совершенно правы, — заметил мой папа.

—Садитесь, пожалуйста. Пип, будь добр, принеси нам стаканы.

Когда мы сели за столик, мама размотала свой шарф, и я увидела по ее лицу, что она заранее приготовилась ничему не верить. Папа тоже смотрел на аптекаря с любопытством и сомнением, взвешивая, насколько ему можно доверять. Мне немедленно захотелось встать на защиту аптекаря, и я надеялась, что он сумеет развеять сомнения моих родителей. Бенджамин выглядел гораздо лучше, чем накануне. Даже его веснушки почти обрели свой обычный цвет.

—Первым делом тост! — объявил аптекарь. Он откупорил бутылку шампанского и разлил шипучую золотистую жидкость по принесенным Пипом стаканам. — Полагаю, сегодня детям можно немного выпить. Нам нужно столько всего отпраздновать!

Он отсалютовал нам поднятым стаканом, и мы все выпили. Шампанское оказалось холодным и резким, пузырьки щекотали в носу.

Секунду-другую аптекарь молча разглядывал нас. Потом неторопливо отчеканил:

—Мы путешествовали по морю на остров в архипелаге Новая Земля.

—Куда? — переспросил мой папа.

—Это в России, — сказала я.

—В России?!

—В последнее время, — невозмутимо продолжал аптекарь, — меня очень тревожит гонка в производстве смертоносного вооружения. Поэтому я изобрел способ обезвредить ядерную бомбу сразу после взрыва. Узнав, что Советский Союз готовится провести испытания своей новой бомбы на архипелаге Новая Земля, я понял, что мне предоставляется уникальная возможность провести собственное испытание. Я не знал, будет ли у меня другой шанс сделать это.

Я покосилась на своих родителей, которые слушали аптекаря с таким видом, будто он говорил на незнакомом языке. Вряд ли они поняли смысл его слов. А может быть, и вовсе приняли его за сумасшедшего.

В каком-то смысле я тоже считала, что это сумасшествие – выложить им все начистоту. Это было опасно. Но ведь я сама сказала, что хочу рассказать родителям все, и аптекарь, похоже, поймал меня на слове.

Папа повернулся ко мне.

–Ты в самом деле там была, Джейни?

Я кивнула.

–Джейни и Бенджамин помогли мне избежать ареста в Лондоне, – продолжал аптекарь. – Они хотели сопровождать меня на Новую Землю, но я им запретил. Дети меня не послушались и тайком пробрались на корабль. Не буду лукавить, их помощь оказалась неоценимой. Но мне страшно представить, что вы пережили, когда ваша дочь бесследно исчезла на такое долгое время. Я приношу вам свои самые искренние извинения. Пожалуйста, еще шампанского.

–Постойте-ка, не так быстро, – воскликнул мой папа, поднимая ладони. – Если я правильно вас понял, вы хотели обезвредить ядерную бомбу после того, как она будет взорвана? Именно в такой последовательности?

–Да, чтобы нейтрализовать ее воздействие, – кивнул аптекарь. – Непосредственно после взрыва.

–Вы работаете на британское правительство? – спросила моя мама.

Аптекарь покачал головой.

–Боюсь, у наших спецслужб серьезные проблемы со шпионажем и утечкой информации, – сказал он. –

К тому же страны, обладающие ядерным оружием или намерением им обладать, обычно руководствуются собственными интересами. Их могущество основывается на страхе перед бомбой. Не будь этого страха, не было бы и могущества. Эти страны, включая нашу собственную, первым делом захотели бы предотвратить как применение мер защиты от ядерных взрывов, так и всякую научную работу в этом направлении.

—И вы говорите, ваша задумка сработала? — уточнил папа.

—Сработала. Теперь, когда наша идея подтверждена на практике, мы вместе с учеными других стран, работающими над сходной проблемой, сможем усовершенствовать свои методы. Если ядерная бомба когда-либо будет применена в качестве оружия немыслимой разрушительной силы — чем, собственно говоря, она и является, — мы постараемся быть к этому готовы.

—Постойте, постойте, — перебил мой папа. — Простите, что возвращаюсь к началу. Но я лишь пытаюсь понять, что произошло. Итак, как вы попали на Новую Землю?

—Мы плыли на корабле, пока не зашли в советские территориальные воды, где нас остановил пограничный патруль, — ответил аптекарь. — Тогда мы улетели.

—На самолете?

—В образе птиц.

Я втянула голову в плечи. Мои родители ни за что в это не поверят!

—В образе птиц?!

—Да.

Папа выразительно уставился на меня, давая понять, что желает услышать настоящую правду.

—Это очень красиво, — сказала я. — Тебе бы понравилось. Я была малиновкой.

Папа моргнул.

Аптекарь сказал:

—А теперь мы с Бенджамином уезжаем.

Я стремительно обернулась к нему.

—Постойте... что?!

—Нам небезопасно здесь оставаться, — сказал аптекарь. — Наш поезд прибывает... — Он посмотрел на часы. — Через четыре минуты.

—Но вы не можете просто взять и уйти!

—Послушай, Джейни, — впервые заговорил Бенджамин. Он сел верхом на стул, взял меня за руки и повернул лицом к себе. — Мы должны уехать. Если ты подумаешь, то поймешь, что так надо. Никто из нас не может чувствовать себя в безопасности. Шампанское, которое вы только что выпили, подействует не сразу, но оно заставит вас забыть обо всем, что произошло в эти три недели.

—Забыть?

—Черт возьми, скажи, что это шутка! — охнул Пип.

—Вы подмешали нам наркотики? — вскричал мой папа.

—Дэвис! — прошипела мама. — Прошу тебя.

—Вы сможете жить своей обычной жизнью, — сказал аптекарь. — Но все события последних трех недель будут стерты из вашей памяти. Мой магазин, Бенджамин, путешествие к Новой Земле — все это исчезнет.

—Он накачал нас наркотиками, Марджери! — закричал мой папа. Он в бешенстве выскочил из-за стола, как делал всегда, когда ему нужно было остыть, а мама бросилась за ним, чтобы успокоить.

—Бенджамин, ты не мог так поступить! — прошептала я. — Это мои воспоминания! Я спасла тебе жизнь! И не раз.

—Я тоже, — добавил Пип.

—Я знаю, — ответил Бенджамин. — Но другого выхода нет. Будет лучше, если ты сейчас же отдашь мне свой дневник.

Я затрясла головой.

—Нет. Обещаю, что никому его не покажу!

—Я хочу, чтобы ты была в безопасности!

—Нет! Я должна тебя запомнить.

—Пожалуйста, Джейни.

В его глазах была мольба, и я послушно вытащила из кармана пухлую тетрадку и отдала ему.

Бенджамин посмотрел на красную обложку.

—Надеюсь, там написано, что ты от меня без ума, — грустно сказал он. — И что ты сказала это не только под действием «Запаха правды».

Я была слишком зла, чтобы отвечать – неужели ему не ясно, как я к нему отношусь и сколько мы пережили вместе после этого глупого опыта с «Запахом правды»? Слезы застилали мне глаза.

–Куда ты поедешь? – выдавила я. – Как я узнаю, что ты в безопасности?

–Если начнется война, целые города будут сметены с лица земли, – ответил Бенджамин. – Мы должны защитить их!

–Возьмите меня с собой!

–Ты должна остаться с родителями. – Бенджамин взял мои руки в свои и посмотрел на них. – Слушай, Джейни, ты помнишь ту ночь на носу «Анникен»?

–Да, – прошептала я. Слезы уже бежали по моим щекам, но я не вытирала их.

–Я верю, что никакой эликсир не уничтожит этого, – сказал Бенджамин. – Только не для меня. И я надеюсь, что ты тоже этого не забудешь.

Выбившаяся прядка волос упала мне на щеку, и Бенджамин заправил ее мне за ухо. Потом улыбнулся.

–Американские волосы!

Он наклонился, и я почувствовала тепло его дыхания и запах чистой, умытой с мылом кожи. Я хотела спросить, где он спал и мылся, но тут губы Бенджамина коснулись моих губ, и мне показалось, будто мощный поток электричества прошел через мое тело. И я поняла, что какой бы долгой ни оказалась моя жизнь, я никогда не забуду этого чувства.

И тут над головой у меня раздался смутно знакомый, обманчиво вкрадчивый голос:

—Привет, Джейн!

Мы с Бенджамином одновременно подняли глаза и увидели детектива Монтклера, того самого редковолосого типа, который арестовал нас в школе. Сейчас он стоял за металлическими перилами, огибавшими столики буфета.

Его напарник О'Нэн тоже был здесь.

Аптекарь встал, чтобы поздороваться с ними, и протянул им стакан через перила.

—Джентльмены! — воскликнул он. — Вы не откажетесь выпить с нами немного шампанского? Я сейчас открою вторую бутылку.

Я вспомнила, что детектив Монтклер в прошлый раз показался мне похожим на кобру, которая слегка раскачивается, выжидая наилучший момент для броска.

—Вы арестованы за государственную измену, мистер Барроуз, — сказал детектив. — Советую вам повиноваться, и без фокусов. Мистер и миссис Скотт, боюсь, вам тоже придется отправиться с нами.

—Это еще зачем? — спросил папа. — За что?

—Скажем, сговор с изменниками? — улыбнулся детектив. — Ложное заявление об исчезновении вашей дочери? Преступное причинение ущерба? Главный вопрос сейчас в том, следует ли выслать вас в Соединенные Штаты, чтобы вы дали показания против своих друзей-коммунистов, или же посадить в тюрьму здесь?

—Я могу все объяснить, — примирительно сказал аптекарь. — Офицер, прошу вас, выпейте с нами!

Офицер О'Нэн отрицательно мотнул головой, но я видела, каким жадным взглядом он смотрит на бутылку.

В громкоговоритель объявили о прибытии поезда. Когда все замолчали, прислушиваясь, Бенджамин вскочил со своего места, перепрыгнул через низкие металлические перила и помчался к лестнице, ведущей из бельэтажа на улицу. Полицейский погнался за ним. Аптекарь тоже бросился наутек, петляя между столиками.

Мы с Пипом переглянулись. Странно, но я не сразу смогла вспомнить, какое отношение мы имеем к удирающему аптекарю.

—Что происходит? — спросила моя мама.

—Мы должны помочь им сбежать! — сообразил Пип.

Тут в голове у меня снова прояснилось, и я вспомнила, что Бенджамин уезжает. Внутри у меня все протестовало против этого, но я знала, что Пип прав. Бросив моих родителей, мы помчались вниз по лестнице, перескакивая через три ступеньки.

Когда мы добежали до платформы, Бенджамин как раз втаскивал отца в двери поезда, готового к отправлению. Полицейские почти нагнали их. Бросившись вперед, Пип шмыгнул между ногами детективов, схватил их за щиколотки, и они втроем кубарем покатились по платформе.

Обогнув кучу-малу из рухнувших мужчин, я успела вскочить в вагон рядом с Бенджамином как раз в тот момент, когда поезд начал набирать скорость. Тут я оступилась и судорожно вцепилась в поручень. Несколько жутких секунд моя нога болталась в воздухе над платформой, но я каким-то чудом выпрямилась и втащила ее обратно.

Обернувшись, я увидела, что полицейские, сбитые с ног Пипом, начали было подниматься, но тут на них накинулась моя мама, которая принялась хлопотливо отряхивать их пальто и заботливо спрашивать, не ушиблись ли они. Одной рукой она упиралась в грудь бедняги О'Нэна, и я прекрасно видела, что она не дает ему встать, делая вид, будто помогает. Мои мысли уже начали путаться, но я все-таки подумала, какая у меня умная и храбрая мама. Пип, громко причитая, барахтался в ногах у полицейских. Мой папа вскочил в поезд следом за мной.

Вагон был полон пассажиров, ищущих свои места и размещающих вещи, поэтому нам пришлось проталкиваться между ними.

Добравшись до тамбура между нашим вагоном и следующим, мы увидели Бенджамина, который сидел на корточках на площадке перед вторым вагоном и что-то лил на пол из пузырька. Загадочный дымок поднимался от грохочущей площадки тамбура, заволакивая сцепление между вагонами, но это не был уже знакомый мне оранжевый дым, при помощи которого

Дзинь Ло помогла нам бежать из бункера. Это было какое-то жемчужно-серое марево с желтыми отсветами и резким запахом серы.

—Бенджамин! — сказала я.

Он поднял голову, но глаза его были печальны. Выпрямившись, он встал и убрал пузырек в карман.

—Мы не можем дать себя арестовать, Джейни, — сказал он. — Ты же понимаешь, правда?

—Пип задержал полицейских, — сказала я. — Их нет в поезде!

—Но мы не могли рисковать.

—Возьмите меня с собой! — закричала я и хотела вбежать в серо-желтый дым, но папа схватил меня за руку, и я невольно опустила глаза. Пол между нашими вагонами стремительно растворялся, металл на глазах покрывался ржавчиной и отваливался кусками. Серный запах усилился, дым повалил гуще. Несколько секунд я видела сцепку между вагонами, а потом она тоже начала крошиться.

—Постой! — закричала я то ли полу, то ли Бенджамину. Невозможно было оторвать глаз от волшебного исчезновения всего, что соединяло два вагона друг с другом. Вскоре между ними остался лишь один-единственный трос, но и тот вскоре проржавел и лопнул. Передняя часть поезда содрогнулась, освободившись от ноши, и Бенджамин стал уноситься прочь.

—Нет! — закричала я, бросаясь к нему в бессильной муке отчаяния. Папа обхватил меня рукой.

—Простите, что подвергал Джейни опасности, мистер Скотт! – донесся до нас крик Бенджамина. – Но больше ей ничто не будет угрожать! Она будет жить спокойно!

Затем убегающий поезд скрылся в сплошном желтом тумане, словно из ниоткуда соткавшемся над городом. Последнее, что я запомнила – мелькнувшие в дверях вагона песочные волосы Бенджамина.

Наша часть поезда, беспомощная и безмоторная, с шумом остановилась. Мы с папой спустились на землю и с трудом выбрались из толпы сбитых с толку людей, толпившихся вокруг вагона. Кто-то сказал, что машинист остановил поезд впереди, но я прекрасно знала, что Бенджамин и его отец уже сбежали под покровом подозрительного внезапного тумана. Бежать за ними не было смысла. Нам пришлось идти пешком около мили, в растерянной толпе пассажиров, по шатким камням между шпалами.

Странное шампанское, которым угостил нас аптекарь, незаметно пробиралось в наше сознание, разносясь обманчиво-невинными пузырьками – позже я узнала, что так поступает любое шампанское, – и быстро стирало воспоминания. Мой папа какое-то время пытался поймать ускользавшие вопросы, вспышками мелькавшие у него в сознании.

—Отец этого мальчика в самом деле сказал, что вы превращались в птиц?

—Кажется, да, – ответила я.

—И что бы это значило?

—Даже не знаю. Я помню, что летела, но смутно. И еще там был жаворонок. — Я изо всех сил задумалась о жаворонке. — Почему-то это было очень важно. Но я не могу ничего вспомнить.

Когда мы вернулись на станцию, мама ждала нас на платформе.

—Я так странно себя чувствую, — сказала она. — Причем я уверена, что должна знать, почему я чувствую себя так странно, но не могу вспомнить!

Пипа мы нашли на ступеньках лестницы, ведущей в кинотеатр документального кино, в компании детектива Монтклера и О'Нэна. На ступеньке у их ног стояли две бутылки аптекарского шампанского.

Моей угасающей памяти как раз хватило на то, чтобы вспомнить, кто они такие.

—Да я тут только пропустил стаканчик с этими двумя ищейками, — сказал Пип. — Тогда это показалось дельной мыслью, но теперь у меня в черепушке почему-то сплошной туман и непонятки.

Они втроем добили вторую бутылку, и детектив — куда только подевалась вся его змеиная хитрость и угрозы депортации! — встал и пожал руку моему папе.

—Добрый день, — сказал он. — Детектив Монтклер, Скотленд-Ярд. Кажется, мы не знакомы?

ГЛАВА 38

Хранители мира

Моя жизнь, начавшаяся в тот день на вокзале Виктория, оказалась довольно странной. Потеря воспоминаний у всех, выпивших аптекарское шампанское, была точной и направленной: мы полностью забыли последние три недели. Мы с родителями все-таки вернулись обратно в свою квартиру на Сент-Джордж-стрит – папа каким-то образом знал, что мы должны добраться туда как можно быстрее, поэтому тащил нас с мамой за руки по улицам – однако дома нам пришлось заново восстанавливать свою жизнь по разрозненным подсказкам, которые мы там нашли.

Мои родители не забыли, что работают на Оливию Вольф, и даже смогли найти студию «Ривертон»,

но из их памяти полностью стерся сюжет, над которым они работали, и им нечего было ответить на отчаяние и возмущение Оливии. В конце концов бедная Оливия решила, что мое исчезновение нанесло моим родителям тяжелую психологическую травму, которая полностью вытеснила все воспоминания. Но мама с папой не чувствовали себя травмированными, поскольку совершенно не помнили, чтобы я куда-то исчезала. Я тоже ничего не помнила. Наша квартирная хозяйка, миссис Пэрриш, держалась с моими родителями виновато и предупредительно, меня же сильно недолюбливала без всяких видимых причин.

У меня была форма и учебники школы Сент-Беден, поэтому я отправилась туда и стала жить по расписанию, которое нашла в одной из тетрадок. Очаровательная блондинка, сидевшая передо мной на уроке латыни, спросила меня, как прошло морское путешествие. Я обернулась и посмотрела на пустую парту сзади, думая, что она обращается к кому-то еще.

—С Бенджамином, — уточнила она.

—Кто это?

Сара во все глаза уставилась на меня.

—Нет, только не это! — прошептала она. — Значит, и с тобой то же самое!

—Что, то же самое?

—То же, что с Пипом! Вы оба все забыли.

—Кто такой Пип? — спросила я.

Мисс Уолш, застенчивая молодая учительница латыни, вежливо попросила нас прекратить болтовню,

если, конечно, мы не хотим выступить перед классом. Сара закатила глаза и послала мне записку: «Я так скучаю по мистеру Дэнби!»

«Кто такой мистер Дэнби?» – написала я в ответ.

Сара прочитала записку, и я увидела, как ее золотая коса слегка шевельнулась на спине. Что-то важное было связано с этой косой и с изгибом белой шеи под ней, но я не помнила что. Сара быстро написала ответ и передала мне записку. «Сядь за обедом со мной».

Друзья Сары расчистили для меня место за ее столом, что вызвало небывалый ажиотаж в столовой. Девочки оказались глупыми, зато мне сразу понравился друг Сары, которого звали Пип. Он был маленький, ниже Сары, с огромными глазами, как у какого-то редкого животного, и быстрой живой улыбкой. Пип тоже был новичком в Сент-Бедене, он перевелся сюда откуда-то из Ист-Энда.

–Я как пришел в свою старую школу, – рассказывал он, – а они мне, значит, и говорят, что кто-то оплатил мое обучение здесь. А я и знать не знаю. Меня, видать, тюкнули по голове или вроде этого, так что последних трех недель как не стало.

–Последних трех недель как не бывало, – поправила Сара.

Пип улыбнулся.

–Она хочет, чтобы я фасонисто разговаривал, – признался он. – Но ты не трусь, тебе тут понравится. Я вот член шахматного клуба, а узнал об этом совершенно случайно, после того как парень по имени Ти-

моти вдруг подошел и ни с того ни с сего отсыпал мне полкроны, как с куста. Ты давай тоже вступай к нам.

—Я паршиво играю в шахматы.

—Вот удача! — просиял Пип. — Значит, будем играть на деньги.

Тут я снова почувствовала электрический разряд в мозгу, словно мои оглушенные нейроны пытались мне что-то сказать, но я не понимала, что именно.

—Тут еще раньше учился один русский парень, он был президентом шахматного клуба, пока не отвалил в Америку, — продолжал Пип.

—Так что теперь, выходит, я президент. Кстати, я тоже подумываю как-нибудь переехать в Америку. Ты ведь оттуда, да? И как там, колоссально?

Я ответила, что да, но в Лондоне тоже здорово.

Когда Сара узнала, что мои родители пишут сценарий для телесериала о Робин Гуде, она сразу же загорелась желанием попасть на студию, и после уроков я повезла их с Пипом на метро в «Ривертон». Мои родители были просто счастливы видеть, что я завела новых друзей, зато Оливия с первого взгляда влюбилась в Пипа с его огромными глазами и врожденной акробатической грацией.

—Где ты его нашла? — ахнула она, глядя на меня.

Вечером этого же дня Оливия взяла такси и отправилась в Ист-Энд, чтобы поговорить с родителями Пипа, у которых не было телефона, и вскоре он стал самым молодым вольным стрелком в отряде Робин Гуда. Пип был в восторге от своей новой работы, денег и внимания. Когда сериал вышел на экраны, люди стали

узнавать его на улице, и прелестной Саре Пеннингтон впервые в жизни пришлось делить с кем-то восхищенное внимание прохожих.

Я вступила в шахматный клуб, а Пип оказался терпеливым наставником. Он научил меня думать на три-четыре хода вперед, а не бездумно переставлять фигуры по доске. Медленно, но верно он делал из меня сносного игрока.

Сергей Шишкин, экс-президент школьного шахматного клуба, прислал коротенькое письмо из Сарасоты, штат Флорида, и мутную фотографию, на которой был изображен бородатый мужчина и женщина в головном платке, стоявшие на прекрасном песчаном пляже рядом с двумя детьми-подростками: высоким, крепко сбитым мальчиком и бледной, хрупкой девочкой.

Лица на фотографии были плохо различимы, но все Шишкины широко улыбались, щурясь от яркого флоридского солнца. Сергей писал, что у него все замечательно и ему нравится новая школа. В конце была приписка: «*P.S. Пожалуйста, передайте Джейни и Бенджамину огромное спасибо от меня. К сожалению, у меня нет их адресов*».

—Это он обо мне? — уточнила я у Тимоти, прыщавого мальчика, давшего мне прочитать письмо.

—Конечно, — ответил Тимоти. — Ты же Джейни.

—Но я его совсем не знаю.

—Хватит прикидываться! Вы же с ним были в научной команде!

—Какой еще научной команде? Не знаю я никакой команды!

Постепенно друзья привыкли к нашей досадной амнезии. Со временем она превратилась во всем известный факт нашей с Пипом биографии, вроде того что я была родом из Калифорнии, а он из Ист-Энда. А еще мы с ним оба утратили воспоминания о трех неделях жизни, с кем не бывает?

Какие-то британские агенты в костюмах являлись к нам домой, чтобы допросить, но уходили ни с чем. Они спрашивали о мистере Дэнби, и я честно ответила, что это наш бывший школьный учитель латыни, но я его никогда не видела, а теперь у нас преподает мисс Уолш. Еще они расспрашивали об аптекаре по имени Маркус Барроуз и его сыне Бенджамине, мальчике примерно моего возраста. Мы знали, что за углом есть заколоченная аптека, но больше ничем не могли помочь Британии.

Тем временем холодная война шла своим чередом, США и СССР продолжали создавать ядерное оружие. Поговаривали, что Англия готовится провести испытания ядерной бомбы в Австралии. В школе продолжали регулярно проводить учебные тревоги, но когда смолкал громкий вой сирены и все вылезали из-под столов, я больше не чувствовала страха — хотя, конечно, не понимала почему.

Ровно через год после моего возвращения в Сент-Беден я получила по почте посылку без обратного адреса со странным неразборчивым штемпелем. Я от-

несла посылку в свою комнату и разорвала коричневую оберточную бумагу. Внутри лежал маленький красный дневник.

Я открыла его и узнала свой почерк, но не узнала написанного. Пролистнув страницы, я прочитала февральскую запись, в которой на чем свет стоит ругала своих глупых родителей, увозивших меня в дурацкий Лондон. Потом наткнулась на описание своего ужасного первого дня в Сент-Бедене, единственным приятным событием которого было знакомство с мальчиком по имени Бенджамин Барроуз, который хотел стать шпионом. Следующая запись обрывалась на том моменте, когда Бенджамин забрался на дерево за моим окном, потому что его отец пропал и ему некуда было идти.

Утраченные воспоминания начали отрывками возвращаться ко мне. Что-то заставило меня прервать чтение и пролистнуть дневник назад.

Там, на одной из последних страниц, была запись, сделанная незнакомым почерком. С первого взгляда было видно, что писавший взвешивал каждое свое слово, и вот что он написал:

Дорогая Джейни

Опасность миновала, и теперь ты можешь оставить дневник у себя. Я перечитывал его каждый день.

Надеюсь, ты не обидишься на меня за это. По крайней мере, раньше не обиделась бы. Я перечитывал твой дневник, потому

что только так мог почувствовать себя рядом с тобой. А сейчас я возвращаю его тебе, чтобы ты поняла, почему нам пришлось уехать, и чтобы сказать тебе: я обязательно вернусь. Может быть, в будущем году, может, позже, не знаю. Так что не тяни, занимайся шахматами! Ожидаю сильного дебюта!

С любовью, Б.

За окном стоял редкий солнечный день начала весны, и дерево, по которому Бенджамин когда-то забрался в мое окно, было усыпано зелеными почками. У меня уже случился отличный шахматный дебют, и, сидя с дневником на коленях, я чувствовала, что меня переполняет счастливый, бессмысленный смех, отравленный печалью и настоящей, взрослой болью. Только теперь мне стали понятны те странные ощущения, которые преследовали меня целый год. И еще я точно знала, что где-то и прямо сейчас Бенджамин и его отец заботятся обо всех нас, рискуя жизнью, чтобы сберечь мир на земле.

И что я непременно увижу его снова.

БЛАГОДАРНОСТИ

Рождением этой книги я обязана моим друзьям, Дженифер Флекет и Марку Левину, которые подарили мне Джейни, Бенджамина и таинственного аптекаря, доверив начало истории, которой очень дорожили. Они рассказали мне свою задумку нового фильма, позволили вжиться в сюжет и подробно обсуждали со мной все его повороты по мере развития и изменения истории. В процессе работы я открыла для себя два мира: промозглый Лондон времен холодной войны и потрясающе дружелюбный мир детского издательства «Пингвин», – и путешествие в эти миры изменило мою жизнь.

В работе над этой книгой мне помогли книга Дэвида Кинастона «Британия эпохи жесткой экономии, 1945–1951», выставка «Детская война» в Имперском Военном Музее Лондона, а также книга Лин Смит «Юные голоса: британские дети вспоминают Вторую мировую войну».

Что касается «Приключений Робин Гуда», то так назывался ранний телесериал продюсера Ханны Валенштейн, которая переехала в Лондон в пятидесятых годах прошлого века и наняла американских сценаристов, внесенных в «черный список» на родине, писать сценарий под псевдонимами. Я позволила себе творчески обойтись с реальными деталями этого давнего

шоу, так же как и с исторической фигурой великого физика Андрея Сахарова.

Лондонский Аптекарский сад в Челси существует на самом деле, это волшебное место, где растут целебные и прочие растения со всего мира. Честное слово, в центре сада действительно есть прекрасная белая шелковица со склоненными до земли ветвями, под которыми вы легко сможете спрятаться, если будете в парке. Я точно не знаю, растут ли там травы, позволяющие превращаться в птицу или говорить только правду, но думаю, что мы не должны исключать никакие вероятности!

Для среднего школьного возраста

Майли Мэлой

Аптекарь

Maile Meloy

The Apothecary

скан Larisa_F

Ведущий редактор Светлана Злобина-Кутявина
Редактор Татьяна Трофимова
Ответственный за выпуск Антон Смоленцев
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректоры Ирина Мокина, Марина Сиротникова
Верстка Елена Илюшина

ООО «Издательство Астрель»,
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 23.04.12. Формат 60x90/16
Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28
Тираж 3000 экз. Заказ 4198/12.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru
По вопросам оптовой покупки книг
обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16